

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018 5 (795)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 5 (795)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 5 (795)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
С. С. Куанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Т. В. Писанова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (Россия)
М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
И. А. Семина, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Т. С. Сорочкина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание

И. Василюк, канд. филол. наук (Польша)
Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)
Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. А. Урлова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Э. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение

А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (литературный ин-т им. М. Горького)
С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология

А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Е. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Р. А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки

В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Лоцилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. А. Сухарев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Архипова А. А.</i> Общие и дифференциальные характеристики прогностических текстов	9
<i>Долгих З. Б.</i> Обзор ряда корпусных возможностей в сфере лингвистических исследований (на примере анализа средств градуирования в португальском языке)	21
<i>Ильина Т. П.</i> Инклюзивное написание: нелепая мода или дальнейшее развитие французского языка по пути «феминизации»?	33
<i>Когалова Е. А.</i> Восприятие высказывания в зависимости от интенсивности его звучания	43
<i>Кудрявцева Н. Б.</i> О видах однородности лингвистических единиц (на материале французского языка)	53
<i>Куковская А. В.</i> Концептуализация мировосприятия в сфере массовой культуры в контексте англоязычного интернет-дискурса коммуникации блогеров	68
<i>Лаптева О. Е.</i> Описание лексико-тематической группы «старость» как фрагмента концепта «возраст» в португальском языке	75
<i>Манухина А. О.</i> Иерусалим как символ Небесного Града в рыцарской культуре эпохи Крестовых походов (XII–XIII вв.)	87
<i>Петрущенкова Л. Ю.</i> Начальный этап становления банковской терминологии французского языка	98
<i>Порохницкая Л. В.</i> Концептуальные оппозиции в семантике эвфемистических единиц	109
<i>Пылакина В. В.</i> Заемствования из арабского в современном французском языке	116
<i>Седова Д. А.</i> Формирование и эволюция лексики мужской моды французского языка в эпоху барокко	127

- Семина И. А.*
К определению субстантивной широкозначности (на материале предметных существительных современного французского языка) 137

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Лихачева С. Б.*
Гильем Тудельский и его хроника: об авторстве и жанровом своеобразии первой части «Песни об Альбигойском крестовом походе» 151
- Кораблева Н. Ю.*
Соблюдение особенностей идиолекта литературных персонажей в переводе: грамматический аспект 167
- Минералов Г. Ю.*
Национальное как фактор художественности перевода (на материале французской и русской литературы) 175

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Альварес А. А. Солер*
Роль аудиовизуального перевода в обеспечении межкультурного и межъязыкового взаимодействия 185
- Салкина М. С.*
Замещающая миграция как фактор культурализации национальной идентичности: опыт Франции 192

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

- Маслова А. В.*
Роль науки в самопознании человека в современную эпоху 204
- Марчин Годава, Маслова А. В.*
Мистические традиции в духовной культуре Запада и Востока (обзор «круглого стола») 215

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Arkhipova A. A.</i> Common and Differential Characteristics of Prognostic Texts	9
<i>Dolguikh Z. B.</i> An Overview of Some Basic Possibilities of Corpus in the Field of Linguistic Research (on the Example of Analysis of Graduation Means in the Portuguese Language	21
<i>Ilina T. P.</i> Inclusive Writing: a Fashionable Aberration or Natural Language Development Towards «Feminization»?	33
<i>Kogalova E. A.</i> The Speech Perception Depending on Its Sound Intensity	43
<i>Kudryavtseva N. B.</i> The Types of Linguistic Unities Homogeneity (at the Example of the French Language)	53
<i>Kukovskaya A. V.</i> World Perception Conceptualisation in the Sphere of Pop-Culture Within the Framework of the English Internet-Discourse of Bloggers' Communication	68
<i>Lapteva O. E.</i> Lexico-Thematic Group "Old Age" as a Fragment of the Conceptual Sphere "Age" in the Portuguese Language	75
<i>Manuhina A. O.</i> Jerusalem as the Symbol of the Heavenly City in the Chivalry Culture of the Epoch of the Crusades (XII–XIII Centuries)	87
<i>Petrushchenkova L.</i> The Initial Stage of the Banking Terminology Formation of the French Language	98
<i>Porokhnitskaya L. V.</i> Conceptual Oppositions in the Semantics of a Euphemism	109
<i>Pylakina V. V.</i> Borrowings from Arabic into the Modern French	116

<i>Sedova D. A.</i>	
Formation and Evolution of Men's Fashion Vocabulary of French Language in the Baroque Period	127
<i>Syomina I. A.</i>	
The Notion of Wide-Meaning (based on the Study of Concrete Nouns in Modern French) 131	137

LITERARY STUDIES

<i>Likhacheva S. B.</i>	
Guilhem de Tudela and His Chronicle: on the Authorship and Genre Specificity of the First Part of the "Chanson de la Croisade Albigeoise"	151
<i>Korableva N. U.</i>	
Preservation of Idiolect of Literary Characters in Translation: Grammar Aspect	167
<i>Mineralov G. Y.</i>	
National Mentality as a Factor of Artistic Merit for Literary Translations (based on Works of French and Russian Literature)	175

CULTUROLOGY

<i>Alvares Soler A. A.</i>	
The Role of Audiovisual Translation in Intercultural Communication	185
<i>M. S. Salkina</i>	
Replacement Migration as a Factor in Culturalisation of National Identity: the Case of France	192

PHILOSOPHY

<i>Maslova A. V.</i>	
The Role of Science in Human Self-Knowledge in the Modern Era	204
<i>Maslova A. V., Marcin Godawa</i>	
Mystical Traditions in the Spiritual Culture of the West and East	215

УДК 81'42

А. А. Архипова

специалист по учебно-методической работе кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка МГЛУ;

e-mail: kuroi_tsuki@mail.ru

ОБЩИЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОГНОСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Данная статья посвящена изучению прогностического дискурса, который репрезентируется текстами, содержащими установку на темпоральность, связанную с будущим и включающую в себя прогноз как тематическое ядро.

Актуальность проведения данного исследования заключается в том, что прогнозирование играет важную роль в современном развитии общества. Созданию прогноза уделялось много внимания в древние времена. Первые прогнозы появились на основе ненаучных практик и были обусловлены практической необходимостью. Последнее остается особенно важным и для сегодняшнего дня, например, для православной прогностической научной фантастики, которая выполняет определенный социальный заказ, выражая надежды и страхи людей в отношении будущего.

Прогностический дискурс включает в себя тексты, принадлежащие к различным сферам коммуникативной деятельности человека. Некоторые из этих текстов изучены недостаточно: например, такие, которые принадлежат как к научной, так и к православной художественной фантастике.

Вместе с тем можно с уверенностью сказать, что все прогностические тексты имеют как общие, так и отличающиеся черты. Общей характеристикой таких текстов является, прежде всего, наличие прогноза, представляющего собой вероятностное суждение о будущем состоянии какого-либо процесса или явления, а также их прагматическая функция, имеющая различную степень интенсивности: высокую, среднюю и низкую.

Среди их отличительных особенностей следует, прежде всего, назвать их принадлежность / непринадлежность к научной сфере и, соответственно, использование / неиспользование научных методов. К первым относятся метеорологический, политический, социологический, экономический и др. прогнозы, которые называются рядом авторов рациональными.

Другие тексты о предсказании будущего (профетические) рассматриваются как иррациональные: они содержат информацию, относящуюся главным образом к пока неизвестным или несуществующим явлениям, процессам, событиям, которые, по утверждению предсказателя, предопределены.

Прогностические тексты могут принадлежать к различным стилям. Например, стиль может быть научным, научно-популярным, публицистическим или псевдонаучным.

Особое место занимают тексты прогностической публицистики. Их прогноз связан с таким объектом как родина их авторов, а именно СССР или Россия и может заключаться в выявлении негативных и позитивных образов страны. Прогноз такого типа способствует пониманию состояния общественной мысли, надежд и опасений социума.

Нехудожественные публицистические прогностические тексты можно противопоставить текстам научной фантастики. Важную роль в становлении этого жанра сыграли многие писатели и ученые XIX–XX веков. Этим текстам присуще слияние научного предвидения и необходимых художественных средств для его выражения.

Таким образом, прогнозирование, которое становится одним из решающих факторов общественного развития, предусматривает различные формы получения информации: ненаучные, научные, а также научно-интуитивные. Создаваемые в прогностических текстах модели будущего относятся к различным областям жизнедеятельности как отдельного человека, так и к жизни страны в целом. Высказываемые в них новые идеи могут приводить к решению научно-технических проблем, а также проблем еще не поставленных наукой.

Ключевые слова: прогностический текст; прогноз; предсказание будущего; футурологический текст; прогностическая публицистика; научная фантастика.

A.A. Arkhipova

Specialist in Teaching and Methodical Work, Department of the French Language Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, MSLU
e-mail: kuroi_tsuki@mail

COMMON AND DIFFERENTIAL CHARACTERISTICS OF PROGNOSTIC TEXTS

The article is devoted to the study of prognostic discourse, which is represented by texts that contain the adjustment for temporality that is associated with the future and includes a forecast as the thematic nexus.

The relevance of this study consists in the fact that forecasting plays an important role in modern social development. Great attention was paid to the creation of prognosis in ancient times. The first forecasts were based on unscientific practices and were predetermined by practical necessity. The latter remains particularly important for the present time. For example, Orthodox predictive science fiction performs a particular social order, expressing hopes and fears of people concerning the future.

Prognostic discourse includes texts that belong to different spheres of communication. Some of these texts are little studied: for example, such types of predictive fiction discourse as scientific and Orthodox science fiction.

Nevertheless, it is safe to say that all predictive texts have both common and differential features. The common characteristic of these texts is a forecast, that

determines probabilistic statement of the future condition of some process or phenomenon, as well as their impact on the recipient that can have different degrees of intensity: high, medium and low.

Among their distinctive features, it is first of all necessary to name their belonging / not belonging to science and, accordingly, use / non-use of scientific methods. To the first group there belong meteorological, political, sociological, economic, etc. forecasts that are also called rational by many authors.

Other texts about the prediction of the future (prophetic) are considered as irrational: they contain information related mainly to unknown or non-existing phenomena, processes, events that, according to the predictor are predetermined.

Prognostic texts can belong to different styles such as scientific, popular scientific, journalistic or quasi-scientific.

Predictive journalism texts occupy a special place. Their forecast is associated with such an object as the birthplace of their authors, namely the Soviet Union or Russia, and can identify some positive and negative images of this country. A prediction of this kind contributes to the understanding of the status of social thought, hopes and fears of society.

Non-fiction prognostic texts can be set against science fiction. An important role in the development of this genre was played by many writers and scientists of the XIX–XX centuries. These texts inherent the fusion of scientific foresight and necessary artistic tools to express it.

Thus, forecasting that becomes one of the decisive factors of social development provides various forms of obtaining information: unscientific, scientific, as well as scientifically-intuitive. Models of the future created in predictive texts refer to different areas of life of an individual, and to the life of the country as a whole. The new ideas expressed in them can lead to the solution of scientific and technical problems, as well as problems not yet posed by science.

Key words: prognostic text; forecast; prediction of the future; futurological text; prognostic publicism; science fiction.

В настоящее время в лингвистике уделяется значительное внимание прогностическому дискурсу. Формирующие его тексты определяются как «тексты, основная прагматическая установка которых – темпоральность – относится, прежде всего, к будущему и включает в себя прогноз как тематическое ядро» [Князева 2009, с. 207].

Объясняя подобное внимание к предвидению, прогнозированию будущего, исследователи подчеркивают, что человек, живущий в пределах пространственно-временной системы координат, моделируется временем как социальное существо, и сам, в свою очередь, моделирует время и испытывает необходимость контролировать будущее [Солопова 2011].

Ряд прогностических текстов, принадлежащих к различным сферам коммуникативной деятельности, уже изучались лингвистами

с точки зрения специфики прогноза как общего концепта, объединяющего данные тексты. Среди последних исследователи называют прежде всего тексты о предсказании будущего (прорицания, пророчества, гадания, толкования снов и т. д.); футурологические тексты, содержащие политические, экономические, социологические и другие виды прогнозов, а также метеорологические и астрологические прогнозы (гороскопы) [Савицкайте 2006].

Перечисленные виды прогностических текстов имеют как общие, так и дифференциальные признаки. В качестве общей для них характеристики следует отметить прогноз, на основании наличия которого данные тексты относятся к прогностическим. При этом прогноз определяется как вероятностное суждение о будущем состоянии какого-либо процесса или явления.

Вместе с тем необходимо отметить многообразие терминов, обозначающих суждение, в том числе и научное обоснованное, о будущих состояниях объекта. С точки зрения ряда исследователей, наиболее точным в этом отношении представляется именно термин «прогноз». В нем отражается стремление научного познания к получению обоснованных и достоверных знаний о будущем (про+гнозис), в отличие, например, от предсказания в жанре фантастики или пророческого предвидения общественного лидера [Ассева, Алексеенко 2012]. Понятие прогноза тесно связано с понятием прогнозирования, которое понимается как «особая деятельность по описанию качественных и количественных характеристик возможных и желательных вариантов будущих событий в определенном интервале времени. Научное предсказание, или научное прогнозирование, является необходимым проявлением научно-прогностического дискурса» [Ассева, Алексеенко 2012, с. 223]. В настоящее время прогнозированием будущего, в силу его многоаспектности, занимается не одна какая-либо наука. Речь идет о прогностике как о науке междисциплинарной.

Собственно прогнозирование представляет собой научное исследование перспектив человечества, предметом изучения которого является будущее, и продуктом, результатом исследований, выступают научные выводы о вариантном состоянии изучаемых объектов. Если предсказание развития различных ситуаций, событий осуществляется на основе интуиции, то прогнозирование – на вполне научных методах исследования и, в большей степени, на рациональных основаниях [Арефьева 2010].

Прогностические тексты относятся к различным эпохам. Тексты о предсказании будущего (плачи, вещания, песни и т. д.), по мнению исследователей, являются древнейшими. Первоначально они существовали только в устной форме, затем появились письменные источники подобных текстов [Князева 2009].

Следующая особенность, общая для прогностических текстов, заключается в том, что практически все из них уходят корнями в глубокую древность, и их появление вызвано практической необходимостью. Так метеопрогноз, представляющий собой в настоящее время научное обоснованное предположение о будущем состоянии погоды в конкретном регионе на конкретный период, появился на основе ненаучных практик. Затем многочисленные и разнообразные метеорологические наблюдения были обоснованы научно и положены в основу современной научной метеорологии.

Положение о том, что прогностические тексты появились в результате практической необходимости, подкрепляется в последние годы заявлением об «императиве будущего», в качестве которого рассматривается православная прогностическая фантастика, как специфический сектор литературы [Иртенина 2005].

По словам Н. В. Иртениной, смысл и задача произведений подобного жанра заключается в том, что в них православие показывается как действующая сила, как стихия, творящая историю. Данные произведения призваны «рекрутировать» сторонников, вовлекать в православный дискурс новых людей, даже если они неверующие, но принимающие православную цивилизацию как родную и естественную для себя.

Православная прогностическая научная фантастика, как и многие другие прогностические тексты, появилась вследствие практической необходимости, выполняя с самого своего рождения определенный социальный заказ: эксплицитировать надежды людей, их страхи в отношении будущего, указывая на то, что будущее в том или ином варианте уже известно и диктует живущим в настоящем свои условия.

Н. В. Иртенина подчеркивает, что основное содержание произведений православной фантастики – императив будущего: оно повелевает, мы исполняем или сопротивляемся; оно делает вызов, мы ищем негибельный для нас ответ на этот вызов. При этом единственным ответом на этот вызов может являться собственное очищение, отдаление светом христианской истины много веков подготовляемый момент окончательного прихода тьмы.

Кроме перечисленных выше общих характеристик, свойственных прогностическим текстам, их объединяет также способность оказывать воздействие, хотя и имеющее различные степени интенсивности: высокую, среднюю и низкую, или слабую. Высокая степень воздействия, по мнению О. И. Таюповой, присуща прогностическим текстам, исключаям всякую свободу выбора для реципиента; средняя – текстам, имеющим предписывающий характер; низкая – текстам, предоставляющим свободу выбора [Таюпова 2005]. Так, по мнению исследователя, метеопрогноз предполагает слабую степень прагматического воздействия на читателя, так как не заключает в своей содержательной части никаких директив. Астропрогноз предполагает среднюю степень прагматического воздействия, которое реализуется при помощи лексико-семантических конструкций, выражающих совет или предписание. Так, гороскоп, составленный астрологом, обладает явной или скрытой авторской установкой воздействия на адресата, представленного группой людей или индивидом, чтобы последний последовал содержащимся в нем рекомендациям. Высокой степенью воздействия обладают футурологические тексты, носящие директивный характер и не предоставляющие свободу выбора.

С другой стороны, прогностические тексты характеризуются рядом отличительных особенностей и специфических характеристик. Наиболее значимой из них является их принадлежность / непринадлежность к научной сфере и, соответственно, использование / неиспользование научных методов.

Тексты, содержащие научный прогноз, называются исследователями прогностического дискурса рациональными, а также футурологическими. Таковы, например, метеорологический, политический, социологический, экономический и др. прогнозы. Они находят свое выражение в научной коммуникации, которая отличается своими закономерностями и специфическими особенностями. Так, автор и реципиент многих социологических, политических и экономических текстов научных специализированных изданий должны быть компетентными в соответствующей области, иметь специальную подготовку, быть способными к критическому анализу и оценкам [Плахов 2011].

Другие тексты о предсказании будущего (профетические) содержат информацию, относящуюся главным образом к пока неизвестным или несуществующим явлениям, процессам, событиям, которые, по утверждению предсказателя, предопределены. Исследователи

называют такие предсказания иррациональными, ставят их в один ряд с телепатией, ясновидением. Их методы далеки от научных, они основываются на ненаучных наблюдениях и имеют ненаучные формы.

Одна из важнейших характеристик многих текстов о предсказании будущего (профетических) заключается в обобщенном и абстрактном их содержании, что позволяет интерпретировать их в разных ситуациях по-разному [Князева 2009, с. 209]. Подобная черта также свидетельствует о ненаучном характере данных текстов, в противоположность текстам футурологическим, основывающимся на научных методах.

Согласно критериям, предлагаемым Н. С. Валгиной, такие тексты о предсказании будущего, как прорицания, пророчества, гадания, толкования снов и т. д. представляют собой нехудожественные тексты, так как в них отсутствует художественный вымысел, являющийся основополагающим признаком художественных текстов [Валгина 2003].

Между тем вопрос о стилевой принадлежности прогностических текстов не раз вставал перед исследователями. При этом отмечалось их принадлежность к различным стилям. Например, в футурологических текстах стиль может быть научным, научно-популярным, публицистическим или псевдонаучным [Епифанов, Кулешова 2017]. Кроме того, прогностические тексты можно встретить также в прогностической публицистике и жанре научной фантастики.

Тексты, относимые к прогностической публицистике, принадлежат авторам русского зарубежья второй половины XX в., так называемым авторам-эмигрантам «третьей волны»: А. Солженицыну, В. Максимова, С. Довлатову, П. Вайлю, А. Гениса, В. Войновичу, В. Аксёнову, А. Сияневскому. Прогностическая функция публицистики прослеживалась в произведениях разных жанров – публицистических статьях, интервью, письмах, обращениях, и содержащиеся в них прогнозы относились к будущему Советской России и Запада.

Как отмечает исследователь данных текстов Н. М. Байбатырова, писатели и публицисты, принадлежащие к «третьей волне» эмиграции, не придерживались единых политических взглядов. Они пытались прогнозировать социально-политические и экономические события на год и десятилетия вперед, используя при этом основные типы прогнозов – поисковые, нормативные, научные [Байбатырова 2016]. Так, поисковые прогнозы, предполагающие ответы на вопросы: в каком направлении идет развитие? что вероятнее всего произойдет

при сохранении существующих тенденций? – содержались в текстах В. Максимова; нормативные прогнозы – в статьях А. Солженицына, В. Аксёнова, Э. Лимонова и некоторые предположения, направленные на достижение поставленных целей в соответствии с заранее определенными нормами и идеалами. Научный прогноз свойственен произведениям А. Зиновьева, автора научных публицистических произведений – серии социологических романов и повестей, сборников публицистических статей, докладов, интервью.

Одна из сильных сторон прогностической публицистики состояла в том, что социальные явления рассматривались в их динамическом состоянии, в прогнозе высказывалось мнение относительно появления сверхобщества, предпринималась попытка предостеречь людей от грядущей опасности для современного общества – обезличивания человека, превращения его существования в пустое времяпрепровождение [Байбатырова 2016].

Выявление сущности позитивных и негативных образов России получило широкое распространение в современных СМИ [Шевцова 2016], в частности в журналистских текстах газеты «Московский комсомолец» за 2015 г., выполненных в жанре авторской колонки. Здесь рассматриваются не только различные образы конструирования будущего, но и значительная часть массовой коммуникации посвящена размышлениям о прошлом.

Отмечается тот факт, что огромное внимание журналистов к будущему страны не случайно и является особенностью темпоральной картины мира российского человека [Ерофеева 2009]. По мнению исследователя, в периоды нестабильности и кризисных явлений прогностическая функция журналистики актуализируется еще больше. Изучение образов будущего, представленных современными СМИ, имеет большое значение не столько для оценки прогностических способностей отдельного автора или раскрытия его творческого метода, сколько для понимания состояния общественной мысли, надежд и опасений социума.

Вместе с тем образы будущего носили в журналистике за 2015 г. как позитивный, так и негативный характер и представляли собой довольно частое явление в колумнистике газеты «МК». Некоторые из них были связаны с восприятием «удушливой атмосферы» настоящего и «ожиданием скорой грозы». Чаще всего о положительном исходе публицисты говорили иронично [Шевцова 2016]. Оптимистический

взгляд колумнистов на будущее был основан в большинстве случаев на идее интеграции России в глобальный мир и возможности ее сближения с Западом.

Негативные образы будущего, по мнению исследователей, в отличие от позитивных, возникали уже в заголовках колонок: «Хуже уже будет», «Фантастическое будущее без нас», «Ужасное далеко». В текстах негативный прогноз раскрывался в таких образах будущего, как «зловонное болото», «концентрационный лагерь» и т. д. Крайнее выражение пессимистического во взгляде автора – констатация «отсутствия будущего». Для усиления эмоционального воздействия колумнисты активно использовали метафоры. Для передачи мрачных предсказаний – один из ярких художественных приемов – доведение до абсурда [Шевцова 2016].

Научное предвидение как «обоснованное предположение о будущем состоянии явлений природы и общества или о явлениях, неизвестных в настоящий момент, но поддающихся выявлению» [Философский энциклопедический словарь 1983, с. 524], получает свое обоснование в особом виде художественной литературы – научной фантастике, ибо ее своеобразие состоит в «подчинении художественного воображения логике научно-прогностических приемов» [БСЭ 1974, с. 336].

Исследующий прогностический аспект научной фантастики, Е. В. Цветков подчеркивает, что она играет значительную роль в определении и реализации сценариев будущего. Как и сама наука, этот вид художественной литературы является культурно-историческим феноменом и предсказывает не события, а их вероятность [Цветков 2008].

Зарождению научной фантастики в XIX в. способствовало не только обобщение опыта, накопленного к тому времени человечеством в различных областях знаний (биологии, экономики, химии и др.), стремительное развитие техники, технологий, инноваций в сфере производства и внедрение научных знаний в технико-технологические процессы. Научная фантастика, так же как, например, метеорологический прогноз, выросла из практической необходимости, развиваясь благодаря тому, что общество нуждалось в прогнозе, ответах на вопросы о возможном будущем.

Важную роль в становлении научной фантастики сыграли многие писатели XIX–XX вв. Особое место в определении характера современной научной фантастики отводится Ж. Верну, «предвидевшему

и предсказавшему научные открытия в самых различных областях, подводные лодки, акваланги, космические полеты, телевидение, а также революционные потрясения XX века» [Цветков 2008, с. 51]. По мнению Е. В. Цветкова, именно – Ж. Верн определил характер научной фантастики в сочетании научного и социального предвидения будущего.

В русской научной фантастике особое место отводится К. Э. Циолковскому, ученому, основоположнику космонавтики, литературное творчество которого не отделимо от его научной деятельности. В его научно-фантастических произведениях «На Луне» (1883), «Изменение относительной тяжести на Земле» (1894), «Вне Земли» (1918) присутствует множество гениальных технических и теоретических прогнозов развития будущего космонавтики.

Научные предсказания, присущие главным образом крупным ученым, поэтам, писателям, базируются на глубоком знании науки и объективном прогнозе ее развития. Е. В. Цветков отмечает, что многие предвидения фантастов можно назвать научно-интуитивными; они основаны на уникальном даре предсказания, научных знаниях и интуиции [Цветков 2008, с. 52]. Таким образом, научно-фантастическая литература обладает научным предвидением и имеет все необходимые для этой цели художественные средства и возможности, дублировать которые, как подчеркивает исследователь, не может никакой другой вид литературы. Прогностическая функция научной фантастики, как и других прогностических текстов, имеет большую практическую ценность: она сводится к созданию новых идей, способствующих разрешению научно-технических проблем, в том числе и тех, которые еще не поставлены современной наукой и техникой. Вместе с тем многие вопросы развития научного предвидения в научной фантастике разработаны недостаточно. Фантастика, как одна из основ художественной прозы, в самом широком понимании мало исследуется.

Таким образом, в настоящее время прогностические тексты предусматривают различные формы получения информации: ненаучные, научные, а также научно-интуитивные. Их появление обусловлено практической необходимостью. Все они оказывают прагматическое воздействие на человека.

Прогностические тексты могут принадлежать к различным стилям: научному, научно-популярному, псевдонаучному, публицистическому,

художественному. Создаваемые в них модели будущего относятся к различным областям жизни человека, к отдельному человеку или к жизни страны в целом, а высказываемые в них новые идеи могут приводить к решению научно-технических проблем, а также проблем еще не поставленных наукой. Поэтому, можно сказать, что прогнозирование становится одним из решающих факторов общественного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арефьева Н. Т.* Прогнозирование и его социокультурные цели. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» // Культурология. 2010. № 4. URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Arefieva/
- Ассева И. А., Алексеенко А. И.* Становление прогностики как междисциплинарной науки о будущем // Известия Юго-Западного государственного университета. Ч. 1. 2012. № 5 (44). С. 221–225.
- Байбатырова Н. М.* Прогностическая публицистика авторов русского зарубежья второй половины XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. № 1 (15). С. 51–56. (Сер. 8. Литературоведение.)
- Валгина Н. С.* Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
- Епифанов В. С., Кулешова А. В.* Семиотическая организация французских прогностических текстов // Филологический аспект. Нижний Новгород: Открытое знание. 2017. № 7 (27), С. 24–29.
- Ерофеева И. В.* Аксиология медиатекста в российской культуре (ценностная рефлексия журналистики начала XXI века). Чита: ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского, 2009. 297 с.
- Иртенина Н. В.* Императив будущего. 2005. URL: www.pravaya.ru/look/6060
- Князева А. А.* Тексты о предсказании будущего как вид прогностических текстов // Известия РГПУ им. А. Герцена. 2009. № 114. С. 207–212.
- Нудельман Р. И.* Научная фантастика // БСЭ. 3-е изд. Т. 17. М., 1974. 616 с.
- Плахов В. Д.* Социология как дискурс / дискурсы // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 60–66.
- Савицкайте Е. Р.* Дискурсивные характеристики прогностических текстов (на материале немецких гороскопов): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 239 с.
- Солопова О. А.* Когнитивно-дискурсивное прогнозирование // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 22 (239). С. 22–27. (Лингвистика.)
- Таупова О. И.* Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных прозаических текстах современного немецкого языка: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2005. 406 с.

Философский энциклопедический словарь / сост: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

Цветков Е. В. Научная фантастика и научное предвидение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2008. № 1. С. 49–54. (Гуманитарные и социальные науки.)

Шевцова Д. А. Образы будущего в колумнистике газеты «Московский комсомолец» // Научный диалог. 2016. № 8 (56). С. 97–106.

УДК 159.946.3

З. Б. Долгих

ст. преподаватель кафедры португальского языка переводческого факультета МГЛУ, соискатель кафедры португальского языка переводческого факультета
e-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

ОБЗОР РЯДА КОРПУСНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В СФЕРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(на примере анализа средств градуирования в португальском языке)

В статье дается краткий обзор как основных вариантов использования корпусов текстов, так и наиболее современных корпусных возможностей и технологий.

Во введении автор говорит о важной роли корпусной лингвистики, предоставляющей с каждым разом всё больше возможностей специалистам в сфере лингвистических исследований, а также для решения прикладных задач.

В первом разделе основной части определяются ключевые понятия и термины, связанные с корпусной лингвистикой; выделяются основные черты современного корпуса текстов – машиночитаемый формат, репрезентативность как результат особой процедуры отбора, наличие металингвистической информации, наличие четкого запроса.

Второй раздел основной части статьи описывает динамику развития корпусов текстов на примере рассмотрения корпуса португальского языка *corpusdoportugues.org* и сравнения его версий 2006 и 2016 гг. Современные корпуса текстов регулярно обновляются, пополняются и эволюционируют с пользовательской точки зрения, с каждым разом представляя всё более доступную форму использования. От корпусов текстов и базовых возможностей их использования автор переходит к рассмотрению современных систем управления текстовыми и лингвистическими данными, называемых корпусными менеджерами или менеджерами корпусов (*англ.* Corpus manager). Корпусный менеджер является наиболее современным инструментом многоязычного корпусного анализа и управления данными, который позволяет вести быстрый и эффективный поиск необходимых словоформ и сочетаний в различных корпусах текстов, с одной стороны, с другой – корпусный менеджер является наиболее удобным пользовательским интерфейсом. Менеджером корпусов также называется программное обеспечение, установленное на персональном компьютере или предоставленное в качестве веб-службы (веб-сервиса).

Главное преимущество корпусных менеджеров, в сравнении с отдельными корпусами текстов, состоит в том, что для работы с ними не нужно осваивать специфичный для того или иного корпуса язык символов, достаточно освоить стандартизированные упрощенные команды и обозначения и, благодаря интерфейсу менеджеров производить необходимый анализ быстрее и легче. Это мощный инструмент для создания своего собственного корпуса текстов (подкорпуса) или же для загрузки и использования уже существующих массивов данных.

В третьем разделе основной части автор статьи демонстрирует основные преимущества работы с таким корпусным менеджером, как Sketch Engine (*sketchengine*).

co.uk) на примере анализа градуирующих средств португальского языка. Программа предоставляет целый список корпусов на разных языках, при этом корпус португальского языка состоит из почти 4 млрд слов. Помимо стандартного поиска с выдачей конкорданса корпусный менеджер *Sketch Engine*, уникальный в своем роде, выдает списки коллокаций по отдельным синтаксическим моделям. Данный корпусный менеджер дает возможность формирования частотного словаря и группирует лексические единицы в лексико-семантические поля с внутренней кластеризацией и указанием силы связи между лексемами.

В статье говорится о том, что спрос на корпусные данные и на специалистов, умеющих эффективно работать с ними, на сегодняшний день совпал с появлением и развитием соответствующих технических возможностей.

Однако в заключении отмечается, что, несмотря на предоставление специалистам богатого репрезентативного эмпирического материала, экстралингвистической информации, корпусы не могут обеспечить глубинных интроспективных суждений и выводов в отрыве от самонаблюдения ученых, не могут полностью заменить его. Таким образом, по мнению автора, корпусная лингвистика является скорее методологией, нежели отдельной парадигмой лингвистики.

Ключевые слова: корпус; корпусы; корпусная лингвистика; корпусный менеджер; конкорданс; коллокации; градуирование; градуирующие средства; методология.

Z. B. Dolguikh

Senior Lecturer, Portuguese Language Department, Faculty of Translation and Interpretation, MSLU; e-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

AN OVERVIEW OF SOME BASIC POSSIBILITIES OF CORPUS IN THE FIELD OF LINGUISTIC RESEARCH (on the example of the analysis of graduation means in the Portuguese language)

In this article, consisting of introduction, main part and conclusion, a brief review is made of both the basic options for using texts' corpora and the most modern corpora possibilities and technologies.

In the introduction the author highlights the importance of corpus linguistics, which each time provides more opportunities for specialists in the field of linguistic research, as well as for solving applied problems.

In the first section of the main part the key concepts and terms related to corpus linguistics are defined. The main features of the modern corpus of texts are distinguished, such as machine-readable format, representativeness as a result of a special selection procedure, the availability of metalinguistic information and a clear request as well.

The second section of the main part of the article describes the dynamics of the development of the corpus of texts using the example of the corpusdoportugues.org (the Portuguese Language Corpus) and the comparison of its 2006 and 2016 versions. Modern corpora of texts are regularly updated, replenished and evolved from the

user's point of view, each time introducing an increasingly accessible form of use. From the corpora of texts and their basic possibilities of use, the author proceeds to the consideration of modern text and linguistic data management systems, called corpus managers or managers of corpora.

Corpus manager happen to be the most modern tool for multilingual analysis and data management, which allows to search quickly and efficiently for the necessary word forms and combinations in different texts, on the one hand. On the other hand, such a manager in fact is the most convenient user interface. It is also a software installed on a personal computer or provided as a web service.

The main advantage of the managers of this kind in comparison with separate text corpora is that there is no need to dominate a specific language of symbols to be able to work with them. Mastering some standardized simplified commands and notations is enough to make necessary analysis faster and easier due to the managers' interface. This is also a powerful tool for creating your own corpus of texts (subcorpus) or for downloading and using already existing data sets.

In the third section of the main part the author of the article demonstrates the main advantages of working with a corpus manager such as Sketch Engine (*sketchengine.co.uk*) using the example of the Portuguese gradating means analysis. The program provides a wide list of different corpora in different languages, with the Portuguese Language Corpus consisting of almost four billion words. In addition to the standard concordance search the Sketch Engine manager (unique in its kind) issues collocation lists for individual syntax models. This corpus manager enables the formation of a frequency dictionary and groups lexical units into lexical-semantic fields with internal clustering and indicating the strength of the connection between lexemes.

The article maintains that at the moment the demand for corpora data and for the experts able to work effectively with them coincide with the emergence and development of appropriate technologies.

In conclusion it is noted that despite the provision of rich and representative empirical material, as well as extralinguistic information for specialists, corpora cannot provide deep introspective judgements and conclusions in isolation from the scientists' introspection, nor can completely replace it. So, according to the author corpus linguistics is rather a methodology than a separate paradigm of linguistics.

Key words: corpus; corpora; corpus linguistics; corpus manager; concordance; collocations; graduation; gradating means; methodology.

Введение

На сегодняшний день многие исследования и результаты возможны только на основе анализа больших объемов информации, доступной в электронном виде и, соответственно, с применением современной компьютерной техники. Современная корпусная лингвистика (раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения, разметки и использования

огромных массивов текстов, лингвистических корпусов, на основе самых разнообразных компьютерных технологий [Захаров, Богданова 2013]) активно использует и развивает все возможные в этой области методы.

Ключевые понятия и термины корпусной лингвистики

Ключевым понятием в корпусной лингвистике является понятие корпуса, до сих пор по-разному определяемого исследователями и пользователями. Например, согласно определению, приведенному в учебнике Э. Финегана, корпус – это репрезентативное собрание текстов, обычно в машиночитаемом формате, включающее информацию о ситуации, в которой текст был произведен, такую как информация о говорящем, авторе, адресате или аудитории [Finegan 2004].

Многие электронные источники и ресурсы определяет корпусы как большие и структурированные наборы или коллекции текстов, которые используются для статистического анализа и проверки гипотез, проверки случаев встречаемости или обоснования языковых правил по определенным областям. Т. МакЭнери и Э. Вилсон дают следующее определение: корпус – это собрание языковых фрагментов, отобранных в соответствии с четкими языковыми критериями для использования в качестве модели языка [McEnergy URL; McWhinney 2000].

Так или иначе, какими бы разнообразными ни были дефиниции корпуса, на основе приводимых исследователями определений, можно говорить о следующих основных чертах современного корпуса текстов – машиночитаемый формат, репрезентативность как результат особой процедуры отбора, наличие металингвистической информации, наличие четкого запроса (определенной цели) [Рыков 1996]. Под самим же лингвистическим, или языковым, корпусом текстов понимается большой, представленный в машиночитаемом формате, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических или прикладных задач [Захаров, Богданова 2013].

Разнообразие типов корпусов, существующих на сегодняшний день, определяется широким спектром исследовательских и прикладных задач, для решения которых они создаются, и, ввиду этого, различными основаниями для их классификации. Существуют,

например, многоцелевые, специализированные, письменные, устные (речевые), смешанные, литературные, диалектные, разговорные, терминологические, параллельные корпуса, а также подкорпусы и т. п.

Эволюция корпусных возможностей

Поиск в корпусе и умение работать с ним позволяет по любому слову построить конкорданс – список всех употреблений данного слова в контексте по запросу с ссылками на источник [Столяров 2017]. Корпусы могут использоваться для получения разнообразных справок и сбора статистических данных о языковых и речевых единицах. В частности, на основе корпусов можно получить понимание о частоте использования словоформ, лексем, грамматических категорий, проследить изменение частот и контекстов в различные периоды времени, получить данные о сочетаемостных свойствах и особенностях лексических единиц. Анализ языковых данных за определенный период, в свою очередь, позволяет изучать динамику процессов изменения лексического состава языка, лексико-грамматические характеристики текстов различных авторов и разнообразных жанров [Захаров 2005].

На данный момент можно говорить о том, что спрос на корпусные данные и на специалистов, умеющих эффективно работать с ними, совпал с появлением и развитием соответствующих технических возможностей.

Лингвисты-теоретики используют корпусы в качестве доказательной базы для проверки гипотез и обоснования теорий. Прикладные лингвисты (преподаватели, переводчики и т. д.) используют компьютерные корпусы при обучении языкам, для создания учебников и пособий и выполнения ряда других профессиональных задач. Компьютерные лингвисты пытаются выявить и использовать статистические и лингвистические закономерности текстов для построения компьютерных моделей языка. Другие специалисты по языку (литературоведы, редакторы) также обращаются к корпусу для получения ответов на интересующие их вопросы. Специалисты по общественным наукам (историки, социологи) могут изучать свои объекты через язык, на основании таких параметров текстов, как период, автор или жанр. Литературоведы используют корпусы для стилиметрических исследований [Захаров, Богданова 2013]. Наконец, даже в областях, не относящихся напрямую к исследованию языка, но имеющих потребность

в системной обработке двуязычных или многоязычных текстов для последующего использования полученных данных в коммерческих и деловых целях, возрос спрос на специалистов по корпусным данным. Они используют корпуса для разработки и настройки различных автоматизированных систем, как например распознавание речи, информационный поиск или подбор шаблонных соответствий. Таким образом, терминологи, постредакторы (при этом, не обязательно лингвисты или переводчики), способные работать с языковыми корпусами как с точки зрения разработки последних, так и точки зрения их эффективного применения, с каждым разом становятся более востребованными.

Развитие технологий и систем текстовой обработки находится на данный момент времени на таком уровне, что сами корпуса (к примеру, параллельные: двуязычные или многоязычные) собираются и размечаются уже не на основе разрабатываемых лингвистами и затем программируемых правил, как это было ранее. На сегодняшний день сбор и обработка данных для корпусов происходит на основе статистического принципа, т. е. на базе сравнения и анализа текстовых фрагментов Интернета специальными поисковыми программами и подбора наилучших соответствий [Суркова 2017]. Тем не менее необходимо отметить, что для развития современных интеллектуальных программных систем, обрабатывающих тексты естественного языка (без или с меньшим участием и вовлеченностью в процесс лингвистов и переводчиков), по сей день требуется большая экспериментальная лингвистическая база [Плунгян]. Иными словами, хотя вероятность того, что в будущем ситуация изменится, достаточно высока, на данный момент корпусная лингвистика продолжает питать и подкреплять лингвистику теоретическую и наоборот.

Вне всяких сомнений, корпусная лингвистика – это область, которая развивается и идет вперед более, чем динамично. К примеру, изначально корпусами текстов назывались исключительно массивы текстов, для работы с которыми исследователям и специалистам приходилось так или иначе самостоятельно знакомиться с принципами и схемами аннотирования (морфологической, синтаксической, анафорической, просодической, дискурсной, экстралингвистической и другими типами разметки). На данном этапе для работы с корпусными данным лингвистам скорее приходится понимать и осваивать некие общепринятые стандарты кодирования, определенный объем

управляющих знаков и символов для введения и реализации запросов, как «словесных выражений определенной информационной потребности» [Захаров, Богданова 2013, с. 52]. Современные корпуса текстов регулярно обновляются, пополняются и эволюционируют с пользовательской точки зрения, с каждым разом представляя всё более доступную форму использования.

Возьмем, к примеру, корпус португальского языка *corpusdoportugues.org*, который содержит около миллиарда португальских слов, взятых из одного миллиона веб-страниц четырех португалоговорящих стран (Бразилия, Португалия, Ангола и Мозамбик) и является обновленной версией Корпуса португальского языка 2006 г. Если сравнить версии окна запросов *corpusdoportugues.org* 2006 г. и 2016 г., можно увидеть, что обновленный интерфейс стал гораздо более доступным для пользователей. Что касается языка регулярных запросов, – в новом корпусе он стал более «скрытым» от пользователя в программном коде, что реализуется в виде удобного интерфейса программы с меньшим количеством специальных символов (*, ?, !, =, @, ", ., (, [ ]).

Несмотря на тенденцию к упрощению интерфейса и языка запросов в корпусе, есть минимальный набор понятий и обозначений, который необходим для работы с данным корпусом текстов. Ими являются: LIST (список), CHART (таблица), COLLOCATES (коллокации/словосочетания), FREQ (частотность), HITS (количество попаданий), KWIC (ключевое слово в контексте), LEMMAS (леммы), POS (часть речи) и др. [McEnergy; Brezina].

С недавнего времени в понятие «корпус текстов» входит также система управления текстовыми и лингвистическими данными, которую всё чаще называют корпусным менеджером (или корпус-менеджером, или менеджером корпусов) (от английского Corpus manager). Википедия определяет корпусный менеджер как наиболее современный инструмент многоязычного корпусного анализа и управления данными, который позволяет вести быстрый и эффективный поиск необходимых словоформ и сочетаний в различных корпусах текстов, с одной стороны. С другой стороны, корпусный менеджер, собственно, является наиболее удобным пользовательским интерфейсом. Менеджером корпусов также называется программное обеспечение, установленное на персональном компьютере или предоставленное в качестве веб-службы (веб-сервиса) (*en.wikipedia*.

org/wiki/Corpus_manager). Иными словами, это специализированная поисковая система, включающая программные средства для поиска данных в корпусе или корпусах, получения статистической информации и предоставления пользователю результатов в удобной форме [Захаров, Богданова 2013].

Задачи и возможности корпусного менеджера заключаются в том, чтобы:

- строить как обычный конкорданс отдельных слов (так называемый KWIC, Key Word in Context), так и полные конкордансные списки, включающие в себя не только отдельные слова, но и другие элементы корпуса);
- искать контексты не только по отдельным словам, но и по словосочетаниям;
- осуществлять поиск по шаблонам (сложные запросы);
- сортировать полученные списки по нескольким критериям, выбираемым и назначаемым пользователем;
- давать возможность отображать найденные словоформы в широком контексте;
- давать статистическую информацию по отдельным элементам корпуса;
- отображать леммы, морфологические характеристики словоформ и метаданные (библиографические, типологические), что зависит от степени размеченности корпуса;
- предоставлять коэффициент взаимной зависимости частей коллокаций (MI);
- быть установленным на компьютере в виде работающего приложения / программы; сохранять и распечатывать результаты;
- работать как с корпусами (неограниченными по размеру), так и с подкорпусами;
- поддерживать различные форматы текстовых данных (txt, doc, rtf, html, xml и др.);
- быть понятным и легким в использовании как для опытного, так и для начинающего пользователя (иметь максимально удобный интерфейс).

Удобство корпусных менеджеров неоспоримо. Главное преимущество корпусных менеджеров в сравнении с отдельными корпусами текстов состоит в том, что для работы с ними не нужно осваивать специфичный для того или иного корпуса язык символов, достаточно

освоить стандартизированные упрощенные команды и обозначения и, благодаря интерфейсу менеджеров, производить необходимый анализ быстрее и легче. Это мощный инструмент для создания своего собственного корпуса текстов (подкорпуса) или же для загрузки и использования уже существующих массивов данных.

Использование корпусного менеджера *Sketch Engine* для анализа градуирующих средств португальского языка

На примере анализа градуирующих средств португальского языка мы хотели бы продемонстрировать основные преимущества работы с таким корпусным менеджером, как *Sketch Engine (sketchengine.co.uk)*, разработанным английскими исследователями совместно с чешскими разработчиками из Университета им. Масарика.

Программа предоставляет целый список корпусов на разных языках, при этом корпус португальского языка состоит из почти четырех миллиардов слов.

Помимо стандартного поиска с выдачей конкорданса корпусный менеджер *Sketch Engine*, уникальный в своем роде, выдает списки коллокаций по отдельным синтаксическим моделям, к примеру:

O que eu sei é que gostei mesmo muito de ver a resposta da equipa às críticas que sofreram após a derrota em Israel, e a forma como eles festejaram os golos;

E por acaso não concordo com parte do que disse, apenas por um motivo simples: o Benfica NECESSITA mesmo muito de vender e fazer encaixes financeiros na ordem dos 70/100 milhões de euros;

Em resumo, é necessário definir o que fazer e como o fazer. De uma maneira geral, a Administração Local sabe bastante bem o que gostaria de fazer em termos de modernização e simplificação administrativas;

Enfim, é muito fácil conhecer esse mundo, e é mais fácil ainda entrar nesse mundo; ele é mesmo muito acessível, a qualquer camada da população, a qualquer hora do dia, em qualquer mocó (casa abandonada que passa a servir de morada para a população de rua).

Данный корпусный менеджер дает возможность формирования частотного словаря и группирует лексические единицы в лексико-семантические поля с внутренней кластеризацией и указанием силы связи между лексемами. Данные поля визуализируются в виде удобной модели, в которой различные по цвету и размеру слова (цвет

и размер соотносится с семантическим значением рассматриваемых единиц) сгруппированы и изображены вместе.

Работа с корпусным менеджером *Sketch Engine* помогла нам работать с уже существующей картотекой единиц, а также предпринять попытку набора нового «банка примеров», осуществить эмпирическую поддержку некоторых гипотез, принципов и правил, которые анализировались.

К примеру, корпусный менеджер помог статистически подтвердить факт неиспользования градуатора *muito* со статическими глаголами в португальском языке, так как не было выявлено ни одного примера подобной сочетаемости. При помощи *Sketch Engine* удалось установить гораздо более высокую частотность употребления градуирующей единицы *mesmo* (действительно, прямо) с глаголами *acordar, deitar, desculpar, nascer* (просыпаться, ложиться, извинять, рождаться), в сравнении с градуатором *realmente* (действительно) в сочетаниях с теми же глаголами.

Однако, к примеру, в отношении прилагательных, обозначающих абсолютные признаки, вопреки данным, приводимым некоторыми исследователями средств и способов интенсификации значений в португальском языке [Григоренко 1987], корпусный менеджер, наоборот, позволил зарегистрировать достаточное число примеров, опровергающих утверждение о невозможности сочетаний подобных прилагательных с наречием степени *muito*.

E eu a pensar que a Lique estava zangada... obrigado ter teres aparecido e agora aparece mais vezes porque és bem vinda. E o Pai Natal anda muito surdo , deve ser da velhice...

Trata-se de uma questão de intervenção do Governo e do Parlamento, bem como da ERSE, que parece andar também muito muda e calada...

Seria preciso ser ideologicamente muito cego pensar que num cenário de impostos não-progressivos as empresas iam cortar os salários dos seus gestores e aumentar os salários dos seus operários, como o JMF implicitamente diz.

Нужно сказать, что примеры по градуирующим средствам португальского языка, конечно, могли бы быть придуманы или найдены случайно, но всё же подход корпусной лингвистики обеспечивает репрезентативность и сбалансированность языкового материала, а также эффективный и быстрый поисковый инструмент, предоставляющий возможность хорошей выборки согласно поставленным задачам [Плунгян].

Заключение

Однако необходимо отметить, что, несмотря на предоставление специалистам богатого репрезентативного эмпирического материала, экстралингвистической информации (или метаинформации) касаясь возраста или пола говорящего / пишущего, жанра текста, временных или пространственных данных о происхождении текста, корпусы не могут обеспечить глубинных интроспективных суждений и выводов в отрыве от самонаблюдения ученых, не могут полностью заменить его [Борискина 2015; Шилихина 2014].

По мнению многих исследователей, и мы согласны с этим утверждением, корпусная лингвистика – не отдельная парадигма лингвистики, а, скорее, ее методология [Заботкина 2015]. Считая корпусную лингвистику в первую очередь методологией проведения языковых наблюдений, необходимо подчеркнуть, что прогресс в области компьютерных технологий влечет за собой прогресс в создании и совершенствовании программ автоматической обработки текста, что, в свою очередь, порождает новые парадигмы лингвистических исследований [Захаров, Богданова 2013]. Российская когнитивистика ищет пути интеграции с корпусной лингвистикой для разработки интегрированной методологии в двух современных парадигмах, когнитивной и корпусной, где анализ семантики языковых единиц проводится с опорой на корпусные данные или с привлечением корпусных данных [Заботкина 2015].

Стоит также отметить, что исследователям и специалистам, пользующимся данными корпусов, корпусными менеджерами и разрабатывающими собственные корпусы слов (подкорпусы), необходимо отдавать себе отчет в том, что часть сведений, приводимых ими, со временем устареет, что на смену тем или иным конкретным программам придут более совершенные и многофункциональные, появятся новые корпусы, изменятся их адреса в Интернете.

В этой связи, правильной задачей для исследователей корпусов и корпусных возможностей нам представляется, с одной стороны, собственно, описание корпусного направления в лингвистике как такового, с другой – диагностирование состояния его развития на конкретный, ограниченный во времени, период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борискина О. О.* Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // Вестник Воронежского государственного университета. 2015. № 3. С. 25–28. (Лингвистика и межкультурная коммуникация.)
- Григоренко Т. Н.* Способы интенсификации в португальском языке: дис... канд. филол. наук. М., 1987. 204 с.
- Заботкина В. И.* Методы когнитивного анализа семантики слова : компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М. : Языки славянской культуры, 2015. 344 с.
- Захаров В. П., Богданова С. Ю.* Корпусная лингвистика: учебник для студентов направления «Лингвистика». 2-е изд., перераб. и доп., СПб. : СпбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. 148 с.
- Захаров В. П.* Корпусная лингвистика: учебно-метод. пособие. СПб., 2005. 48 с.
- Плунгян В. А.* Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов. Лекция, прочитанная в рамках проекта «Публичные лекции». URL: polit.ru/article/2009/10/23/corpus/
- Рыков В. В.* Корпусная лингвистика (научно-аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Зарубежная литература. М. : ИНИОН, 1996. № 4. С. 43–51.
- Столяров А. И.* Словарь-конкорданс и его применение в рамках корпусной лингвистики // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2. URL: human.snauka.ru/2017/02/21074
- Суркова А. С.* Концептуальный анализ, принципы моделирования и оптимизация алгоритмов синтеза текстовых структур : автореф. дис. ... д-ра техн. наук. Нижний Новгород, 2017. 39 с.
- Шилихина К. М.* Использование корпусов в исследованиях дискурса // Вестник Воронеж. гос. ун-та. 2014. № 3. С. 21–26. (Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация)
- Brezina Vaclav.* Corpus Linguistics: Method, Analysis, Interpretation. Lancaster University. URL: www.futurelearn.com/courses/corpus-linguistics
- Finegan E.* LANGUAGE: its structure and use. N. Y. : Harcourt Brace College Publishers, 2004. 613 p.
- McEnery Tony.* Corpus Linguistics: Method, Analysis, Interpretation. – Lancaster University. URL: www.futurelearn.com/courses/corpus-linguistics
- McWhinney B.* The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. 3rd ed., 2000. Vol. 1. P. 366.
Wikipedia: URL: en.wikipedia.org/wiki/Corpus_manager

УДК 811.133.1

Т. П. Ильина

кандидат филологических наук; профессор кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка МГЛУ;
e-mail: gramethistor_ffya@mail.ru

ИНКЛЮЗИВНОЕ НАПИСАНИЕ: НЕЛЕПАЯ МОДА ИЛИ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА ПО ПУТИ «ФЕМИНИЗАЦИИ»?

Статья посвящена анализу инновационного явления во французском языке, получившего название «инклюзивное написание» («écriture inclusive»). Рассмотрены экстралингвистические и собственно языковые аспекты «инклюзивного написания» как пример сознательного влияния общества на современное состояние французского языка.

«Инклюзивное написание» – совокупность инновационных предложений, с которыми выступил Высший совет по равенству между мужчинами и женщинами (орган при французском правительстве). Предложения включают, в частности, изменение правил написания слов-антропонимов во множественном числе с целью отразить в них не только форму мужского рода, но и женского. Для этого предлагается ввести специальный типографический знак – точку, расположенную на уровне середины буквы: *acteur rice s, ingénieur e s, candidat e s*. Изменения рекомендуются внести и в правило согласования существительных и прилагательных во множественном числе, заменив ныне действующее, согласно которому согласование производится по форме мужского рода, на согласование по «близости»: *les hommes et les femmes sont belles*. В целом, инновации направлены на то, чтобы минимизировать отражение в языке традиционной формулы «le masculin l'emporte sur le féminin». Они представляют собою попытку повлиять на общественное сознание путем внедрения языковых изменений, которые, по мнению авторов предложенных реформ, готово их воспринять в силу произошедших в последние десятилетия значительных изменений в социальном положении женщин, что нашло свое отражение и в языке, а именно – в процессе словообразования в сфере наименований женщин по их профессионально-социальному статусу.

Однако предложенные инновации сталкиваются с активным противодействием, в том числе и со стороны Французской академии, не согласной с изменениями, которые не только расшатывают традиционные нормы французского языка, но и затрагивают некоторые его системные характеристики. Правительственный циркуляр от 21 ноября 2017 г., официально запрещающий использование «инклюзивного написания» в административной сфере, приостановил на некоторое время ожесточенные дискуссии вокруг «инклюзивного написания» и его распространение, однако сам ход этого обсуждения показал, что вопросы «феминизации» французского языка не сняты с повестки дня и требуют дальнейшего изучения.

Ключевые слова: «инклюзивное написание»; категория рода; феминизация языка; французский язык и общество.

T. P. Ilina

PhD (Philology), Professor, Department of the French Language Phonetics and Grammar, Faculty of the French Language, MSLU; e-mail: gramethistor_ffya@mail.ru

“INCLUSIVE WRITING”: A FASHIONABLE ABERRATION OR NATURAL LANGUAGE DEVELOPMENT TOWARDS «FEMINIZATION»?

The article tackles the innovative concept of «écriture inclusive» (i. e. «inclusive writing») in contemporary French. Both extralinguistic and linguistic aspects of inclusive writing are analysed in order to illustrate how contemporary French society is exerting conscious influence on the French language.

“Inclusive writing” encompasses a range of innovative proposals put forth by the French High Council for Equality between men and women (an official body). These proposals include changing the spelling of plural anthroponyms in order to reflect not only the masculine form but also the feminine form. It has been suggested to introduce special typographic symbols called middots, a sort of “floating” full stops: *acteur rice s, ingénieur e s, candidat e s*. It is also recommended to introduce inclusive changes into grammatical agreement of plural nouns and adjectives, replacing the current one, according to which the masculine form wins over the feminine, by the principle known as agreement by “proximity” (or “attraction”): *les hommes et les femmes sont belles*. To sum up, the measures are aimed at minimizing the linguistic impact of the traditional formula “le masculin l'emporte sur le féminin” (or “the masculine trumps the feminine”). They represent an attempt to influence public opinion through language changes. According to the authors of the proposed reforms, French society is ready to perceive them due to significant advancement of women that has occurred in recent decades and is reflected in the language, namely, in word formation where many traditionally male professional and social status denominations have been feminised.

However, the proposed innovations are actively criticised by the members of Académie Française, who point out that such external changes would not only weaken traditional norms of the French language, but also affect some of its basic system characteristics. On November 21st, the French government issued an official ban on the use of “inclusive writing” in administrative texts thus temporarily suspending heated discussion around “inclusive writing” and its implementation. Nonetheless, the scale reached by the debate demonstrates that more adjustment moves are to be expected and require further study.

Key words: inclusive writing; écriture inclusive; feminisation; grammatical gender; the French language and society.

Вступление

История французского языка знает немало примеров бурного обсуждения в обществе различных языковых инноваций и попыток повлиять на традиционные нормы. Особенно ярко это проявилось в области орфографии [Catach 2004; Nuchon 2002]. Примером такого рода

может служить реформа орфографии, предложенная в 1980–1990-е гг. Дебаты, разгоревшиеся вокруг, на первый взгляд, незначительных изменений в написании отдельных групп слов, раскололи французское общество на сторонников и противников реформы. В результате предложенные изменения так и не получили статуса обязательных и до сих пор являются факультативными.

Последние месяцы 2017 г. ознаменовались во Франции жаркими дискуссиями о попытках внедрения во французский язык так называемого инклюзивного (включенного) написания (*écriture inclusive*). Вопрос о его необходимости и перспективах активно обсуждается на страницах ведущих французских газет и в социальных сетях. Споры приняли такой принципиальный характер, что вопрос обсуждался в Национальном собрании (парламенте) Франции. Эти факты свидетельствуют о том, что инклюзивное написание как особое явление современной языковой ситуации нуждается в изучении и осмыслении. Цель данной статьи – описать суть явления, получившего название «инклюзивное написание», и показать его возможное влияние на развитие современного французского языка.

Основная часть

Инклюзивное написание представляет собою попытку изменения французской орфографии с целью визуализировать, сделать более видимыми на письме слова-наименования женщин. По правилам грамматики французского языка для выражения совокупности людей во множественном числе используется форма мужского рода, например, *les candidats*. Согласно рекомендациям инклюзивного написания, предлагается в каждой такой форме показать на письме и женский род тоже, т. е. писать так: *les candidat·e·s*. Иначе говоря, написание антропонимов строится по формуле: *основа / форма м. р. + суффикс ж. р. / окончание ж. р. + окончание мн. ч.* Приведем несколько примеров: *acteur·rice·s, ingénieur·e·s, eux·elles*. Для удобства отделения частей слова друг от друга предлагается использовать не обычную точку внизу, а специальную, расположенную на уровне середины буквы (*point milieu*). В качестве альтернативы такому написанию можно использовать формулировки со словами, не имеющими морфологических различий по роду (*mots épicènes*): *les personnes candidates*.

Предлагается также изменить правило согласования, по которому во множественном числе *le masculin l'emporte sur le féminin* (букв. 'мужское преобладает над женским'), заменив его «согласованием

по близости»: общее прилагательное должно принять род того существительного, которое ближе к нему находится, например: *les hommes et les femmes sont belles* [Pech 2017].

Следует отметить, что рекомендации касаются не только собственно написания, но носят более общий характер. Так, рекомендуется придерживаться при перечислении алфавитного порядка, т. е. говорить не *les hommes et les femmes*, а наоборот, поскольку буква *f* предшествует букве *h*. Иначе говоря, при перечислении порядок слов может быть разным: *les femmes et les hommes*, но *les sénateurs et les sénatrices*. Подчеркивается, что такая вариантность, вместо систематического использования слов мужского рода на первом месте по традиции или на втором – из вежливости, должна показывать подлинное равенство полов. Кроме того, рекомендуется в приоритетном порядке использовать такие слова с обобщающим значением, как *personne, un être humain, le corps professoral, le peuple, le public*. В целом предлагается преимущественно пользоваться конструкциями нейтрального характера. Так, вместо *les droits de l'homme* рекомендуется сочетание *les droits humains*, поскольку во французском языке слово *homme* имеет значение и «человек», и «мужчина».

Эти предложения разработаны членами Высшего совета по равенству между мужчинами и женщинами при правительстве Франции (le Haut Conseil à l'égalité entre les femmes et les hommes). В 2015 г. Совет выпустил практические рекомендации по инклюзивному написанию в форме практического пособия, которое с того времени получило довольно широкое распространение [Guide pratique 2015]. Достаточно сказать, что издательство «Natier», издающее учебную литературу, уже выпустило учебник с использованием новой системы написания для школьников средней школы, а «Word» готовится выпустить компьютерную программу со срединной точкой.

Выход учебника с новой орфографией побудил несогласных учителей обратиться с петицией к министру образования с требованием запретить использование инклюзивного написания в учебных заведениях. В свою очередь, преподаватели, сторонники новой орфографии, провели конференцию, в которой участвовали более 300 человек. Они приняли резолюцию, в которой поддержали идею преподавания в школе инклюзивного написания и приняли обязательство всячески его пропагандировать [Ecriture inclusive 2017]. Эта акция привлекла к проблеме дополнительное внимание и повысила градус обсуждения в прессе и социальных сетях. С резким заявлением, назвавшим

инклюзивное написание «смертельной опасностью» для французского языка, выступила Французская академия [Déclaration de l'Académie française 2017]. Наряду с коллективным заявлением в печати появились и выступления отдельных членов академии, известных литераторов и лингвистов, которые не просто осудили данное новшество, но и сделали попытку объяснить широкой публике суть проблемы с позиций науки [Edwards 2017, Fumaroli 2017, Rey 2017, Vitoux 2017].

Если оставить в стороне эмоциональные эпитеты («смехотворное», «глупое», «нелепое» и т. п.), все возражения против инклюзивного написания можно разделить на две большие группы:

- возражения прагматического характера, связанные с последствиями практического внедрения данных новшеств;
- возражения сущностные, связанные с собственно языковой проблематикой, которую затрагивают данные предложения.

Разберем высказанные аргументы. В первую очередь, противники инклюзивного написания критикуют явное усложнение орфографии, отмечая, что уже в нынешнем своем виде французская орфография, построенная во многом на традиционных принципах, весьма сложна. Они указывают, что следствием введения нового написания будут дополнительные трудности для освоения чтения и письма детьми. В частности, дополнительные проблемы с обучением возникнут у слабовидящих детей и детей, страдающих дислексией.

Многие замечают, что подобные тексты совершенно невозможно произнести [Edwards 2017, Rey 2017]. Подчеркивается, что инклюзивное написание усилит разрыв между устной и письменной формами речи, который во французском языке, в силу исторических условий, и так весьма значительный. Это еще больше затруднит изучение французского языка не только французами, но и иностранцами, что снизит интерес к его изучению. Между тем вопросы престижа и распространения французского языка за пределами страны всегда были одним из приоритетов французского государства. В целом все критики сходятся во мнении, что инновации в этой области должны идти в сторону упрощения орфографии, а не ее усложнения, с целью сближения устной и письменной речи.

Во второй группе аргументов делается упор на системные особенности французского языка, в частности в том, что касается категории рода. Нельзя не заметить в предложениях по инклюзивному написанию смешение представлений о природном роде (поле) и грамматическом роде. Между тем «возникновение и эволюция системы

грамматического рода никак не связана с реальным существованием живых существ мужского и женского пола, а значение рода не имеет ничего общего с понятием пола» [Скрелина, Становая 2012, с. 127]. Семиологически грамматический род одушевленных существительных может не совпадать с природным, естественным полом, что присуще многим языкам, в том числе и французскому. Так, есть слова женского рода, служащие для обозначения мужчин: *une ordonnance* – ординарец, *une recrue* – новобранец, *une vigie* – сигнальщик и др., и слова мужского рода, которые могут обозначать как мужчин, так и женщин: *un amateur* – любитель/любительница, *un témoin* – свидетель/свидетельница, *un vainqueur* – победитель/победительница и др. Во французском языке нет форм среднего рода. Оппозиция мужской/женский род, в случае ее нейтрализации (например, во множественном числе), выражается формой мужского рода как формой немаркированной. Эта системная характеристика была закреплена в период кодификации французского литературного языка в XVII–XVIII вв.

В то же время не вызывает сомнений тот факт, что социальные изменения последних десятилетий, в частности повышение роли женщин в общественной и профессиональной сферах, находят свое отражение в изменениях норм французского языка. Это относится прежде всего к наименованиям профессий и должностей. Дело в том, что целый ряд подобных слов (например, *architecte*, *avocat*, *juge*, *écrivain* и др.), которые обозначают высокий профессионально-социальный статус человека, до недавнего времени не имели форм женского рода. Если такая форма и имелась, то она обозначала жену по названию профессии мужа. Употребление таких слов часто носило иронический характер. Для обозначения собственно лица, обладающего высоким профессиональным и социальным статусом, использовалась форма мужского рода, которая применялась как к лицам мужского, так и женского пола. Однако активная борьба феминистских организаций в 1970–1980-х гг. привела к принятию во Франции в 1986 г. правительственного циркуляра, рекомендовавшего употреблять наименования профессий и должностей в форме женского рода, а позднее был разработан официальный справочник по таким наименованиям [Femme, j'écris ton nom... 1999].

Со времени принятия первого документа прошло уже более тридцати лет и сейчас можно констатировать, что в функционировании таких слов произошли коренные изменения: и в официальных

документах, и в СМИ применительно к женщинам, выполняющим соответствующие функции, используются слова в женском роде: *la présidente, la maire, la ministre, la députée, la préfète, la rectrice* и т. п. Этому способствовало не только увеличение доли женщин, обладающих высоким профессионально-социальным статусом, и соответствующее изменение ментальности общества, но и то, что французский язык как система обладает широким спектром средств для выражения женского рода существительными-антропонимами. Самым универсальным и легко применимым ко всем формам антропонимов является артикль.

Таким образом, мы видим, что ограничения на форму женского рода у определенных существительных, зафиксированные в кодифицированных нормах, на самом деле связаны не с системой языка, а объясняются теми традициями, которые сложились в языковом узусе в определенный исторический период и которые приняли форму фиксированных правил. Отсюда следует, как нам представляется, что дальнейшая феминизация может затронуть и другие слова (а не только названия профессий и должностей), которые продолжают до настоящего времени считаться исключениями и не имеют форм женского рода (*amateur, imposteur, possesseur, successeur, vainqueur* и др.). Они без труда могут образовывать такие формы с помощью имеющихся в распоряжении языка разнообразных средств выражения. Этого не происходит, очевидно, во многом благодаря стойкой приверженности значительной части общества к кодифицированным правилам.

В этой связи большой интерес вызывает вопрос о сознательном влиянии современного общества на процесс языковых изменений. Ситуация, сложившаяся во Франции с инклюзивным написанием, показывает, что, с одной стороны, движение в сторону так называемой феминизации французского языка, своеобразным проявлением которого можно считать инклюзивное написание, находит сейчас определенный отклик в обществе. С другой – важным представляется позиция государства в лице его официальных органов и представителей. Конкретным ответом на попытки распространить инклюзивное написание, в частности в административной сфере, стала публикация в «*Journal officiel*», официальном органе французского правительства, циркуляра, запрещающего использование этого написания в официальных документах [Circulaire du 21 novembre 2017]. Министр образования Франции Ж.-М. Бланке написал в твиттере по вопросу инклюзивного

написания: «Il y a une seule langue française, une seule grammaire, une seule République» («Есть единый французский язык, единая грамматика, единая Республика»¹), придав решению по инклюзивному написанию важный политический смысл. Без официальной государственной поддержки инклюзивное написание в его полном формате, т. е. со всеми предлагаемыми орфографическими и типографическими особенностями, вряд ли получит действительно широкое распространение и останется, очевидно, относительно маргинальным явлением.

В то же время, по мнению Л. Депенекера и возглавляемой им специальной службы по французскому языку и языкам Франции (Délégation générale à la langue française et langues de France) при Министерстве культуры и коммуникации, различные предложения по дальнейшему изменению норм французского языка, в том числе связанных с его феминизацией под влиянием требований времени, являются вполне возможными и обоснованными, поскольку язык не останавливается в своем развитии. Приведа в пример варианты форм женского рода существительного *auteur* (*auteure*, *autrice*, *auteuse*), которые сейчас встречаются в разных публикациях и широко комментируются, Л. Депенекер отметил, что только узус со временем может решить, который из этих вариантов окажется предпочтительным [Derecker 2017].

Однако не вызывает сомнений тот факт, что в современных условиях на узус оказывают влияние и такого рода активные кампании, которые развернулись, например, вокруг инклюзивного написания. Свидетельством тому может служить тот факт, что даже известный французский лексикограф А. Рей, негативно относящийся к этим предложениям, считает, что можно отчасти согласиться с некоторыми рекомендациями, в частности в том, что касается согласования существительных и прилагательных при перечислении во множественном числе по принципу «близости», поскольку такая практика, заимствованная из латинского, действительно существовала во французском языке до его кодификации, а подобные примеры можно встретить даже у классиков французской литературы XVII в., например Расина [Rey 2017].

Подобная компромиссная позиция свидетельствует о том, что активная деятельность даже небольшой инициативной группы может оказать значительное влияние на общественное мнение в отношении языковых инноваций, и то, что сегодня кажется смешным,

---

¹Перевод наш. – Т. И.

завтра станет общеупотребительным. Об этом пишет в своей статье канадский франкоязычный социолог М. Бок-Котэ, который на опыте Квебека, начавшего движение по пути феминизации языка на несколько десятилетий раньше Франции, доказывает, что инклюзивное написание, при всей его на первый взгляд маргинальности, но подкрепленное созвучными времени идеологическими требованиями и сочувственным отношением со стороны СМИ и части административного аппарата, вполне может в скором времени войти в общепринятую языковую практику [Bock-Côté 2017]. Поэтому совсем не невероятным выглядит ироничное предложение члена Французской академии М. Фюмароли ввести во французскую систему родов еще и форму среднего рода, что лингвист проиллюстрировал следующими словами: *écrivains – écrivaines – écrivaineux*, предложив зарезервировать последнюю форму для обозначения людей, которые не относят себя ни к мужскому, ни к женскому полу [Fumaroli 2017]. Это предложение, несмотря на его явно саркастический характер, затрагивает важную проблему осознания обществом своих коммуникативных потребностей и претворения их в речевую практику.

Заключение

Процесс феминизации наименований профессий и должностей во французском языке прошел достаточно успешно, потому что этому способствовало несколько факторов:

- возникновение реальных коммуникативных потребностей в обществе;
- наличие в системе языка соответствующих средств выражения;
- официальная поддержка со стороны государственных органов.

Что касается инклюзивного написания, то, как нам представляется, это явление, несмотря на наличие у него сторонников и активную кампанию в прессе, носит во многом искусственный характер. В обществе нет реальной потребности значительно усложнять письменную практику, за исключением, может быть, отказа от формулы «*le masculin l'emporte sur le féminin*», которая действительно у многих вызывает возражения [Viennot 2014], поскольку носит слишком обобщающий характер. К этому можно добавить негативное, по крайней мере в настоящее время, отношение государственных органов к этому новшеству, что выразилось в прямом запрете использовать инклюзивное написание в административной сфере. Таким образом, можно

сделать вывод, что инклюзивное написание вряд ли возможно рассматривать в ближайшее время в качестве реальной перспективы дальнейшей феминизации французского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Скрелина Л. М., Становая Л. А.* Теоретическая грамматика французского языка. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 386 с.
- Bock-Côté M.* Ecriture inclusive : l'idéologisation du langage fait déjà des ravages au Québec // *Le Figaro*, 06.11.2017. URL : www.premium.lefigaro.fr/voix/societe/2017/11/06
- Catach N.* L'Orthographe. 9e éd. P. : PUF, 2004. 128 p.
- Circulaire du 21 novembre 2017 relative aux règles de féminisation et de rédaction des textes publiés au Journal officiel de la République française. URL: www.legifrance.gouv.fr/eli/circulaire/2017/11/21/
- Déclaration de l'Académie française sur l'écriture dite « inclusive ». URL: www.academie-francaise.fr/actualites/declaration
- Depecker L.* On ne peut pas préjuger de l'évolution de la langue française // *Le Figaro*, 30.11.2017. URL: www.premium.lefigaro.fr/actualite-france/2017/11/30
- Écriture inclusive : 314 professeurs refusent d'enseigner que « le masculin l'emporte sur le féminin ». URL: www.egaliteetreconciliation.fr
- Edwards M.* Comment lire ce charabia ? // *Le Figaro*, 06.10.2017. URL: www.premium.lefigaro.fr/actualite-france/2017/10/06
- Guide pratique pour une communication publique sans stéréotypes de sexe. P. : HCE|fh, 2015. 35 p.
- Fumaroli M.* Il faut défendre la langue française contre les Tissotin du féminisme // *Le Figaro*, 05.11.2017. URL: www.premium.lefigaro.fr/actualite-france/2017/11/05
- Huchon M.* Histoire de la langue française. P. : Librairie Générale Française, 2002. 315 p.
- Pech M.-E.* Comment fonctionne « l'écriture inclusive » // *Le Figaro*, 05.10.2017. URL: www.premium.lefigaro.fr/actualite-france/2017/10/05
- Rey A.* L'écriture inclusive est vouée à l'échec // *Le Figaro*, 23.11.2017. URL: www.premium.lefigaro.fr/actualite-france/2017/11/23
- Viennot E.* Non, le masculin ne l'emporte pas sur le féminin ! Petite histoire des résistances de la langue française. Donnemarie-Doutilly : Editions iXe, 2014. 120 p.
- Vitoux F.* Ecriture inclusive : de la nécessité du neutre dans la langue française // *Le Figaro*, 31.10.2017. URL: www.premium.lefigaro.fr/actualite-france/2017/10/31

УДК 81.342; 811.133.1

Коголова Е. А.

кандидат филологических наук; доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка МГЛУ;
e-mail: koelena05@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИНТЕНСИВНОСТИ ЕГО ЗВУЧАНИЯ

Любые публичные выступления направлены на привлечение внимания аудитории, призыв к определенным действиям, соответственно, речь оратора должна соответствовать ситуации, стилю общения, цели, а также быть привлекательной на фонетическом уровне.

Одним из важнейших акустических параметров на просодическом уровне является громкость речи. Научиться регулировать силу голоса во время выступления – одна из существенных задач ораторского искусства. Умение владеть силой голоса, варьировать громкость в зависимости от целей высказывания, аудитории, сюжета – является несомненной составляющей общей произносительной культуры речи, а также важной задачей в процессе обучения иноязычному общению.

Интенсивность звучания зависит от напряженности и амплитуды колебания голосовых связок. Чем больше амплитуда колебания, тем интенсивнее звук. Модификации громкости и глубины голоса можно достичь тренировками. Громкостью голоса можно и необходимо управлять, её нужно уметь менять в зависимости от обстоятельств общения. Гибким изменением громкости голоса можно достигнуть выразительности речи, её разнообразия, большей адекватности конкретной ситуации общения. Контролируемое снижение или повышение громкости речи заставит публику внимательнее прислушаться к словам. Варьирование интенсивности звучания является хорошим способом привлечения внимания.

Статья посвящена изучению интенсивности звучащей речи, коррелирующей на уровне восприятия с громкостью звука. В ней рассматривается вопрос восприятия силы произнесения высказываний и ее соотнесение с оценкой речи. Приводятся результаты аудиторского и электронно-акустического исследования, экспериментальным материалом которого послужили аутентичные звучащие тексты, соответствующие жанру круглого стола. Достоверность полученных результатов обеспечивается комплексной методикой анализа и репрезентативным объемом соответствующего экспериментального корпуса. Результаты экспериментально-фонетического исследования свидетельствуют о том, что важно знать, как оценивается звучащая речь слушателями, чтобы достичь оптимального понимания и взаимопонимания. По итогам анализа степени интенсивности высказываний во французской теледискуссии в статье приводится некая модель, включающая в себя определенные параметры интенсивности.

Ключевые слова: громкость / интенсивность речи; степень интенсивности; аудиторский анализ; электронно-акустическое исследование; французская теледискуссия.

E. A. Kogalova

PhD (Philology), Associate Professor, Department of the French Language Phonetics and Grammar, Faculty of the French Language, MSLU; e-mail: koelena05@mail.ru

PERCEPTION OF SPEECH DEPENDING ON ITS SOUND INTENSITY

Any public statements are aimed at attracting the attention of the audience, a call for certain actions, therefore a speaker's speech should be appropriate to the situation, communication style, goals, and also be attractive at the phonetic level as well.

The loudness of speech is one of the most important acoustic parameters for the prosodic level. One of the most essential tasks of oratory is to learn how to adjust voice volume during a performance. The ability to control the power of voice, to vary the volume depending on the statement purposes, the specific audience, the story is the definite part of the overall speech articulatory culture and the important task in the process of teaching foreign language communication.

Sound intensity depends upon the tension and the amplitude of the vocal cords vibration. The larger the oscillation amplitude, the more intense the sound is. The modification of the volume and the depth of the voice can be learned through training. The volume of the voice can and should be controlled, and is needed to be able to be changed depending on the communication circumstances. The flexible change of the voice volume can result in the expressiveness of speech, its diversity, the greater adequacy of the specific situation of the communication. The controlled decrease or increase of the speech volume will make the audience listen more carefully to the words. The variation of the sound intensity is a good way of attracting attention.

This article is devoted to the study of the intensity of the sounding speech that correlates at the level of perception with volume. It addresses the issue of perception of the power of utterance speech and its correlation with the speech assessment. The author presents auding and electronic-acoustic research results based on the experimental material which was authentic-sounding texts that corresponded to the genre of "the round table". The validity of the results is provided by the integrated method of analysis and the representative volume of the corresponding experimental case. The results of the experimental phonetic research suggest that it is important to know how the sounding speech is evaluated by the audience in order to achieve optimal understanding and mutual understanding. On the basis of the analysis of the intensity degree of statements in French television discussion, a certain model that includes specific parameters of intensity is considered in the article.

Key words: speech volume; speech intensity; intensity level; auding analysis, electronic-acoustic study, French television discussion.

Введение

Интонационный аспект речи составляет важную часть речевой деятельности, он постоянно включен в активность человека. Исследование интонационного параметра может существенно дополнить

понимание индивидуального стиля личности как оптимального способа взаимодействия с окружающей действительностью, вырабатываемого в процессе деятельности.

Основная часть

Одним из значимых компонентов интонации является воспринимаемая слушателем интенсивность высказывания, коррелирующая на уровне восприятия с громкостью звука. Более важные в смысловом отношении части предложения обычно произносятся громче, чем маловажные, с целью обратить на них внимание слушателя. Часто в этом смысле говорят о месте интонационного центра в высказывании, т. е. о том слоге или слове, на котором происходит коммуникативно значимое изменение высоты тона голоса. Интонационный центр высказывания всегда расположен на том слове, которое говорящий хочет акцентировать. В зависимости от того, на какое слово фразы падает ударение, высказывание изменяет свой смысл и требует иной речевой реакции собеседника.

В процессе подготовки к участию в межкультурных формах иноязычного общения (симпозиумах, конференциях, дебатах, коллоквиумах, круглых столах и т. д.) возникают вопросы о том, как научиться регулировать громкость голоса во время выступления. Всегда ли говорить громко во время публичного выступления значит говорить хорошо. С большой вероятностью можно сказать, что когда громкостью голоса стараются восполнить отсутствие доказательств и неубедительность аргументации, то это отрицательно сказывается на восприятии выступления. Такая речь не вызовет восторга слушателей, внимание которых станет быстро рассеиваться. Речь не должна быть «шумовой атакой на барабанные перепонки, но произносимая речь, надо все же говорить так громко, чтобы даже слушатели, сидящие в задних рядах, понимали ее» [Бредемайер 2008].

Громкость речи должна соответствовать содержанию и стилю сюжета. Кроме того, громкость зависит от числа людей в группе. Ошибочно полагать, что чем громче вы говорите, тем лучше будут вас слушать, очень часто верно именно обратное. Внимание можно привлечь, если говорить тихо, так как это создаст в группе атмосферу взаимного доверия. С другой стороны, время от времени повышая голос, можно создать исключительно драматический эффект, но не надо в этом переусердствовать [Rivenez, Guillaume 2006; Введенская, Павлова, Катаева 2004; Rittaud-Hutinet 1995].

Профессиональные коммуникации – презентации, доклады, выступления на конференциях, по радио, телевидению – подчинены жестким правилам, благодаря которым слушатели получают необходимую информацию и говорящий достигает своей цели. Если об этом забывать, то в результате языковые ограничения и ошибки, свидетельствующие о содержательной и речевой несостоятельности, приводят к потере ориентации, и осуществление коммуникационной задачи оказывается под сомнением. Коммуникационный партнер может даже не осознавать этого, но на протяжении всего доклада или диалога у него в голове теснятся вопросы – подразумеваемые и явные. Накапливаясь, они ощущаются как помехи, не дающие достигнуть полноценного результата и адекватного восприятия. Единственной обратной связью порой служит одобрение или неодобрение слушателя или собеседника [Moustapha 2010].

Интенсивность звучания зависит от напряженности и амплитуды колебания голосовых связок. Чем больше амплитуда колебания, тем интенсивнее звук. На слух различают низкий, средний и высокий уровень интенсивности. Уровень силы звучания может не изменяться (ровный, спокойный голос), но чаще всего направление и характер интенсивности меняется: увеличивается или уменьшается, и это может происходить резко или плавно. Взаимодействие тона и интенсивности усиливает громкость речи. Большой громкости можно достичь не напряжением голосовых связок, а повышением четкости артикуляции или замедлением темпа [Rivenez, Guillaume 2006; Morel, Danon-Boileau 2001; Rittaud-Hutinet 2011].

Жизненная ситуация, психическое состояние человека, его воспитание, уважение к окружающим определяют, каким тоном он будет произносить речь, вести разговор. На митинге, параде дозволительно говорить громко, когда же человек находится в семье или в кругу друзей, в каком-либо общественном месте, то громкая речь будет свидетельствовать о невоспитанности или чрезмерной нервозности, возбужденном состоянии или, наконец, о стремлении говорящего обратить на себя внимание [Сильницкая 2016; Yaguello 2003].

На материале французской теледискуссии¹ было проведено экспериментально-фонетическое исследование интенсивности речевого

---

¹ Экспериментальный материал исследования представляет собой аутентичные звучащие тексты 9 передач («Culture et dépendances» (France 3 – 2001, 2003), «Vie privée, vie publique» (France 3 – 2002, 2003), «Campus, le

сигнала (громкости речи), чтобы определить, как воспринимается речь, имеющая разную степень интенсивности.

В ходе аудиторского анализа были определены образцы, представляющие собой наиболее и наименее удачные произносительные варианты, затем проводилось непосредственное исследование этих фрагментов речи [Коголова 2005].

В наиболее удачной речи участниками эксперимента в подавляющем большинстве случаев оптимальной силой произнесения (громкостью) была названа средняя. Более сильная интенсивность была отмечена в тех фрагментах речи, в которых присутствовала какая-либо эмоциональная дополнительная окраска и слова имели выделительное ударение. Менее удачный произносительный вариант характеризовался слишком сильной или слишком слабой интенсивностью. Следовательно, отрицательно оцениваются слушателями как слишком громкая речь, связанная с наличием эмоциональной дополнительной окраски, так и слишком тихая речь, заставляющая напрягать слух и тем самым создающая дискомфорт при восприятии (см. табл. 1).

Таблица 1

Восприятие интенсивности речи аудиторами

Передача Информант	Речь	Интенсивность речи																			
		очень слабая				слабая				средняя				сильная				очень сильная			
		аудиторы				аудиторы				аудиторы				аудиторы				аудиторы			
		1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
1	1	+								+	+	+	+								
	2	-			+		+	+	+	+											
2	3	+								+	+	+	+			+					
	4	-					+	+	+	+	+			+							
3	5	+								+	+	+	+	+	+						
	6	-					+	+	+	+											
4	7	+								+	+		+					+			
	8	-					+		+	+			+					+			
5	9	+								+	+	+	+								
	10	-														+	+	+	+		+

magazine de l'écrit» (France 2 – 2002, 2003), «On n'est pas couché» (France 2 – 2012), «Tout Compte Fait» (France 2 – 2011), «Ce soir (ou jamais!)» (France 2 – 2012).

Передача	Информант	Речь	Интенсивность речи																			
			очень слабая				слабая				средняя				сильная				очень сильная			
			аудиторы				аудиторы				аудиторы				аудиторы				аудиторы			
			1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
6	11	+																				
	12	-																				
7	13	+																				
	14	-																				
8	15																					
	16																					
9	17																					
	18																					

В ходе электронно-акустического анализа исследовались такие динамические характеристики речи, как максимальная, минимальная и средняя интенсивность синтагмы; начальный и конечный уровень интенсивности синтагмы (эти два параметра позволили оценить, является ли перепад на границе синтагм более умеренным или более резким с точки зрения громкости), а также степень выделенности слогов с дополнительным (выделительным) ударением по отношению к средней интенсивности на синтагме в децибелах (дБ) (данная характеристика при сравнении дает возможность определить степень экспрессивности речи) [Блохина, Потапова 1982; Vaissière 1999].

При вычислении максимальной, минимальной и средней интенсивности синтагмы оказалось, что наиболее удачная речь произносилась с максимальной степенью громкости равной в среднем 11,5 дБ, в то время как наименее удачная речь имела громкость или немногим выше – 12,6 дБ, или, наоборот, ниже – 10,6 дБ, что свидетельствует о том, что даже небольшие отклонения от средних значений воспринимаются отрицательно: в ходе аудиторского анализа слишком громкая или слишком тихая речь оценивались аудиторами негативно. Минимальные значения интенсивности наиболее удачной речи оказались ниже по сравнению с наименее удачным произносительным вариантом, т. е. минимальная громкость, с которой произносилась такая речь, была выше. Результаты вычисления данных параметров отражены в таблице 2 (см. табл. 2).

При исследовании разницы интенсивности между конечным уровнем предыдущей синтагмы и начальным уровнем следующей было отмечено, что более отчетливые переходы с точки зрения громкости речи воспринимаются положительно. В более удачном произносительном

варианте переходы на границе синтагм были в пределах от 5,2 дБ до 9,5 дБ, в наименее удачной речи этот показатель смещался от 4,4 дБ до 8,0 дБ. В среднем интенсивность, с которой осуществлялись перепады на границе синтагм, в первом случае была около 7,4 дБ, во втором – 5,8 дБ. Данные замеров показаны в таблице 3.

Таблица 2

Значения громкости речи

Передача	Информант	Максимальная степень громкости (в дБ)	Минимальная степень громкости (в дБ)	Средняя степень громкости (в дБ)
1	1(+)	11,3	25,7	18,5
	2(-)	12,8	30,3	21,5
2	3(+)	10,9	34,2	22,6
	4(-)	11,9	30,9	21,4
3	5(+)	10,8	30,4	20,6
	6(-)	10,2	29,7	19,9
4	7(+)	10,5	29,8	20,2
	8(-)	10,6	26,7	18,6
5	9(+)	12,2	29,7	20,9
	10(-)	12,3	29,6	20,9
6	11(+)	12,2	29,9	21,1
	12(-)	12,3	29,1	20,7
7	13(+)	11,0	26,4	18,7
	14(-)	10,9	27,0	18,9
8	15(+)	12,7	28,5	20,6
	16(-)	13,5	27,6	20,5
9	17(+)	11,6	27,9	19,8
	18(-)	11,9	27,2	19,5

Таблица 3

Степень интенсивности на границе синтагм

Передача	Информант	Степень интенсивности на границе синтагм (в дБ)	
1	1(+)	5,5	
	2(-)		5,9
2	3(+)	7,2	
	4(-)		6,5
3	5(+)	9,5	
	6(-)		8,0
4	7(+)	7,4	
	8(-)		4,4
5	9(+)	7,9	
	10(-)		6,1

Продолжение таблицы 3

Передача	Информант	Степень интенсивности на границе синтагм (в дБ)	
6	11(+)	9,5	
	12(-)		5,0
7	13(+)	7,6	
	14(-)		5,0
8	15(+)	5,2	
	16(-)		4,5
9	17(+)	6,7	
	18(-)		7,1

Показательной характеристикой при электронно-акустическом анализе двух произносительных вариантов стала степень выделенности слогов, имеющих выделительное ударение, по отношению к средней интенсивности синтагмы. Этот параметр отображает, насколько значительны отклонения от средних показателей и, таким образом, насколько громче (возможно, эмоциональнее) произносятся такие слоги. В наиболее удачной речи показатели максимальных отклонений были выше в среднем на 3 дБ по сравнению с менее удачным произносительным вариантом, такая разница четко воспринимается на слух [Блохина, Потапова 1982], и интенсивность в таких высказываниях оказалась выше (соотношение степени выделенности слогов, имеющих дополнительное ударение, к средней интенсивности синтагмы 9,04 дБ : 8,17 дБ).

Результаты подсчетов по минимальному и максимальному отклонению от средней интенсивности слогов, имеющих выделительное ударение, а также степень отклонения от средних показателей систематизированы в таблице 4.

Таблица 4

Степень интенсивности по отношению к средним показателям

Передача	Информант	Степень выделенности слогов, имеющих выделительное ударение, по отношению к средней интенсивности синтагмы (в дБ)	Максимальное отклонение от средней интенсивности слогов, имеющих выделительное ударение (в дБ)	Минимальное отклонение от средней интенсивности слогов, имеющих выделительное ударение (в дБ)
1	1(+)	6,8	11	3
	2(-)	7,3	10	5

Передача	Информант	Степень выделенности слогов, имеющих выделительное ударение, по отношению к средней интенсивности синтагмы (в дБ)	Максимальное отклонение от средней интенсивности слогов, имеющих выделительное ударение (в дБ)	Минимальное отклонение от средней интенсивности слогов, имеющих выделительное ударение (в дБ)
2	3(+)	8,3	12	6
	4(-)	8,8	11	7
3	5(+)	7,4	13	5
	6(-)	7,9	10	4
4	7(+)	9,6	14	5
	8(-)	8,4	12	5
5	9(+)	9,0	15	4
	10(-)	7,6	10	4
6	11(+)	11,0	15	5
	12(-)	8,5	11	4
7	13(+)	9,8	14	6
	14(-)	8,6	11	4
8	15(+)	9,6	13	6
	16(-)	7,8	12	6
9	17(+)	9,9	18	6
	18(-)	8,7	11	6

Заключение

Проанализировав степень интенсивности высказываний во французской теледискуссии, можно определить с большой долей вероятности некую *модель*, представляющую собой следующее:

- наиболее удачный произносительный вариант имеет среднюю силу произнесения, более сильная интенсивность возникает при наличии дополнительного ударения;

- средняя интенсивность синтагмы находится в пределах от 18,5 до 22,6 дБ;

- степень интенсивности на границе синтагм составляет от 5,2 до 9,5 дБ;

- степень выделенности слогов с дополнительным ударением по отношению к средней интенсивности синтагмы от 6,8 до 11,0 дБ.

Так как в настоящее время существует реальная потребность в подготовке специалистов к участию в межкультурных формах иноязычного общения (симпозиумах, конференциях, дебатах и т. д.), то важной практической задачей является необходимость выработки умений дискуссионного общения в соответствующей обстановке.

Важно знать, как воспринимается и оценивается звучащая речь слушателями, чтобы достичь оптимального взаимопонимания. Чрезмерное усиление или уменьшение громкости речи не всегда приводит к ожидаемым результатам, необходима «золотая середина».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блохина Л. П., Потапова Р. К.* Методика анализа просодических характеристик речи. Методические рекомендации. М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1982. 75 с.
- Бредемайер К.* Правила риторики. Как не теряться во время выступления и быть убедительным. М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. 200 с.
- Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Катаева Е. А.* Русский язык и культура речи: учеб. пособие для вузов. 10-е изд. Ростов н/Д : Феникс, 2004. 544 с.
- Когалова Е. А.* Роль фонетических средств в формировании культуры устной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного французского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 203 с.
- Сильницкая А. С.* Отражение индивидуальных свойств личности в интонационных параметрах речи: дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 196 с.
- Morel M.-A., Danon-Boileau L.* Grammaire de l'intonation. L'exemple du français. Paris-Gap, Ophrys, 2001. 231 p.
- Moustapha M.* L'usage de la voix par un enseignant de français langue étrangère lors de la lecture explicative // L'information Grammaticale. Vol. 127. # 1, 2010. P. 16–23.
- Ritaud-Hutinet Ch.* La phonopragmatique. P. : Peter Lang, 1995. 307 p.
- Ritaud-Hutinet Ch.* Parlez-vous français? P. : Le Cavalier Bleu, 2011. 159 p.
- Rivenez M., Guillaume A.* Rôles de la hauteur et du timbre des voix dans l'organisation perceptive de la parole // L'année psychologique. Vol. 106. # 3. 2006. P. 435–456.
- Vaissière J.* Utilisation de la prosodie dans les systèmes automatiques: un problème d'intégration des différentes composantes // Faits de langues. Vol. 7. # 13. 1999. P. 9–16.
- Yaguello M.* (dir.) Le Grand Livre de la langue française [Texte imprimé] / Cl. Blanche-Benveniste, J.-P. Colin, Fr. Gadet... [et al.] P. : Seuil, 2003. 545 p.
- Goyé A.* La Perception Auditive (cours P.A.M.U.) URL: assoacar.free.fr/archives/Cours/Psychoacoustique/Cours%20de%20TELECOM%20PARIS.pdf
- Introduction au Traitement Automatique de la Parole Notes de cours / DEC2. URL: tcts.fpms.ac.be/cours/1005-07-08/speech/parole.pdf
- Voyage au centre de l'audition. URL: www.cochlea.org/entendre

УДК 311.133.1

Н. Б. Кудрявцева

доктор филологических наук;

заведующий кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка МГЛУ;

e-mail: nkoudriavtseva@mail.ru

О ВИДАХ ОДНОРОДНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на материале французского языка)

В статье формулируется идея о возможности и необходимости расширить обычную парадигму однородности, традиционно включающую в себя грамматическую и логическую однородность, за счет ее аргументативной разновидности.

В отечественной лингвистике в качестве грамматически однородных обычно рассматриваются однофункциональные синтаксические единицы, одинаково относящиеся к некоторому третьему элементу (члену предложения), которому они соподчинены или который соподчинен им. Логически однородными считаются видовые понятия, соподчиненные одному и тому же родовому понятию. Общим для обоих видов однородности является одинаковость отношения двух и более компонентов к чему-то третьему. Однако «третьи члены» этих двух видов однородности никогда не совпадают: «синтаксическое третье» не бывает выражением родового понятия по отношению к понятиям, выражаемым однородными членами предложения; «логическое третье» для предложений с однородными членами – это нечто, лежащее за пределами его синтаксической структуры.

В данной статье вводится понятие аргументативной однородности (последовательность высказываний является аргументативно однородной, если ее компоненты имеют единую аргументативную ориентацию) и обосновывается целесообразность объединения таких разновидностей однородности, как логическая, грамматическая и аргументативная, в рамках общей парадигмы однородности на том основании, что все они предполагают в качестве дифференциального признака соподчинение двух и более компонентов третьему, независимо от природы последнего:

а) грамматическая однородность: *J'ai mangé des fruits et des légumes* (однородные дополнения соподчинены общему сказуемому);

б) логическая однородность: в том же примере видовые понятия *fruits* и *légumes* объединены общим родовым понятием *aliments*, формально отсутствующим в высказывании;

в) аргументативная однородность: *Elle est belle (P) et bonne (Q)* (аргументы *P* и *Q* имплицитно общий вывод *Je te conseille de l'épouser*, являющийся также выводом из всего высказывания в целом).

Ключевые слова: сочинение / сочинительная связь; сочинительный союз; грамматическая / логическая / аргументативная однородность.

N. B. Kudryavtseva

Doctor of Philology, Head of the Department of the French Language Phonetics and Grammar, Faculty of the French Language, MSLU; e-mail: nkoudriavtseva@mail.ru

**TYPES OF LINGUISTIC UNITIES HOMOGENEITY
(on the example of the french language)**

The article grounds the necessity of completing the general paradigm of homogeneity traditionally including grammar and logic types with an argumentative one.

The Russian linguistic science considers as grammatically homogeneous syntactic unities performing similar functions and characterized by the same relation to a third element (part of a sentence) to which they are subordinated, or which subordinates them. Specific concepts subordinated to the same generic one are defined as logically homogeneous. Both types of homogeneity are characterized by the similitude of relationship of two or more components to a third entity. However, «third entities» of the analysed kinds of homogeneity never coincide: «the syntactic third» does not express a generic concept with regard to concepts denoted by homogeneous parts of a sentence; «the logic third» for sentences with grammatical homogeneity is something situated outside their syntactic structure.

The article introduces the notion of argumentative homogeneity (the sequence of utterances is argumentatively homogeneous if its components have identical argumentative orientation, driving to the same conclusion) and substantiates the expedience of uniting grammatical, logical and argumentative types of homogeneity within the general paradigm of homogeneity. All these forms of homogeneity have as a differential sign the subordination of two or more components of an utterance to a third one, independently of its nature:

a) grammar homogeneity: J'ai mangé des fruits et des légumes (the homogeneous objects are subordinated to the same predicate);

b) logic homogeneity: in the quoted example, the specific concepts fruits and légumes are embraced by the generic notion of aliments, formally absent in the utterance;

c) argumentative homogeneity: Elle est belle (P) et bonne (Q) (the arguments P and Q implicate the same conclusion r Je te conseille de l'épouser, which is also the general conclusion following from the whole utterance).

Key words: coordination / coordinative connexion; coordinative conjunction; grammar / logic / argumentative homogeneity.

Введение

Понятие грамматической однородности является одним из наиболее важных в синтаксических исследованиях отечественных лингвистов. Напротив, оно полностью отсутствует в трудах французских грамматистов, которые ограничиваются использованием термина

«сочинение». Так, авторы «Grammaire méthodique du français» пишут: «В традиционном смысле слова сочинение имеет место, когда две языковые единицы одного уровня и выполняющие аналогичную синтаксическую функцию связываются при помощи сочинительного союза»¹ [Riegel, Pellat, Rioul 1994, с. 521]. Дело, однако, в том, что сочинительные союзы соединяют синтаксически однофункциональные элементы далеко не всегда. Таким образом, целью настоящей статьи является, во-первых, разграничение понятий сочинения и однородности и выявление на этой основе инвентаря сочинительных конструкций, встречающихся в современном французском языке. Во-вторых, в статье разрабатывается принципиально новая классификация форм однородности лингвистических единиц, которая не ограничивается лишь ее грамматической разновидностью. Впрочем, анализ корпуса примеров мы всё же начнем именно с нее.

Основная часть

Грамматически однородными, в нашем понимании, являются однофункциональные синтаксические единицы, одинаково относящиеся к некоторому третьему элементу, которому они соподчинены или который соподчинен им. Грамматическая однородность соотносится с логической, что обусловлено связями логики и грамматики, но тождества здесь нет. В логике однородными считаются видовые понятия, соподчиненные одному и тому же родовому понятию. Грамматически однородными являются члены предложения, объединенные одинаковым отношением к одному и тому же соподчиняющему их или соподчиненному им члену предложения. Общим для обоих видов однородности является одинаковость отношения двух и более компонентов к чему-то третьему. Однако «третьи члены» этих двух видов однородности (М. Н. Правдин называет их соответственно «логическим третьим» и «синтаксическим третьим» [Правдин 1967, с. 97]) никогда не совпадают: «синтаксическое третье» не бывает выражением родового понятия по отношению к понятиям, выражаемым однородными членами предложения; «логическое третье» для предложений с однородными членами – это нечто, лежащее за его пределами, либо, что также часто случается, родового понятия по отношению к понятиям, выражаемым однородными членами, вообще не существует:

---

¹Зд. и далее перевод наш. – Н. К.

(1) Au Brésil, on parle peu des pauvres, mais énormément des rats [Clavel 1978, с. 115].

Так, в приведенном примере сочиненные компоненты *pauvres* и *rats* не укладываются в рамки логических отношений род – вид. Вместе с тем они охватываются неким общим понятием, которое, например, можно сформулировать как «нечто, способное вызвать беспокойство у бразильцев», т. е. отношение грамматической однородности всегда подкрепляется семантической общностью компонентов, объединенных в пределах однородного ряда. Но возможность объединения в одном ряду семантически далеких элементов также свидетельствует о вторичном характере критерия семантической общности по сравнению с однофункциональностью:

(2) Ce carré de toile lui sert à étancher ses rhumes et ses chagrins [San-Antonio 1964, с. 299].

Последнее обстоятельство часто служит основанием для создания людического эффекта, т. е. различных видов языковой игры.

«Идеальный» однородный ряд представляют собой структуры, объединяющие компоненты, однородные и по функции, и по форме, и по семантике:

(3) Cet Écossais sans scrupules contribua, sans le vouloir et sans le savoir, à la chute de la Royauté [San-Antonio 1964, с. 269].

Вплотную к таким конструкциям примыкают примеры, в которых соединяемые сочинительным союзом компоненты характеризуются функциональным тождеством, но морфологической разнотипностью:

(4) Passe-moi vingt francs et de quoi m'acheter un esquimau [Sarraute 1987, с. 42].

Сочиненные ряды подобного рода, а также ряды, объединяющие семантически далекие компоненты, мы называем однородными с оговоркой.

Особое место среди разноструктурных сочиненных рядов занимают сочетания членов предложения с различными придаточными предложениями. Проблема существования сочиненных рядов такого рода связана с более глобальной проблемой взаимоотношения сочинения и подчинения. Сочинительный союз всегда свидетельствует

о независимом характере следующего за ним компонента. Если же этим компонентом является придаточное предложение, то оно в силу своей синтаксической природы не может обладать независимым статусом. Следовательно, сочетания членов предложения с придаточным должны рассматриваться в качестве компромисса между сочинением и подчинением и составляют крайнюю периферию однородности:

(5) C'est une belle personne mais qui a le mauvais œil [Aragon 1976, с. 345].

Все другие сочинительные конструкции, встречающиеся на уровне простого предложения, однородными не являются и сочиненных однородных рядов не образуют. К таким конструкциям относятся соединения компонентов:

1) различающихся по своим синтаксическим функциям, как общим, так и частным:

(6) La vraie guerre éclatera un peu plus tard et un peu plus loin [San-Antonio 1974, с. 65].

(7) On en dit trop, mais pas tout [San-Antonio 1964, с. 336];

2) повторяющихся и образующих единый, сложный член предложения:

(8) Ils ont tant de choses à se dire qu'ils prolongent et prolongent leur promenade [Giroud 2002, с. 28];

3) являющихся частями фразеологического единства:

(9) Il m'a raconté une histoire qui n'avait ni queue ni tête [Grevisse 1988, с. 1572].

Особо следует остановиться на примерах типа:

(10) J'étais un ange, oui, mais un ange plein de passions [Mauriac 1975, с. 26].

(11) Aurélien savait donner le vertige, mais une fois [Aragon 1976, с. 50].

К анализу подобных структур мы обращались неоднократно и квалифицируем их как уточняющие конструкции. Специфика уточняющих конструкций состоит в том, что в них контаминируются признаки однородности и неоднородности, и на базе этой контаминации выявляются особые признаки самого уточнения. Так, к признакам

однородности можно отнести структуру уточняющей конструкции, где уточняемое и уточняющее располагаются в виде цепочки из двух компонентов, подчиненных одному и тому же третьему компоненту. Правда, это соподчинение весьма специфично: уточняющее прежде всего подчинено уточняемому, и только вместе с последним оно подчиняется общему для них третьему компоненту: *J'étais ← un ange ← un ange plein de passions*. Против однородности говорят такие факты, как: а) логическое неравноправие компонентов, являющихся соответственно уточняемым и уточняющим; б) обязательное пунктуационное и интонационное выделение уточняющего; в) возможность рассмотрения уточняющего в качестве второй ремы высказывания:

(12) Luc nous invita à déjeuner (R1), mais avec sa femme (R2) [Sagan 1978, с. 17].

Наряду с грамматической и логической однородностью лингвистических единиц мы предлагаем различать еще и аргументативную однородность, определяя ее следующим образом: последовательность высказываний является аргументативно однородной, если ее компоненты имеют единую аргументативную ориентацию. Более того, мы считаем целесообразным включить такие разновидности однородности, как логическая, грамматическая и аргументативная в общую парадигму однородности на том основании, что все они предполагают в качестве дифференциального признака соподчинение двух и более компонентов третьему, независимо от природы последнего. Ср.:

а) **грамматическая однородность**: *J'ai mangé des fruits et des légumes* (в приведенном примере однородные дополнения соподчинены общему сказуемому);

б) **логическая однородность**: в том же примере видовые понятия *fruits* и *légumes* объединены общим родовым понятием *aliments*, формально отсутствующим в высказывании;

в) **аргументативная однородность**: *Elle est belle /P/ et bonne /Q/* (аргументы *P* и *Q* имплицитно общий вывод *r*: *Je te conseille de l'épouser*, являющийся также выводом из всего высказывания в целом).

Анализ французских сочинительных союзов *et, mais, ou, ni* в свете теории аргументации позволил нам сделать ряд важных заключений в отношении их способности соединять аргументативно однородные и аргументативно неоднородные компоненты высказываний. При

этом данные союзы употребляются в качестве аргументативных коннекторов. Под аргументативным коннектором понимается реляционный элемент, соединяющий два или более высказывания, которые в рамках единой аргументативной стратегии могут быть квалифицированы как акты аргументации. Последние, в свою очередь, определяются как «акты, осуществляемые посредством реализации высказывания, призванного служить основанием для некоторого вывода» [Ducrot 1983, с. 9]. В этой связи аргументативным коннектором является любой реляционный элемент, соединяющий компоненты высказывания, которые могут быть представлены как:

а) аргументы в пользу некоторого – эксплицитного или имплицитного – вывода r . Так, в примере *Il a le 3e cycle /P/, et même le doctorat d'État /Q/* аргументы P и Q имплицитно имеют один и тот же вывод r : *Il est compétent*;

б) аргументы в пользу противоположных выводов r и $non-r$. Например, в высказывании *Il est travailleur /P/ mais brouillon /Q/* компонент P имплицитно имеет вывод r (*Embauchez-le*), а Q влечет за собой противоположный вывод $non-r$ (*Ne l'embauchez pas*), являющийся заключением из данного высказывания в целом;

в) аргумент и вывод одновременно: *Il pleut /P/, prends donc ton parapluie /Q/*, где $Q=r$.

Так, *mais*, употребляясь в функции связи двух актов аргументации, придает им противоположную аргументативную направленность: */P/ Max est compétent (P → r: Il faut l'embaucher) mais /Q/ brouillon (Q → non-r: Il ne faut pas l'embaucher)*. Причем, аргументативная ориентация компонента Q является доминирующей и придает аргументативную ориентацию всему высказыванию в целом. Данное соотношение разнонаправленных аргументов P и Q , а также противоположных выводов, вытекающих из этих аргументов, мы предлагаем представить в виде аргументативного квадрата (по аналогии с логическим квадратом):

$$\begin{array}{ccc}
 P (\text{Max est compétent}) & < & Q (\text{Max est brouillon}) \\
 \downarrow & & \downarrow \\
 r (\text{Il faut l'embaucher}) & \vee & non-r (\text{Il ne faut pas l'embaucher}),
 \end{array}$$

где $<$ является знаком аргументативной силы, а $\vee$ – знаком исключающей дизъюнкции.

Тем не менее ряд высказываний с *mais* не соответствуют данному описанию. Прежде всего, мы имеем в виду противительные высказывания типа: *Il est compétent, mais pas brouillon* ($\rightarrow r$: *Il faut l'embaucher*). *Il n'est pas compétent, mais brouillon* ($\rightarrow r$: *Il ne faut pas l'embaucher*). Как видим, аргументативная ориентация высказываний определяется в данном случае не постпозицией компонента *Q* к коннектору *mais*, а интенцией отрицания. В самом деле, подобное противительное высказывание приобретает аргументативную направленность утверждаемого компонента, которым в равной степени могут быть *P* и *Q*. Неслучайно в романистике принято говорить о существовании двух *mais* во французском языке. Со своей стороны, мы считаем необходимым выделить еще один тип аргументативного *mais*, который почему-то игнорируется исследователями. В высказываниях типа *Félix est beau, mais beau!*, с нашей точки зрения, *mais* вводит аргументативно однонаправленные компоненты. Так, в приведенном примере компонент *Q* придает еще бóльшую аргументативную силу компоненту *P*, и оба этих аргумента подводят нас к общему заключению *Félix doit tourner dans ce film*.

Теперь обратимся к анализу аргументирующего потенциала коннектора *et*. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой коннектор *et* соединяет аргументативно однонаправленные компоненты. Так, именно несовпадением аргументативной ориентации компонентов *P* и *Q* в высказывании **Il fait beau et le soleil ne brille pas* Ж. Мешлер объясняет его нерелевантность [Moeschler 1996, с. 186]. Мы не можем согласиться с такой точкой зрения. Во-первых, следует напомнить, что коннектор *et* часто функционирует как «глубинный *mais*». В таких случаях он соединяет разнонаправленные аргументы /*P*/ *Il fait beau* ($P \rightarrow r$: *Allons nous promener*) *et* /*Q*/ *Tu es plongé dans ton travail* ($Q \rightarrow non-r$: *Nous n'irons pas nous promener*). Во-вторых, к аргументирующим функциям реляционных элементов вообще и коннектора *et*, в частности, не следует подходить слишком упрощенно. Об этом наглядно свидетельствует эксперимент, проведенный лингвистами из университета Париж-8 [Ibrahim 1979]. Исследователи данного университета, решив проверить, аргументативную ориентацию какого из компонентов в примерах типа *P et Q* приобретает высказывание в целом, пришли к интересным выводам, на которых мы считаем необходимым остановиться более подробно.

Информантам были предложены высказывания, на основании которых участникам опроса следовало сделать вывод *Épouse-la* /+/ или *Ne l'épouse pas* /- / :

- (13) Elle est belle /+/ et riche /+/ → r: /+/.
- (14) Elle est laide /- / et pauvre /- / → r: /- /.
- (15a) Elle est pauvre /- / et belle /+/ → r: /+/.
- (15б) Elle est belle /+/ et pauvre /- / → r: скорее /+/.
- (16a) Elle est riche /+/ et laide /- / → r: безразлично.
- (16б) Elle est laide /- / et riche /+/ → r: скорее /+/.

Эксперимент показал, что, если аргументы одинаково характеризуются в плане положительности/отрицательности (т. е. аргументативно однонаправленны), то анализ примеров не представляет никаких трудностей. Так, в (13) и (14) соединяемые коннектором *et* компоненты имеют одинаковую аргументативную ориентацию и подводят к одному и тому же выводу (в /13/ – *Épouse-la*, в /14/ – *Ne l'épouse pas*). Сложнее обстоит дело в случае, если коннектор *et* соединяет аргументативно разнонаправленные компоненты. Так, в (15a), согласно результатам опроса информантов, больший коммуникативный вес имеет аргумент, занимающий вторую позицию в высказывании. Казалось бы, тем самым подтверждается мысль О. Дюкро о том, что «добавления к высказыванию делаются лишь в том случае, если они привносят некоторую новую или аргументативно более значимую информацию по отношению, по крайней мере, к одному из элементов данного высказывания»¹. Однако анализ примера (15б) свидетельствует о том, что это не совсем так. Совершенно очевидно, что в (15б) учитывается не позиция аргументов в высказывании, а «идеологическая» значимость качеств *beauté* и *pauvreté*. Опрос информантов, особенно мужчин, показал, что качество красота имеет для них больший вес, чем бедность. В примерах (16a,б) ситуация совершенно иная. Судя по результатам опроса информантов, в (16a) качества *richesse* и *laideur* уравнивают друг друга. В этой связи опрошенные затруднились ответить, какой вывод следует сделать из данной последовательности аргументов – *Épouse-la* или *Ne l'épouse pas*. В подобной ситуации мы считаем целесообразным ввести в анализ аргументирующих функций коннекторов, наряду с общепринятым понятием «аргументативная ориентация», понятие «аргументативная индифферентность».

¹Цит. по: [Ibrahim 1979, с. 28].

Об аргументативной индифферентности речь идет в случае, если образующие высказывание компоненты, выполняющие функцию актов аргументации, одновременно позволяют сделать два противоположных вывода, ни один из которых не является доминирующим: *Elle est riche et laide* → $r1: \acute{E}pouse-la; r2: Ne \acute{l}'\acute{e}pouse \textit{pas}$. Что же касается примера (16б), то здесь вновь вступает в силу позиционный фактор, поскольку большинство участников опроса выбрали в качестве возможного вывода из данной последовательности аргументов положительный ответ, т. е. в (16б) больший аргументативный вес имеет компонент, занимающий вторую позицию в высказывании.

Таким образом, в примерах с коннектором *et* довольно сложно дать однозначный ответ на вопрос о том, который из компонентов – *P* или *Q* – имеет большую аргументативную значимость. В подобных высказываниях самым тесным образом переплетаются три фактора (фактор первой позиции, фактор второй позиции и фактор «идеологической» значимости аргумента), которые, в свою очередь, активно взаимодействуют с лексико-грамматической структурой высказывания, а также с ситуацией общения в целом.

Помимо того, что в примерах типа *P et Q* наблюдаются случаи аргументативного доминирования как первого, так и второго компонентов, а также их аргументативной индифферентности, существует еще одна разновидность высказываний, в которых компонент *Q* является выводом *r*, вытекающим из *P* ($Q = r$). Речь идет о примерах с причинно- и условно-следственной семантикой типа:

- (17) Il pleut, et je prends mon parapluie.
- (18) Fais bien ce travail, et tu seras récompensé.

Теперь обратимся к высказываниям с коннектором *ni*. Прежде всего попробуем в примерах, которые рассматривают А. Ибраим и его коллеги, заменить коннектор *et* на *ni*. В результате подобных преобразований мы получим следующие высказывания:

- (19) Elle n'est ni belle /+ / ni riche /+ / → $r: - /$.
- (20) Elle n'est ni laide /- / ni pauvre /- / → $r: + /$.
- (21a) Elle n'est ni pauvre /- / ni belle /+ / → $r: \text{безразлично}$.
- (21б) Elle n'est ni belle /+ / ni pauvre /- / → $r: \text{безразлично}$.
- (22a) Elle n'est ni riche /+ / ni laide /- / → $r: \text{безразлично}$.
- (22б) Elle n'est ni laide /- / ni riche /+ / → $r: \text{безразлично}$.

Специально не изучая высказывания с коннектором *ni*, А. Ибраим делает по их поводу замечание вскользь: «В аргументативном плане элементы *P* и *Q* функционируют здесь аналогичным образом, поскольку они связаны отношением эквивалентности» [Ibrahim 1979, с. 33]. Мы полагаем, что примеры (19), (20) и (21а, б), (22а, б) принципиально отличаются друг от друга. В (19), (20) элементы *P* и *Q* являются аргументативно однонаправленными: в (19) отрицание положительных качеств ведет к общему отрицательному выводу *Ne l'épouse pas*, тогда как в (20) отрицание негативных характеристик влечет за собой общий положительный вывод *Épouse-la*. Что же касается примеров (21а, б), (22а, б), то здесь речь идет о явлении, которое выше мы квалифицировали как аргументативную индифферентность. В подобных случаях, как видим, *ni* соединяет компоненты, различающиеся в плане положительности / отрицательности, т. е. аргументативно разнонаправленные. Однако, если *P* и *Q* являются не просто аргументативно разнонаправленными, а аргументативно контрарными (например, выражаются антонимами), то, согласно проведенному нами опросу информантов, аргументативно доминирует, скорее, второй компонент, взятый в противоположном значении, нежели первый:

(23а) Elle n'est ni belle ni laide → r: скорее /+/.

(23б) Elle n'est ni laide ni belle → r: скорее /-/.

Кроме того, если добавить в высказывания с *ni* конкретизатор с семантикой градации, то больший коммуникативный вес также приобретет второй компонент, который может быть как аргументативно однонаправленным, так и аргументативно разнонаправленным по отношению к первому:

(24) Elle n'est ni belle ni surtout riche → r: /-/.

(25) Elle n'est ni laide ni surtout pauvre → r: /+/.

(26) Elle n'est ni belle ni surtout pauvre → r: /+/.

(27) Elle n'est ni laide ni surtout riche → r: /-/.

(28) Elle n'est ni belle ni surtout laide → r: /+/.

(29) Elle n'est ni laide ni surtout belle → r: /-/.

И, наконец, рассмотрим высказывания с аргументативным коннектором *ou*. При анализе примеров, принадлежащих как одному говорящему, так и входящих в состав микродиалогов, сразу же

обращает на себя внимание тот факт, что *ou* чаще всего связывает между собой разнонаправленные аргументы:

(30) Viens-tu au théâtre avec nous /P/ ou préfères-tu aller seul au cinéma /Q/? (P → r1: Et, dans ce cas-là, tu dois te dépêcher. Q → r2: Et, dans ce cas-là, tu peux ne pas te presser).

(31) Ou tu vas à la montagne avec tout le monde /P/, ou tu restes à la maison /Q! (P → r1: Et, dans ce cas, fais ton sac. Q → r2: Et, dans ce cas, tu peux ne pas faire ton sac).

Однако, в отличие от коннектора *mais*, обычно представляющего компонент *Q* как более весомый в аргументативном плане, чем *P*, *ou* представляет *P* и *Q* в (30), (31) как абсолютно равноценные аргументы, ни один из которых не является доминирующим. В частности, это утверждение легко доказывается трансформациями типа: *Viens-tu au théâtre avec nous ou préfères-tu aller seul au cinéma?* → *Mais choisis quelque chose (неважно что)*. *Ou tu vas à la montagne avec tout le monde, ou tu restes à la maison.* → *Mais décide-toi à quelque chose (неважно на что)*. Иначе говоря, в подобных примерах мы снова имеем дело с явлением аргументативной индифферентности.

Другой разновидностью высказываний с *ou* являются такие, в которых отношение альтернативы дополняется условно-следственным:

(32) Halte, ou je tire!

(33) Je tiendrai mes engagements, ou je démissionnerai!

В подобных примерах компонент *Q* является следствием «со знаком минус», вытекающим из компонента *P*: *Halte ! (P → r = non-Q: Je ne tirerai pas/ non-r = Q: Je tirerai)*. *P : Je tiendrai mes engagements (P → r = non-Q: Je ne démissionnerai pas / non-r = Q: Je démissionnerai)*. Однако коммуникативный вес компонентов *P* и *Q* в (32) и (33) неодинаков. Если в (33) *P* и *Q*, скорее, равноценны и адресант не акцентирует ни один из данных аргументов, то в (32) доминирует элемент *P*, ради которого, собственно, и произносится всё высказывание. Факт аргументативного доминирования компонента *P* в (32) подтверждается, в частности, тем, что именно *P* находится в фокусе восприятия коммуникантов благодаря акцентному выделению этого аргумента, а также благодаря наличию паузы перед произнесением *Q*. Таким образом, компонент *Q* приобретает статус мотива, руководствуясь которым слушающий должен совершить действие *P*. Интересно отметить, что

лучшего». В (37), напротив, выражается предпочтение компоненту *Q*. В (38) осуществляется выделение компонента *Q*, «который в некотором специальном отношении является более бедным, чем другие противопоставленные ему элементы» [Крейдлин 1975, с. 105]. В (39) предполагается наличие некоей шкалы, на которой *même* создает эффект градуирования: компоненты альтернативного отношения упорядочиваются по «степени вероятности» [Инькова-Манзотти 2001, с. 302]. Причем, компонент, вводимый *même*, занимает в такой шкале последнее место. Впрочем, исследование сочетаний коннектора *ou* с различными конкретизаторами не является целью нашей статьи.

Заключение

Итак, в статье доказан тезис о необходимости дополнить общую парадигму однородности, традиционно включающую в себя грамматическую и логическую однородность, ее аргументативной разновидностью на том основании, что все они предполагают в качестве дифференциального признака соподчинение двух и более компонентов высказывания третьему, независимо от природы последнего. Причем в аргументативном плане французский коннектор *mais* обычно вводит более весомый контраргумент, придающий аргументативную ориентацию всему высказыванию, хотя в отдельных случаях соединяемые им компоненты могут быть и аргументативно однородными. Коннекторы *et*, *ou*, *ni* способны соединять как аргументативно однородные компоненты, подводящие к общему выводу, так и аргументативно неоднородные, предполагающие противоположные заключения, одно из которых доминирует в высказывании. Кроме этого, коннекторы *et*, *ou* и *ni* могут связывать аргументативно индифферентные компоненты высказывания, имплицитующие взаимоисключающие выводы, каждый из которых может служить общим заключением из высказывания, но ни один из которых не доминирует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001. 432 с.
- Крейдлин Г.Е. Лексема «даже» // Семиотика и информатика. 1975. № 6. С. 102–115.

- Правдин М.Н.* Однородные члены предложения (о понятиях одинаковости синтаксических функций и одинаковости синтаксического отношения) // Тр. РУДН им. П. Лумумбы. Т. 22. 1967. № 2. С. 94–117.
- Aragon L.* Aurélien. P. : Gallimard, 1976. 720 p.
- Clavel B.* Le massacre des innocents. P. : J'ai lu, 1978. 160 p.
- Ducrot O.* Opérateurs argumentatifs et visée argumentative // Cahiers de linguistique française. 1983. № 5. P. 7–36.
- Giroud F.* Lou. Histoire d'une femme libre. P. : Fayard, 2002. 180 p.
- Grevisse M.* Le Bon Usage. P. – Gembloux : Duculot, 1988. 1770 p.
- Ibrahim A. H.* Coordonner pour argumenter // Semantikos. 1979. Vol. 2. Fasc. 2–3. P. 21–42.
- Mauriac F.* Thérèse Desqueyroux // Thérèse Desqueyroux. Le nœud de vipères. Le sagouin. Un adolescent d'autrefois. M. : Progrès, 1975. P. 15–93.
- Moeschler J.* Théorie pragmatique et pragmatique conversation. P. : Armand Colin, 1996. 256 p.
- Riegel M., J.-C. Pellat, R. Rioul.* Grammaire méthodique du français. P. : PUF, 1994. 648 p.
- Sagan F.* Un certain sourire. P. : Julliard, 1978. 178 p.
- Sarraute C.* Allô, Lolotte, c'est Coco. P. : Flammarion, 1987. 160 p.
- San-Antonio.* L'histoire de France vue par San-Antonio. P. : Fleuve noir, 1964. 384 p.
- San-Antonio.* Mange, et tais-toi. P. : Fleuve noir, 1974. 252 p.

УДК 81

А. В. Куковская

ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области управления информацией факультета Международной информационной безопасности;
e-mail: loiso13@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРОВОСПРИЯТИЯ В СФЕРЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА КОММУНИКАЦИИ БЛОГЕРОВ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с интернет-дискурсом блогеров и концептами, возникающими в их лингвокреативной и со-творческой деятельности, чьи записи являются реакцией на произведения массовой культуры. Затрагиваются также вопросы деконструкции концептов. Актуальность данной темы заключается в том интересе, который современные ученые-лингвисты проявляют к исследованию дискурса и интернет-дискурса, в частности. Новизна данной работы определяется тем, что интернет-дискурс коммуникации блогеров, их лингвокреативность, а также концептуализация их мировосприятия изучены недостаточно. Концептуализация мировосприятия анализируется на примере выражения «eric love» и стоящего за ним концепта.

Ключевые слова: интернет-дискурс; блоги; поп-культура; интерпретация; лингвокреативность; концептуализация; концептуальная картина мира; деконструкция концепта; со-творчество.

A. V. Kukovskaya

Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Information Management, Faculty of International IT Security;
e-mail: loiso13@mail.ru

WORLD PERCEPTION CONCEPTUALISATION IN THE SPHERE OF POP-CULTURE WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ENGLISH INTERNET-DISDISCOURSE OF BLOGGERS' COMMUNICATION

The article is devoted to the English internet-discourse of bloggers' communication and concepts created in its depths due to the creative activity of bloggers and their co-authorship drive which is manifested in blogs that contain reactions to a variety of pop-culture works. The article also touches upon the issue of concepts deconstruction. The relevance of this topic is justified by the interest that modern linguists have in discourse analysis and in computer-mediated internet-discourse. The novelty of the article lies in the fact that English internet-discourse of bloggers, their linguistic creativity and conceptualisation of their world perception should be the subject of more in-depth studies. The author deals with the conceptualisation of

world perception in the discourse in question and provides a case-study that focuses on the expression “epic love” and the underlying concept. The article also supplies relevant conclusions.

Key words: internet-discourse; blogs; pop-culture; interpretation of ideas; linguistic creativity; conceptualisation; conceptual worlds; concept deconstruction; co-authorship.

Введение

В статье затрагиваются вопросы, связанные с англоязычным интернет-дискурсом коммуникации блогеров, пишущих о массовой культуре. Данный дискурс представляет собой пространство не только для лингвокреативности в рамках процесса со-творчества, но и для возникающей в результате подобной творческой деятельности блогеров концептуализации слов и понятий и в конечном итоге мировосприятия.

К проблематике концептов, концептуальных метафор и картин мира обращались многие ученые: Н. Д. Арутюнова, О. К. Ирисханова, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Дж. Лакофф, А. Ченки, М. Джонсон, Ж. Фоконье, М. Тернер и др., разработавшие теоретическую базу, на которую мы будем опираться в рамках данной статьи [Арутюнова 1990; Ирисханова 2004; Кубрякова 1991, 1995, 2004; Лакофф 1985; Лакофф, Джонсон 2006; Четки 2002; Маслова 2005; Fauconnier, Turner 2002, 2007]. В качестве рабочего определения концепта, мы возьмем следующее: «он [концепт] окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом; это тот “пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово и выражаемое им понятие. Концепт – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений различных мнений» [Маслова 2005, с. 28].

Обращаясь к явлениям поп-культуры, выступающим в данном случае открытыми текстами (в семиотическом понимании), подлежащими и требующими интерпретации с творческих, в том числе лингвокреативных, позиций, полемизируя и рассуждая на тему таких произведений, высказывая и отстаивая собственное мнение, блогеры, охваченные эмоциями и стремящиеся оценивать и вербализировать собственные мысли и переживания, порождают различные новые концепты, уточняют старые и таким образом концептуализируют собственное мировосприятие.

Концептуализация мировосприятия в сфере массовой культуры в контексте англоязычного интернет-дискурса коммуникации блогеров на примере выражения «*epic love*»

Подобная концептуализация прослеживается на вербальном уровне на примере многих слов и выражений, представляющих собой повседневный лексикон англоязычной коммуникации блогеров, в частности на примерах площадки *Tumblr* (www.tumblr.com/).

Рассмотрим, например, выражение *epic love* и стоящий за ним концепт современной массовой культуры, к которому часто обращаются как блогеры, так и авторы тех произведений, которые служат отправной точкой для лингвокреативной деятельности.

Изначально, данное выражение не было концептом, однако по мере его использования блогерами, пишущими о произведениях массовой культуры, оно начало постепенно концептуализироваться – блогеру стало достаточно употребить его, чтобы все прочие коммуниканты в рамках данной сферы не просто догадались, о чем идет речь, но четко представили себе ряд типичных характеристик и признаков, в том числе аудиовизуальных, входящих в данный концепт. Прилагательное *epic* в данном выражении перестало быть синонимом слова *awesome* и уже не означало лишь «*extremely good*» [Cambridge Dictionary] или «*very good, impressive or enjoyable*» [Oxford Learner's Dictionaries]. Оно одновременно стало включать в себя собственные значения, в частности «*taking place over a long period of time and involving a lot of difficulties*». Так, например, в «Urban Dictionary», словаре современного английского слэнга и разговорных выражений, в частности, используемых в блогосфере, пользователи, среди прочего, определяют слово *epic* как «*something so truly amazing that it deserves its story to be told for years to come*» [Urban Dictionary].

Таким образом, для того чтобы блогер назвал отношения героя и героини данным выражением, ему не только должны нравиться эти романтические отношения, это должна быть его любимая, эмоционально затрагивающая его/ее пара, чьи отношения в сюжете получили должное развитие и кому пришлось преодолеть множество препятствий, чтобы быть вместе; это должны быть выстраданные отношения, окрашенные романтическим ореолом с ноткой трагизма; это отношения, про которые блогер стремится рассказать, поскольку они эмоционально и даже лично значимы для него/нее.

Благодаря концептуализации, несмотря на разницу сюжетов и участвующих в них персонажей, личностных и социальных особенностей самих блогеров и т. п., за данным выражением не просто скрываются описанные выше характеристики, но и оценочное суждение о них блогера и даже его позиция касательно данного произведения в целом и в отношении других блогеров и их мнений по поводу тех же героев.

Поскольку суждения блогеров о персонажах во многих случаях диаметрально противоположны, и блогеры достаточно часто вступают по этой причине в ожесточенную полемику, то подобное выражение в отношении той или иной пары помогало им «опознавать своих», и одновременно служило как пиком положительного эмоционального отзыва о паре, так и последним «неопровержимым» аргументом в споре с оппонентами о том, какая пара лучше или какая пара останется вместе в финале произведения. Например:

The bottom line is that they are the epic love story of the show
this is my frustration on them being the epic love
The EPIC love story was about to begin.
Keep calm 'cause this is Epic Love¹.

Небезынтересно, что данный концепт, возможно, именно потому что он вызывал негодование и бессильную ярость у оппонентов использовавших его блогеров, был этими оппонентами (обычно сторонниками конкурирующей по сюжету пары) деконструирован и на его месте был создан новый – «epic luv» (хотя часто он пишется согласно традиционной орфографии – *epic love*). Данный новый концепт стремится уничтожить концепт оригинальный, обесценить и высмеять его, и делается это одновременно по двум направлениям. Во-первых, атака идет на сам оригинальный концепт: блогеры намекают, что за красивыми словами нет сюжетно обоснованной красивой истории и фактически блогеры, неосознанно, пытаются доказать, что изначальное выражение *epic love* – это не концепт, но лишь красивая обертка для пустоты. Например,

If the other characters on a show have to constantly remind people that a couple's relationship is "epic", then there's a 99.99999% chance...that it isn't.
Why is he her "epic love" again?

---

¹Зд. и далее в примерах сохранена орфография и пунктуация источника.
URL: www.tumblr.com/

Во-вторых, блогеры пытаются дискредитировать своих противников, даже само написание слова *luv*, иногда в форме *wuv*, указывает на то, что изначально использовали его незрелые, несформировавшиеся умы, не просто не умеющие правильно писать (и следовательно малообразованные), но в добавок еще и излишне эмоциональные, инфантильные, «сюсюкающие», что позволяло блогерам сделать вывод, что такие люди не могут строить логических выводов и / или их логика ошибочна. Следовательно, если такие люди изначально называют некую пару «epic love», то это ложно, пустые слова и экзальтированное мировосприятие, что, в свою очередь, давало «право» сторонником концепта «epic luv» объявить иную пару самой лучшей, но уже под иным названием, например «true love» или «real love», где определения «true» и / или «real» начинали противопоставляться прилагательному «epic». Например,

But supposedly the love he had for her was epic. OKAY

So much for epic love, hon!

cheeSE is an “epic” FAIL!!

delena is true love and if u happen to be one of those pathetic stelena shippers...well all i could say is keep hoping because stelena is not gonna happen!! oh and btw i dont see stelena on the list of “best tv couples that define true love” because guess what? it isnt true love!

it is true love that prevails, not epic love.

the idea of them being real love has been one of my absolute favorite recurring themes throughout the series, and this episode was just so perfect in terms of that.

I care for the love story,because that’s my idea of what real love is like, they can’t take that away from us.

Сила, присущая оригинальному концепту «epic love», как решающему аргументу в споре также подверглась деконструкции: блогеры высмеяли¹, обесценили неспособность своих оппонентов вести аргументированные, зрелые споры, основанные на логике, а не на эмоциях, интерпретировать произведение, признавать изменения в его сюжете и характерах персонажей; неспособность к полемике была продемонстрирована через выдуманные споры, когда на все контраргументы

---

¹ Stelena (SE), delena (DE) – название пар, составленные из имен их участников.

одной стороны вторая отвечала одной неизменной и, в данном контексте, беспомощной фразой: «But it's epic love». Так, в англоязычном дискурсе коммуникации блогеров в сфере массовой культуры выражение *epic love* было сначала концептуализировано, а затем деконструировано (для части блогеров) как концепт, место которого занял новый.

Выводы

Исследуемый интернет-дискурс представляет интерес не только для изучения лингвокреативности и со-творчества, но и для возникающей в результате подобной творческой деятельности блогеров концептуализации слов и понятий, приводящей, в конечном итоге, к концептуализации мировосприятия.

Подобная концептуализация прослеживается на вербальном уровне на примере многих слов и выражений, представляющих собой повседневный лексикон англоязычной коммуникации блогеров, в частности, на примере выражения *epic love*. Стоящий за выражением концепт был сначала создан блогерами, а затем деконструирован для части коммуникантов.

Подобные явления в рамках англоязычного интернет-дискурса коммуникации блогеров довольно распространены, и описанный в настоящей статье пример – лишь одна иллюстрация того многообразия, которое возникает в результате лингвокреативной деятельности и со-творчества блогеров, активно пишущих о явлениях массовой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д. Тождество и подобие (Заметки о взаимодействии концептов) // Логический анализ языка: Тождество и подобие, сравнение и идентификация / Ин-т языкознания ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Наука, 1990. С. 7–32.
- Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М. : ВТИИ, 2004. 352 с.
- Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 85–91.
- Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М. : Российский гуманитарный университет, 1995. С. 144–238.

- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 276–302.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. М. : Флинта : Наука, 2006. С. 267–293.
- Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. Мн. : ТетраСистемс, 2005. 256 с.
- Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / под. ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. 2-е изд., испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2002. С. 340–369.
- Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org/dictionary/english/epic
- Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // The Cognitive Linguistics Reader / Ed. by V. Evans, B. K. Bergen and J. Zinken. L. : Equinox Publishing Ltd., 2007. С. 360–419.
- Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002. 443 p.
- Oxford Learner's Dictionaries. URL: www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/epic_2
- Urban Dictionary. URL: www.urbandictionary.com/define.php?term=epic&page=2

УДК 811.13

О. Е. Лаптева

соискатель кафедры португальского языка МГЛУ;
e-mail: laptevaolga2009@rambler.ru

ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СТАРОСТЬ» КАК ФРАГМЕНТА КОНЦЕПТА «ВОЗРАСТ» В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности лексико-тематической группы «старость» (“velhice”) как фрагмента концепта «возраст» (“idade”), а также средства ее вербализации в португальском языке. Целью статьи является описание лексико-тематической группы «старость», нахождение входящих в данную группу единиц (определение их оценочной и других коннотаций, ассоциативных связей, а также некоторых аспектов их функционирования), определение средств ее вербализации, а также выделение в ней ядерной и периферийной зон.

В работе содержится информация о структуре лексико-семантического поля концепта «возраст» в португальском языке, а также о входящих в него лексико-семантических группах. Проводится подробный анализ лексико-тематической группы «старость» в португальском языке. Со ссылкой на португальские лексико-графические источники в статье дается определение понятия «старость» в португальском языке. Автором предлагается выделять в составе лексико-тематической группы «старость» четыре лексико-семантические группы: в первую группу выделяются имена существительные и номинативные словосочетания, обозначающие старость, во вторую – существительные и номинативные словосочетания, обозначающие пожилых людей, в третью – прилагательные и адъективные словосочетания, обозначающие признак принадлежности к возрастной группе «старость», в четвертую – глаголы и глагольные конструкции, обозначающие процесс старения, переход человека из одной возрастной группы в другую, т. е. его возрастную прогрессию.

Автор приходит к выводу, что лексико-тематическая группа «старость» (velhice), входящая в концепт «возраст» (idade) в португальском языке, является межчастеречным образованием и включает в себя несколько лексико-семантических групп, объединенных вокруг гиперсемы «старость». Данные ЛСГ включают в себя ядерные (наиболее частотные и стилистически нейтральные) и объединенные вокруг них периферийные (обладающие стилистической окраской, дополнительной коннотацией либо имеющие дополнительный смысловой компонент) единицы. Анализ данной лексико-тематической группы как фрагмента концепта «возраст» позволяет выявить оценочное, ассоциативно-образное, национально-культурное содержание данного концепта в португальском языке.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концепт; возраст; старость; португальский язык.

O. E. Lapteva

Post-Graduate Student, Portuguese Language Department, Faculty of Translation and Interpretation, MSLU; e-mail: laptevaolga2009@rambler.ru

**LEXICO-THEMATIC GROUP “OLD AGE”
AS A FRAGMENT OF THE CONCEPTUAL SPHERE “AGE”
IN THE PORTUGUESE LANGUAGE**

The paper describes some peculiarities of the lexico-thematic group “old age” (“Velhice”) as a fragment of the concept “age” (“Idade”) in the Portuguese language. The paper provides an analysis of the lexico-thematic group “old age”, identifies its elements (including their evaluative connotation, associative links and some aspects of their functioning), means of its verbalization, as well as its core and peripheral zones.

The paper contains information about both the structure of the lexico-semantic field of the concept “age” in the Portuguese language and the lexico-thematic groups it comprises. The author provides a detailed analysis of the lexico-thematic group “old age” in the Portuguese language. With reference to the Portuguese lexicographical and official sources, the paper gives a definition of the notion “old age” in the Portuguese language. According to the author, the lexico-thematic group “old age” contains four major lexico-semantic groups: 1) nouns and nominal word combinations designating old age, 2) nouns and nominal word combinations designating elderly people, 3) adjectives and adjectival word combinations designating characteristics typical of elderly people, 4) verbs and verbal constructions designating the process of ageing, transition from one age group to another.

The author comes to the conclusion that the lexico-thematic group “old age” (Idade) as a part of the concept “age” (Idade) is a unit which consists of elements representing various parts of speech united around the hyperseme “old age”. The analysis of the given lexico-thematic group allows to identify evaluative, associative, figurative, national and cultural contents of the concept “age” in the Portuguese language.

Key words: cognitive linguistics; concept; age; old age; Portuguese.

Введение

Рассмотрение лексико-тематической группы «старость» как фрагмента концепта «возраст» в португальском языке проводится в русле семантико-когнитивного направления, исследующего лексическую и грамматическую семантику языка «как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере» [Стернин 2007, с. 12]. Концепт «возраст» в португальском языке представляется коммуникативно значимым и рекуррентным: частотность его языковых репрезентаций в речи достаточно

велика, к тому же параметр «возраст» считается одним из главных факторов, влияющих на «формирование отношения к человеку, мнений о его способностях, желаниях, действиях» [Литвиненко 2006, с. 13]. Материал исследования составляют лексикографические источники на португальском языке, произведения художественной литературы португалоязычных писателей, научно-публицистические тексты португалоязычных авторов, а также материалы португальских СМИ.

Понятие «возраст» имеет, с одной стороны, общечеловеческую значимость, с другой – национально-культурную специфику, будучи разными способами репрезентированным в разных языках, в культурах разных народов. Анализ концепта «возраст» в португальском языке позволяет, таким образом, получить информацию об «универсальных и идиоэтнических чертах мировидения» португальцев [Маслова 2017, с. 35].

Основная часть

Исходя из определения концепта как «минимальной единицы человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующейся с помощью слова и имеющей полевою структуру» [Маслова 2017, с. 47], представляется логичным начать рассмотрение концепта «возраст» в португальском языке с описания лексико-семантического поля его вербализации.

Лексико-семантическое поле концепта «возраст» в португальском языке объединяет принадлежащие к разным частям речи слова на основе интегральной семы высокого уровня абстракции [Стернин 1985] – архисемы «idade» («возраст»). В данном лексико-семантическом поле предлагается выделять несколько лексико-тематических групп со следующими гиперсемами: «*infância*» («детство»), «*juventude*» («молодость»), «*idade adulta*» («зрелый возраст»), «*velhice*» («старость»). В свою очередь, данные лексико-тематические группы подразделяются на лексико-тематические подгруппы, единицы которых группируются вокруг гипосем, указывающих на дифференциальные признаки данных единиц.

Анализ лексико-тематической группы «старость» в португальском языке представляется целесообразным начать с поиска определений понятия «старость» в португальских лексикографических источниках. В португалоязычных толковых словарях приводятся следующие определения старости (*velhice*):

– *estado ou condição de velho* – состояние, в котором пребывает старый человек [Dicionário Lello da Língua Portuguesa 2012; Dicionário Priberam da Língua Portuguesa];

– *estado do que é velho; antiguidade; vetustez; idade avançada* – состояние, в котором пребывает старый человек – *дряхлость; преклонный возраст* [Infopédia – Dicionário da Língua Portuguesa];

– *período da vida humana que sucede à idade madura (em geral, considerada acima dos 65 anos) e em que já se verifica alguma deterioração progressiva física e psíquica* – следующий за зрелостью период жизни (от 65 лет), характеризующийся постепенным ухудшением физических и умственных качеств человека [Infopédia – Dicionário de Termos Médicos].

К вышеизложенному можно добавить, что официально пожилым в Португалии считается человек старше 65 лет («O envelhecimento populacional, que se mantém ao longo de todo o período de projeção, resulta da combinação do decréscimo da população jovem a par do aumento da população idosa (pessoas com 65 ou mais anos de idade)»¹ [Projeções de população residente 2014, с. 6]).

Таким образом, на основании данных из толковых словарей португальского языка и информации из португальских официальных источников было решено остановиться на следующем определении понятия «старость» – *период жизни человека от 65 лет, характеризующийся постепенным ухудшением его физических и умственных качеств.*

В лексико-тематической группе «*velhice*» («старость») предлагается выделять несколько лексико-семантических групп (ЛСГ). Первая ЛСГ включает существительные и субстантивные словосочетания, обозначающие «старость». В данной ЛСГ к ядерным единицам можно отнести лексемы *velhice* и *idade avançada* как наиболее нейтральные, общие по значению, минимально зависящие от контекста и имеющие широкую сочетаемость и наибольшую частотность употребления. К ближней периферии ЛСГ относятся лексические единицы, обладающие интегральной семей «возраст», также «стилистически нейтральные, минимально зависящие от контекста, но обладающие меньшей по сравнению с ядром частотностью» и имеющие дополнительный компонент значения [Стернин 2007, с. 127]. Здесь можно упомянуть существительные *decrepidez, decrepitude, senilidade, vetustez, caducidade, decadência*, а также некоторые фразеологические

---

¹Курсив наш. – О. Л.

словосочетания: *idade de ouro, melhor idade; terceira idade, quarta idade; provecta idade, idade do planeta, idade senil; outono da vida, fase final da vida, destino do indivíduo* и др. Примечательно, что подавляющее большинство существительных данной ЛСГ имеют, помимо семы «старость», также сему «физический упадок». Что же касается фразеологических сочетаний, то их можно разделить на несколько подгрупп:

а) *idade de ouro, melhor idade* – словосочетания с позитивной коннотацией, преклонный возраст рассматривается как период долгожданного отдыха, время, когда человек, наконец, имеет возможность уделить время самому себе;

б) *terceira idade, quarta idade* – данные словосочетания сами по себе нейтральны, однако обозначают разные периоды самой старости: *terceira idade* относится к людям от 65 до 80 лет, а *quarta idade* – к людям старше 80 лет. Кроме того, по мнению португальских психологов, термин *terceira idade* подразумевает «хорошую физическую и умственную форму, наличие достаточных когнитивно-эмоциональных резервов, благосостояние», в то время как *quarta idade* подразумевает потерю пожилыми людьми старше 80 лет «когнитивного потенциала, способности к приобретению новых навыков, возрастанию стресса, слабость и высокую смертность среди людей данной группы»¹ [Leal de Castro 2012, с. 20];

в) *provecta idade, idade senil; idade do planeta* – словосочетания имеют сему «пожилой, очень старый»;

г) *outono da vida, fase final da vida, destino do indivíduo* – данные словосочетания обозначают старость как заключительную часть жизни, старость рассматривается как финальная часть пути, конечная точка маршрута, «осень жизни».

Ко второй ЛСГ можно отнести существительные и субстантивные словосочетания, обозначающие «лицо преклонного возраста». К центральным единицам этой группы относятся нейтральные *idoso, velho, pessoa de idade avançada*. На периферии группы находятся стилистически окрашенные, а также имеющие дополнительные значения существительные и словосочетания, например:

а) *velho, idoso* – несмотря на отсутствие принципиальных различий в лексикографическом значении, в речи современных носителей португальского языка существительные (а также прилагательные)

¹Зд. и далее перевод наш. – О. Л.

velho и *idoso* часто противопоставляются друг другу, имея разные (на данном этапе существования языка) психолингвистические значения. Так, некоторые социологи не советуют употреблять прилагательное *velho* при описании человека, считая его грубым и даже оскорбительным. По их мнению, предпочтительнее при этом употреблять прилагательное *idoso* или многочисленные эвфемизмы. Кроме того, в португальском языке появились словосочетания *jovem idoso* и *velho idoso*, близкие по значению с *pessoa de terceira idade* и *pessoa de quarta idade*, соответственно;

б) *ancião* – существительное, имеющее значение «уважаемый пожилой человек, старец»;

в) *envelhescente* – *стареющий человек* – неологизм в португальском языке, данное существительное образовано от глагола *envelhecer* по образцу прилагательного *senescente*, которое определяется словарями как «*que vai envelhecendo ou apresenta senescência*» («стареющий, демонстрирующий признаки старения»);

г) *fóssil, dinossauro* – *ископаемое* и *динозавр*, соответственно. В переносном значении используются для номинации пожилых людей либо для обозначения людей с устаревшими, несовременными взглядами;

д) *velho xéxé, velho gagá, velha coroca* – устойчивые словосочетания, существительные в которых обладают выраженной пренебрежительной коннотацией (*старый идиот, старый дурак, старая развалина*);

е) *velhote, velhinho* – существительные, образованные от прилагательного *velho* путем добавления уменьшительно-ласкательных суффиксов *-ote* и *-inho*. У существительного *velhote*, помимо первого значения «пожилой человек», есть словарное значение «жизнерадостный, улыбчивый старичок». Используются для смягчения значения существительного *velho*;

ж) *octogenário, nonagenário, oitenta* – существительные, образованные от числительных *oitenta* и *noventa*, означающие лиц, достигших 80 и 90 лет;

з) *idoso na senectude, idoso na senescência, idoso na senilidade* – градация, предложенная профессором факультета психологии и образовательных наук Университета Порту (Португалия) Жозе Энрикешем Баррушем ди Оливейрой. По его мнению, человек проходит три этапа старения: раннее старение, увядание, дряхлость. На этапе раннего старения человек остается активным, на этапе увядания начинает

нуждаться в посторонней помощи, на этапе дряхлости находится в полной зависимости от других [Barros de Oliveira 2008];

и) *pessoa de terceira idade, pessoa de quarta idade, pessoa de mais idade, pessoa de muita idade* (см. *terceira / quarta idade*) – эвфемизмы, используемые для номинации пожилых людей, образованные по модели *существительное + предлог de + порядковое числительное / наречие idade*;

к) *aposentado, reformado; pensionista* – данные имена прилагательные имеют, помимо семы «пожилой», еще и сему «человек пенсионного возраста, вышедший на пенсию», тем самым указывая на социальный статус пожилого человека; лексема *pensionista*, помимо первого значения «лицо, получающее пенсию», имеет значения «ребенок, на которого выплачиваются алименты» – *pensão de alimentos* и «студент, получающий денежное пособие от государства». Слово *recém-aposentado* относится к людям, недавно вышедшим на пенсию, находящимся в ранней стадии старения;

л) *super-idoso, matusalém* – существительное *super-idoso*, образованное путем присоединения к прилагательному приставки *super-*, используется в португальском языке для обозначения «пожилых людей, сохраняющих высокий уровень интеллектуальных способностей». Существительное *matusalém om* имени, ставшего нарицательным, библейского персонажа Мафусаила, известного своим долголетием.

Таким образом, среди единиц, входящих в данную ЛСГ, присутствуют образованные от прилагательных существительные (*o velho, o aposentado*); словосочетания, образованные по модели *существительное + предлог de + прилагательное idade*; а также существительные, образованные от числительных посредством присоединения к ним суффикса *-ário*.

К третьей ЛСГ относятся прилагательные и адъективные словосочетания, выражающие «признак принадлежности к преклонному возрасту». Центральными единицами в данной группе являются прилагательные и адъективные словосочетания *velho, idoso, envelhecido, avançado em anos, avançado em idade*. Периферийными единицами второй ЛСГ являются следующие прилагательные, которые предлагается разделять на группы:

а) *senil, cadivo, esclerosado* – прилагательные, имеющие в своем значении сему «снижение интеллектуальных способностей»;

б) *caduco, decrépito, senescente* – прилагательные, имеющие в своем значении сему «наступление физической слабости»;

в) *aposentado* – прилагательное, указывающее на социальный статус пожилого человека (пенсионер);

г) *desdentado, bafiento* – прилагательные, указывающие на физические характеристики, свойственные пожилым людям;

д) *antigo, avelhentado, antiquado* – прилагательные, имеющие в значении сему «несовременный, устаревший»;

е) *octogenário, nonagenário* – прилагательные, образованные от числительных *oitenta* и *noventa*, используемые для обозначения лиц, достигших 80 и 90 лет;

ж) *longevo, macróbio, vivido, provecto, matusalénico* – прилагательные, имеющие сему «проживший много лет»;

з) *velhote, velhinho* – прилагательные, образованные от прилагательного *velho* путем добавления уменьшительно-ласкательных суффиксов

и) *-ote* и *-inho*. Имеют положительную коннотацию;

к) *passado, experimentado* – данные прилагательные имеют сему «опытный, зрелый»;

л) *sénior* – прилагательное с семой «старший, более старый».

В четвертую ЛСГ нами предлагается выделить глаголы и глагольные конструкции, обозначающие старение, переход из одной возрастной группы в другую, поэтапную смену возрастных состояний языковой личности, т. е. ее возрастную прогрессию. Ядром этой группы является нейтральный глагол *envelhecer*, а также отглагольные словосочетания *tornar-se velho, ficar velho*. В периферию данной ЛСГ входят глаголы, имеющие дополнительное значение (чаще – ухудшение физического состояния, видимые изменения во внешности) и стилистическую окраску: *definhar, mirrar, murchar, caducar, acabar* – глаголы с семой «терять силы»; *embranquecer, encanecer* – глаголы с семой «сесть»; *enrugar* – глагол с семой «покрываться морщинами».

В данную группу входит устойчивое отглагольное словосочетание *chegar aos 60 (70, 80, 90) anos*, а также глагольные грамматические конструкции типа *estar ficando velho* и *ir envelhecendo*. Например:

Por outro ângulo, quando os primeiros fios de cabelo branco começarem a emergir em nossas cabeças, certamente, iremos ouvir: «Você está ficando velho!» [Pinheiro Junior 2005]. – С другой стороны, как только у нас на голове появится первый седой волос, мы сразу услышим: «Стареешь!».

E essa empregada... vai envelhecendo [Guedes de Carvalho 2017]. – И эта официантка постепенно стареет.

Глагольная конструкция, объединяющая глагол *ir* в личной форме с герундием смыслообразующего глагола, указывает на «развитие действия», на постепенное старение, увядание человека [Brocardo 2012]. Вторая конструкция, состоящая из личной формы глагола *estar* и герундия смыслового глагола, имеет такое же значение. Стоит отметить, что сами по себе данные конструкции не могут самостоятельно эксплицировать значение процесса старения, его актуализация происходит только при сочетании данных глагольных лексем (*estar, ir*) с лексемами, имеющими в структуре своего значения сему «старый» (глагол *envelhecer*, прилагательное *velho*).

Указание на возраст также осуществляется при помощи числительных. Для точного указания возраста человека используются количественные числительные:

Ele tinha oitenta anos. – Ему было восемьдесят лет.

Для приблизительного указания возраста при помощи числительных применяются различные языковые средства:

– постановка перед количественным числительным неопределенного артикля во множественном числе – *uns*:

Ele tinha uns oitenta anos. – Ему было примерно восемьдесят лет.

- использование оборота *na casa dos*:

Ele estava na casa dos oitenta [anos]. – Ему было около восьмидесяти лет.

• употребление после количественного числительного местоимения *tal* с союзом *e*:

Ele tinha oitenta e tal anos. – Ему было за восемьдесят.

• для более уважительного указания на пожилой возраст в португальском языке возможно добавление к количественному числительному уменьшительно-ласкательного суффикса *-inha*:

O senhor já tem uns sessentinha, não? – Вам ведь, наверное, уже под шестьдесят?

При анализе грамматических конструкций португальского языка и примеров из художественных произведений португалоязычных

авторов явно просматривается склонность португальцев рассматривать жизнь как дорогу, а старение – как приближение к ее логическому завершению, концу пути. Об этом свидетельствует вышеупомянутая часто употребляемая конструкция *chegar aos 60 (70, 80, 90) anos* (глагол *chegar* означает «прийти куда-либо», так что буквальный перевод данного выражения звучал бы как *прийти к своим 60 годам*), а также примеры из художественных произведений:

Eu soube também, mais tarde, primeiro com a carreira em velocidade de cruzeiro, depois mais velho, quando a estrada começa a aparecer-nos em declive, soube também modernizar-se constantemente... [Guedes de Carvalho 2017]. – И после этого ему всегда удавалось идти в ногу со временем: и когда он на крейсерской скорости поднимался по карьерной лестнице, и даже когда постарел и достиг того возраста, когда кажется, что дорога начинает постепенно вести вниз.

Рассматриваемая нами лексико-тематическая группа также включает в себя описания старости на уровне высказывания и на уровне текста. Данный уровень значительно раздвигает границы концепта, расширяя и дополняя его. При анализе художественных произведений португалоязычных авторов нами были выявлены дискурсивные описания старости. Указания на преклонный возраст персонажей даются как эксплицитно, так и имплицитно. Приведем несколько примеров:

O meu padrinho novo tinha setenta e tal anos [Peixoto 2009]. – Моему младшему крестному было семьдесят с чем-то лет.

Irritamo-nos com a existência uns dos outros. Fazemos sinais de luzes àquele homem com setenta anos, num carro dos anos setenta, que anda a setenta quilómetros por hora na auto-estrada. Da mesma maneira, daqui a algum tempo, não muito, seremos esse homem com setenta, dos setenta, a setenta [Peixoto 2011]. – Другие люди раздражают нас своим существованием. Мы мигаем фарами тому семидесятилетнему мужчине, который тащится впереди нас со скоростью семьдесят километров в час на машине из семидесятых годов. Но ведь через какое-то время нам самим будет семьдесят, и уже мы будем тащиться со скоростью семьдесят на машине «из семидесятых».

Na pele queimada, entre as rugas que lhe abrem caminhos no rosto e que o transformam em qualquer coisa arável como terra, está a idade séria dos seus olhos a olhar para ela [Peixoto 2012]. – Его глаза, выделявшиеся на изрытом глубокими морщинами иссушенном лице, напоминавшем вспаханную землю, смотрели на нее с присущей его возрасту серьезностью.

É da idade, que já poderia estar reformada, aproveitando vantagens que alguns governos puseram à disposição do funcionário público, acenando-lhes para se irem embora mais cedo, ou será que foi empurrada [Guedes de Carvalho 2017]. – Произошло ли это из-за ее возраста, ведь ей уже пора было выходить на пенсию и пользоваться преимуществами, предусмотренными правительством для того, чтобы госслужащие пораньше становились пенсионерами, или ее просто-напросто выгнали.

Como todas as mulheres da sua idade, tinha sempre um lenço pela cabeça [Peixoto 2009]. – Как и все женщины ее возраста, она всегда носила на голове платок.

Era a sua voz envelhecida [Peixoto 2009]. – Это был ее постаревший голос.

Таким образом, в первом и втором примерах указание на возраст происходит эксплицитно, при помощи количественных числительных, а в остальных примерах – имплицитно, косвенно, через указание на какой-либо признак, присущий возрастной категории, к которой принадлежит персонаж (физические признаки: морщины, изменение тембра голоса; социальные: ношение пожилыми женщинами платка на голове, возраст выхода на пенсию).

Заключение

Лексико-тематическая группа «старость» («velhice»), входящая в концепт «возраст» («idade») в португальском языке, является межчастеречным образованием и включает в себя несколько лексико-семантических групп, объединенных вокруг гиперсемы «старость». Данные ЛСГ включают в себя ядерные (наиболее частотные и стилистически нейтральные) и объединенные вокруг них периферийные (обладающие стилистической окраской, имеющие дополнительный смысловой компонент) единицы. Анализ данной лексико-тематической группы как составляющей концепта «возраст» позволяет выявить оценочное, ассоциативно-образное, национально-культурное содержание данного концепта в португальском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Литвиненко Ю. Ю.* Концепт «возраст» в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 256 с.
- Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику. М. : Флинта : Наука, 2017. 296 с.
- Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 226 с.
- Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 137 с.
- Barros de Oliveira, José Henriques.* Psicologia do Envelhecimento e do Idoso. Porto : Legis Editora, 2008. 130 p.
- Brocardo, Maria Teresa.* Ir + gerúndio em português – aspetos sincrónicos e diacrónicos // Textos Seleccionados do XXVII Encontro Nacional da Associação Portuguesa de Linguística. Lisboa : Associação Portuguesa de Linguística, 2012. P. 121–135.
- Dicionário Lello da Língua Portuguesa. Lello Editores, 2012. 633 p.
- Dicionário Priberam da Língua Portuguesa. URL: www.priberam.pt/dlpo/
- Infopédia – Dicionário de Termos Médicos. URL: www.infopedia.pt/dicionarios/termos-medicos
- Infopédia – Dicionário da Língua Portuguesa. URL: www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/
- Guedes de Carvalho, Rodrigo.* O Pianista de Hotel. Publicações Dom Quixote, 2017. 468 p.
- Leal de Castro, Liliana.* Avaliação Psicogerátrica na Quarta Idade. Porto : Universidade Católica Portuguesa, 2012. 62 p.
- Peixoto, José Luís.* Cal. Quetzal Editores, 2009. 203 p.
- Peixoto, José Luís.* Cemitério de pianos. Quetzal Editores, 2012. 283 p.
- Peixoto, José Luís.* Somos a primeira pessoa do plural // Revista Visão. 2011. 98 p.
- Pinheiro Junior, Gilberto.* Sobre alguns conceitos e características de velhice e terceira idade: uma abordagem sociológica // Linhas: Revista do Programa de Mestrado em Educacao e Cultura. Vol. 6. 2005. P. 223–240.
- Projeções de população residente 2012–2060 // Destaque. Instituto Nacional de Estatística de Portugal, 2014. 18 p.

УДК 81'362

А. О. Манухина

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии МГЛУ;
e-mail: amanuhina@mail.ru

ИЕРУСАЛИМ КАК СИМВОЛ НЕБЕСНОГО ГРАДА В РЫЦАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ (XII–XIII вв.)

В статье рассматриваются языковые средства реализации образа Иерусалима как символа «Небесного Града» на материале латинских и старофранцузских сочинений XII–XIII веков. Корпус исследования составили произведения различных жанров, созданные участниками и очевидцами Крестовых походов: авторские и анонимные хроники (прозаические и рифмованные), «Песнь» северофранцузского трувера Конона де Бетюна, письмо рыцаря Гуго де Сен-Поля и кодекс законов королевства крестоносцев. Поскольку символ как часть базового ментального инструментария всегда исторически и социально изменчив, наша работа ставила целью рассмотреть содержание символа «Иерусалим Небесный Град» в контексте рыцарской культуры Средневековья. Сопоставительный анализ латинских и старофранцузских документов позволил выявить, в зависимости от контекста, различные смысловые оттенки, составившие содержание символа «Иерусалим Небесный Град». В статье анализируется соотношение авторского оценочного восприятия действительности и общепринятых этических стереотипов того времени. В сознании средневекового человека Иерусалим воспринимался не только как реальный город, который играл выдающуюся роль, но и как главный центр христианства, оплот духовной культуры. Однако в свете событий Крестовых походов восприятие Иерусалима рыцарством и духовенством XII–XIII вв. постепенно меняется: в рассматриваемых письменных памятниках Иерусалим предстает как оскверненная мусульманами святыня, отвоевание которой у неверных дарует воинам обретение вечного Рая. В связи с этим в повествовании появляется новый образ: рыцарь-защитник, сочетающий черты воина и монаха. Идеал воина-крестоносца – жизнь, посвященная высшей цели: служение Богу как сеньору. Все изучаемые произведения несут назидательный характер и содержат как побуждение к походу, так и предостережение рыцарям в случае их отказа. Таким образом, при описании Иерусалима как Небесного Града авторы имплицитно проецировали на сферу сакральной матрицы средневековых феодальных отношений: Бог (сеньор) ↔ рыцарь (вассал) ↔ Иерусалим Небесный Град (защищаемая крестоносцами цитадель), что было типично для средневековой культуры.

Ключевые слова: нравственные стереотипы рыцарства; латинские и старофранцузские письменные памятники эпохи Крестовых походов; символика Средневековья; оценочные конструкции.

А. О. Manukhina

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Classic Philology, MSLU;
e-mail: amanuhina@mail.ru

JERUSALEM AS A SYMBOL OF THE HEAVENLY CITY IN THE CHIVALRY CULTURE OF THE EPOCH OF THE CRUSADES (XII–XIII CENTURIES)

The article is devoted to analyzing the means of realization of the image of Jerusalem on the material of Latin and Old French works of the XII–XIII centuries. The material of the research is presented with the works of different genres: author's and anonymous chronicles (prosaic and rhymed), "The Song" of the French "trouvère" poet Conon de Béthune, the letter of the knight Hugues de Saint-Pol and the code of laws of the kingdom of the crusaders. The symbol as part of the basic mental instrument is always historically and socially changeable, and our work aims to consider the content of the symbol "Jerusalem Heavenly City" in the context of the chivalry culture of the Middle Ages. Comparative analysis of Latin and Old French written documents allowed to find out, depending on the context, different nuances of meaning forming the content of the symbol "Jerusalem Heavenly City". The interaction of the author's evaluative perception of reality and common ethnic stereotypes of that time are analysed in the article. In the mind of the Middle Ages person Jerusalem was perceived not only as a real city but also as the main centre of Christianity, the stronghold of spiritual culture. However, in light of the events of Crusades the perception of Jerusalem gradually changes: in the analyzed written monuments, Jerusalem is represented as the desecrated Shrine, and its conquest grants to the warriors the acquisition of eternal Paradise. In this regard, a new character appeared in the narrative: the knight-defender, who combines traits of both the warrior and the monk. The ideal of the knight-crusader is the life devoted to the highest goal – the service to God as to the seigneur. All the analyzed works are of a didactic character and content the motivation to the Crusade as well as the caution in case of their refusal. In the description of Jerusalem Heavenly City the authors projected on the sacral sphere the matrix of the Middle Ages feudal relations typical for the Middle Ages culture: God (seigneur) ↔ knight (vassal) ↔ Jerusalem Heavenly City (citadel protected by crusaders).

Key words: moral stereotypes of chivalry; Latin and Old French written monuments of the epoch of Crusades; symbolism of the Middle Ages; evaluative constructions.

La croisierie pour eux était la quête du Paradis¹
Paulin Paris

Введение

Крестовый поход на Иерусалим, сакральный символ христианства, запечатлен в западноевропейских средневековых письменных памятниках разных жанров: в рыцарских хрониках, циклах народных сказаний, песнях и юридических документах.

---

¹Крестовый поход был для них поиском рая. Зд. и далее перевод наш. – А. М.

Статья посвящена изучению языковых средств репрезентации Иерусалима как символа Небесного Града в рыцарской культуре эпохи расцвета крестоносного движения (XII–XIII). Как отмечают исследователи, «символ в Средневековье является частью базового ментального инструментария: он имеет разнообразные формы выражения, охватывает различные смысловые уровни и проникает во все сферы интеллектуальной, общественной и культурной жизни, включая религиозные представления» [Пастуро 2017, с. 9]. Символ обозначает абстрактную сущность, или понятие, содержание символа всегда исторически и социально изменчиво и может быть «выражено не только в изображениях, ритуалах, верованиях, поступках, но также в словах и текстах» [там же].

Материал исследования составили стихотворные и прозаические сочинения XII–XIII вв.: латинские хроники «Historia rerum in partibus transmarinis gestarum» Гильома Тирского, «Historia de Hierosolymitano itinere» Петра Тудебода, «Historia Iherosolymitana» Фульхерия Шартрского, старофранцузские хроники «Chronique d’Ernoult» и «Estoire de Eracles», рифмованная хроника «Chanson d’Antioche», песнь «Ahi! Amours, con dure departie» северофранцузского трувера Конона де Бетюна, а также латинский документ, названный учеными «Письмо графа Гуго де Сен-Поля» и Кодекс законов королевства крестоносцев «Assises de Jérusalem». Выбор именно этих произведений обусловлен тем, что их авторами были либо непосредственные очевидцы и участники событий (известно, что капелланы, будущие хронисты-историки, всегда сопровождали своих знатных сеньоров в крестоносных экспедициях), либо монахи, писавшие по горячим следам¹. Создание этих текстов было продиктовано «стремлением осмыслить историческую действительность, достаточно недавнюю, ничего в этой действительности существенно не меняя и не искажая» [Михайлов 1995, с. 89].

¹ На наш взгляд, «Письмо графа Гуго де Сен-Поля» и Иерусалимские ассизы наиболее ценны в качестве материала исследования, так как они представляют собой не художественные произведения, а, по словам О.-А. Беньо, письменные документальные свидетельства «воинов, еще покрытых пылью и кровью» (des guerriers, encore couverts de poussière et de sang) [Livre de Jean d’Ibelin 1841, с. 18]. Их авторы-рыцари не ставили перед собой задачу заботиться о художественных приемах, они выражали свои мысли более непосредственно, и в этих памятниках наиболее точно отражена эпоха со свойственным ей восприятием времени и пространства.

Основная часть

В интеллектуальной жизни крестоносцев Иерусалим отражен в двух ипостасях. В первую очередь он представлен как реальный город, который играл выдающуюся роль: в основанном после Первого крестового похода в Иерусалимском королевстве (1099–1291) появились скриптории, где усилиями обосновавшейся на Святой земле знати, их тесным контактам с образованным Западом и знаниям о развитии литературного творчества нашла продолжение европейская письменная традиция как на латинском, так и на «народном» старофранцузском языках. В то же время следует принимать во внимание особое символическое значение Иерусалима в культуре Средневековья: благодаря многочисленным паломничествам он приобретает неповторимую духовную ценность для западноевропейских христиан.

Описание Иерусалима занимает важное место в повествовании, и в зависимости от контекста этот символ наполняется различными смысловыми оттенками:

1. Иерусалим – главная святыня христиан. Рассмотрим соответствующие фрагменты из «Песни об Антиохии» и «Хроники Эрнуля» как наиболее типичные и показательные:

Cest de la sainte vile qui tant fait à loer
Où Diex laissa son cors et plaier et navrer
Et ferir de la lance et en la crois poser
Jherusalem apele qui droit la veut nomer

[Chanson d'Antioche 1848, с. 7].

Она (песня) о Святом городе, который достоин столько похвал,
Где Господь оставил свое тело на поругание и растерзание,
Чтобы его пронзили копьем и распяли на Кресте
Иерусалимом его назовет тот, кто хочет верно его назвать.

Oiés et entendés comment la tiere
de Jherusalem et la Sainte Crois
fu conquise de Sarrasins sour Crestiens

[Chronique d'Ernoul 1871, с. 4]

Смотрите и слушайте, как земля
Иерусалима и Крест Господень были
завоеваны сарацинами у христиан.

Иерусалим представлен символом духовной культуры: *sainte vile qui tant fait à loer* (Святой город, который достоин столько похвал), это место, где находится Крест Господень, место страданий и смерти Иисуса Христа (*Diex laissa son cors et plaier et navrer ferir de la lance et en la crois poser. – Господь оставил свое тело на поругание и растерзание; laissa ferir de la lance et en la crois poser – его пронзили копьем и распяли на Кресте*). Для средневековых произведений была характерна закреплённость однозначных характеристик за определенным объектом или персонажем. В анализируемых примерах в изображении Иерусалима выражено не столько личное авторское миропонимание, сколько стереотипный и идеализированный образ. Святой град в западноевропейском восприятии – это «главный элемент христианского мира, такой, каким его хотела бы видеть рыцарская каста» [Ле Гофф 2012, с. 77].

2. Иерусалим – поруганная святыня. В книге Гильома Тирского и в «Истории Эракла» Иерусалим как священный символ христианства приобретает новое содержание – он показан не только как святыня, но и как святыня оскверненная:

Persuadet, ut fratribus in tanta affectione positis subvenire non different, et loca sancta, quae Dominus propria dignatus est illustrare praesentia, infidelium spurcitiis diutius profanari non permittant [Recueil 1844, с. 113].

Он убедил, чтобы они (рыцари) не отказались прийти на помощь братьям, находящимся в таком положении и не позволили далее грязью неверных осквернять святые места, удостоенные и прославленные самим присутствием Господа.

Il leur savoit bien dire que q̄iex honte et quiex desconvenues li mescreant fesoient as Crestiens qui estoient là d’outre [Recueil 1844, с. 113].

И он смог им рассказать, какой позор и какие несчастья безбожники причинили христианам, которые были за морем.

Рассказ о завоевании сарацинами Иерусалима и о страданиях христиан одновременно и конкретен, и типичен: речь идет об исторических событиях, но одновременно авторы рисуют обобщенный образ иноверца-врага; сема «осквернение» вербализована эмоционально-оценочными выражениями: *profanare loca sancta* – осквернять святые места; *infidelium spurcitia* – грязь неверных; *faire honte et desconvenues* – причинить позор и несчастья. Эмоциональность авторов в изложении событий продиктована социокультурным и общественно-

политическим контекстом: тревога, что Гроб Господень находится в руках «неверных» и апокалиптические настроения вызвали в рыцарской среде стремление освободить Святую землю от владычества мусульман и воплотились в принятие папой Урбаном II теории «праведной войны» и Первом крестовом походе [Ришар 2002, с. 84].

3. Отвоевание Иерусалима – символ обретения Рая. Строки с призывом пойти в поход на Иерусалим присутствуют и в латинских, и в старофранцузских текстах:

Baron, oiés un vers qui moult fait à loer
Nostre Sire nous rueve en Jherusalem aler
Et moustiers et eglises et faire et restorer
[Chanson d'Antioche 1848, с. 8].

Бароны, послушайте стих,
Который достоин большой похвалы:
Наш Господь нас призывает пойти на Иерусалим
И монастыри, и церкви создать и восстановить.

Si aliquis Dominum studiose puroque corde et mente desiderasset, atque post Ipsum crucem fideliter bajulare voluisset, non dubitasset Sancti Sepulchri viam celerius accipere [Recueil 1866, с. 80].

Если кто-либо прилежно и с чистым сердцем и умом почитает Бога, и после него Самого хочет верно нести крест, пусть не усомнится как можно скорее отправиться в путь к Гробу Господнему.

Dieus est assis en son saint hiretage;
Or i parra se cil le secourront
Cui il jeta de la prison ombrage,
Quant il fu mors en la crois que Turc ont.
Sachiez cil sont trop honi qui n'iront

[Bédier 1974, с. 32]

Бог осажден в своей святой крепости;
Теперь увидим, как Ему помогут те,
Кого он освободил из темного заточенья,
Когда Он умер на Кресте, которым владеют турки.
Знайτε, что будут опозорены те, кто не пойдет.

Как можно видеть из представленной выборки, все три отрывка содержат несут назидательный характер и содержат как побуждение к походу (*Nostre Sire nous rueve en Jherusalem aller – Наш Господь нас призывает пойти на Иерусалим; non dubitasset Sancti Sepulchri*

viam celerius accipere – не усомнится как можно скорее отправиться в путь к Гробу Господнему), так и предостережение в случае отказа (*Sachiez cil sont trop honi qui n'iront* – *Знайте, что будут опозорены те, кто не пойдет*). Иерусалим показан, с одной стороны, как новозаветный образ, связанный с Иисусом, с другой – как земной материальный город: автор «Песни об Антиохии» призывает к восстановлению церквей и монастырей, разрушенных сарацинами: *Et moustiers et eglises et faire et restorer* – *И монастыри, и церкви создать и восстановить*.

Освобождение Иерусалима воспринималось как священное рыцарское деяние:

Huimais pores oïr de Jherusalem parler
Et de ceus qui alèrent le Sepulcre adorer
Com il firent les os de par tout assembler

[Chanson d'Antioche 1848, с. 10].

Сегодня вы сможете услышать об Иерусалиме
И о тех, кто пошел поклониться Гробу Господнему,
Как они собрали отовсюду войска

Интересно, что автор вначале напрямую не говорит о походе против сарацин. Вместо этого использован эвфемизм *alèrent le Sepulcre adorer* – *они пошли поклониться Гробу Господнему*, который подчеркивает сакральный характер происходящего. На военный аспект крестоносной экспедиции указывается в следующей строке: *il firent les os de par tout assembler* – *они собрали отовсюду войска*. Соединение в одном контексте элементов военной и религиозной культуры отсылает нас к базовым категориям западноевропейского менталитета XII–XIII вв.: рыцарь-крестоносец «побеждает не молитвой, а бесстрашием и неудержимым движением вперед» [Ле Гофф 2012, с. 80].

Идея отвоевания Иерусалима связана с представлениями о рае и отпущением грехов:

Cil Diex qui en Béthanie suscita Lasaron
Et qui por nous livra son cors à passion,
Il otroit à tous ceus vraie confession
Qui lui aiment et croient par bone entention

[Chanson d'Antioche 1848, с. 30].

Господь, который в Вифании воскресил Лазаря
И который ради нас предал страстям свое тело,
Он даст всем истинное отпущение грехов:
Тем, кто его любит и верует с благими намерениями.

Поход на Иерусалим символизировал путь к Спасению, осуществлению божественного замысла; роль Крестового похода в жизни рыцарства можно сравнить с ролью поиска Святого Грааля в средневековой культуре – поход стал частью сознания «как наивысшая миссия» [Королева 2007, с. 120], «готовность к высшему подвигу благочестия» [Dupront 1987, с. 120].

Крестовые походы создали новый тип воина – «христианского рыцаря», ушедшего на святое дело и карающего неверных. Во второй половине XI в. папа Григорий вводит в обиход выражение *miles Christi* – воин Христа в контексте абсолютно военном, который дополнялся образом христианским: *homo viator* – человек странствующий [Ле Гофф 2012, с. 89]. Поэтому во многих произведениях, например, в «Песне об Антиохии» на фоне взятия Иерусалима прославляется идеал доблести воинов:

Puis present Jherusalem, le mur firent briser
Mais ançois lor convint moult juner et vellier
Grans pluies et orages de nois et de grelier
Ci commence chançon où il n'a qu'enseigner
[Chanson d'Antioche 1848, с. 20]

Затем они взяли Иерусалим, там пробили стену,
Но до этого им пришлось долго терпеть бессонницу и голод,
Дожди, грозы, снег и мороз,
Здесь начинается песнь, где можно многому поучиться.

Автор ставит акцент на страданиях героев, что созвучно аксиологическим понятиям эпохи: достичь Иерусалима как воплощения Небесного града можно только через преодоление, трудности и лишения – часть внутренней борьбы, обозначенной в католической культуре как *pugna spiritualis* – духовная борьба [Кардини 2007, с. 113], которую каждый христианин был обязан вести против зла и греха в своей душе. Автор сравнивает рыцарей со святыми, их героизм должен служить образцом для подражания: *il n'a qu'enseigner* – здесь можно многому поучиться.

Жизнь воина-крестоносца посвящена высшей цели – служение Богу как сеньору:

Beata enim gens cujus est Dominus Deus ejus [Historia 1866, с. 320]!
Счастлив народ, Господин которого есть Бог!

В хронике Фульхерия Шартрского под существительным *gens* (букв. 'племя, народ') подразумевается «племя крестоносцев, крестовое войско», а существительное *Dominus* актуализирует в данном контексте оба значения – «Господь, Бог» и «господин, хозяин, сюзерен», что создает дополнительный эффект: автор имплицитно оценивает взаимосвязь Бог ↔ рыцарь с позиций феодального общества того времени – как связь сюзерена и вассала.

Отвоєванный Иерусалим предстает как символ победы христиан над мусульманами:

Jerusalem fu conquise sur les ennemis de la croiz et remise el poeir des feauz Jhesu Crist par les pelerins [Livre de Jean d'Ibelin 1841, с. 21].

Иерусалим был отвоєван у врагов Креста и возвращен под власть верных Иисусу Христу.

Завоевание Иерусалима описано как восстановление божественной и исторической справедливости: Иерусалим, воплотивший представления об идеальном городе, вновь принадлежит «верным Иисусу Христу» (*feauz Jhesu Crist*). Авторская позиция подчеркивается антитезой: крестоносцы – «верные»/мусульмане – «враги Креста» (*ennemis de la croiz*).

По мнению средневековых авторов, отвоєвание Святой земли – это не только благородный подвиг, но и пример для подражания вновь прибывшим с Запада воинам:

Nam qui vivunt in mundo, audita intensione pia praedecessorum fidelium, quomodo flore mundi spreto, Deo adhaeserunt, juxta praeceptum evangelicum secuti sunt, ad diligendum eum ardentius conjuncti ipso aspirante animantur [Historia 1866, с. 319].

Ведь те, кто живет в мире, услышав о благочестивом намерении верных предшественников, каким образом они, презрев цветы мира, последовали за Господом, согласно евангельскому предписанию, вдохновляемые Им Самим, объединившись, воодушевлялись для почитания Его.

Hoc idem fratribus nostris qui in transmarinis partibus nostrum prestantur adventum, curavimus nuntiare, ut ipsi, nostrorum auditis rumoribus successuum, quorum esse participes preoptamus, sancte spe suffulti constantius nos expectent [Zwei unedierte briefe 1985, с. 180].

Мы стремились сообщить это нашим братьям, которые в заморских землях ожидают нашего прибытия, чтобы они сами, услышав молву о наших успехах, участниками которых мы желаем видеть и их, ждали бы нас еще более уверенно, подкрепленные святой надеждой.

Заключение

События взятия Иерусалима достаточно полно отображены в источниках XII–XIII вв., и в них раскрываются типичные переживания человека своего времени. Постепенно реальное событие оказывается истолкованным сквозь призму философских, мистических и религиозных представлений, «превращаясь во вдохновляющую идею, миф, неисчерпаемый источник метафор» [Кардини 2007, с. 97]. Здесь мы сталкиваемся с художественным переосмыслением истории: «частным случаем ее мифологизации, что связано с оценкой народом происходящих и произошедших исторических событий» [Стеблин-Каменский 2003, с. 46].

Таким образом, в сознании европейского рыцарства «Крестовый поход на Иерусалим стал символом времени и частью национальной легенды» [Ришар 2002, с. 84]: в образе Иерусалима воссозданы главные представления эпохи – это не просто земля, которую нужно покорить, но «объект любви, стремлений и мечтаний, место спасения праведников, образ города-храма» [Кардини 2007, с. 107]. В изученных нами произведениях, с одной стороны, повествуется о вполне достоверных и хорошо всем известных событиях, но они, с другой стороны, оказываются переосмысленными в поэтическом духе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания. СПб.: Александрия, 2007. 332 с.
- Королева Е. М. Мотив «Поиска Грааля» и проблема циклизации средневекового романа (на материале французских и немецких романов XIII века): дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 278 с.
- Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. М.: Текст, 2012. 220 с.

- Михайлов А. Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М. : Наследие, 1995. 360 с.
- Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья. СПб. : Александрия, 2017. 488 с.
- Пушар Ж. Латино-Иерусалимское королевство / пер. с фр. А. Ю. Карачинского; вступ. ст. С. В. Близнюк. СПб. : Евразия, 2002, 448 с.
- Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. 928 с.
- Bédier J., Aubry P. Les chansons de Croisade avec leur mélodies. Genève : Slatkine reprints, 1974. 320 p.
- Chanson d'Antioche, composée au commencement du XII-ème siècle par le pèlerin Richard, renouvelée sous le règne de Philippe Auguste par Graindor de Douat, publiée pour la première fois par Paulin Paris. P. : J. Techener, 1848. 276 p.
- Chronique d'Ernoul et de Bernard le Trésorier, publiée pour la première fois d'après les manuscrits de Bruxelles, de Paris et de Berne, avec un essai de classification des continuateurs de Guillaume de Tyr pour la société de l'histoire de France par M. L. de Mas Latrie. P. : Société de l'Histoire de France. 1871. 586 p.
- Dupront Alphonse. Du sacré, croisades et pèlerinages, images et langages. P. : Gallimard, 1987. 541 p.
- Historia Iherosolymitana gesta Francorum Iherusalem peregrinantium ab anno Domini MXCV usque ad annum MCXXVII auctore donmo Fulcherio Carnotensi // Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome troisième. P. : Imprimerie impériale, MDCCCLXVI. 1078 p.
- Livre de Jean d'Ibelin // Assises de Jérusalem ou le recueil des ouvrages de jurisprudence, composées pendant le XIII-ème siècle dans les royaumes de Jerusalem et de Chypre. Tome premier. Assises de la haute cour. Publiés par le comte Beugnot de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Paris. Imprimerie royale. MDCCCXLI. 655 p.
- Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome premier. P. : Imprimerie royale, MDCCCXLIV. 1256 p.
- Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome troisième. P. : Imprimerie royale, MDCCCLXVI. 1078 p.
- Zwei unedierte brieffe aus der frühzeit des Lateinischen kaiserreichs von Konstantinopel // Byzantion. Revue internationale des études byzantines. Bruxelles : boulevard de l'empereur, 1985. P. 181–209.

УДК 81-112

Л. Ю. Петрущенко

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультет французского языка МГЛУ;
e-mail: alissa1985@list.ru

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ БАНКОВСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Начальный этап формирования банковской терминологии анализируется в тесной связи с историей банковского дела во Франции. Такой подход соответствует предмету разрабатываемой автором новой дисциплины – когнитивно-диахронического терминоведения. В связи с тем, что в настоящее время нет четкого разграничения исторического терминоведения и диахронического терминоведения, автор объясняет различие данных направлений, а в рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы развития лингвистики предлагает выделить новое направление – когнитивно-диахроническое терминоведение, которое выявляет и констатирует этапы освоения человеком какой-либо области деятельности, а также способы номинации полученных новых знаний и понятий. Вводится понятие предтермина, так как для терминологии начального периода характерны такие явления, как существование неполных терминов, синонимов и полисемии терминов. Также в статье рассматриваются условия его терминологизации и вхождения в терминосистему, где важную роль играет окончательное приобретение свойственных функций обозначаемым предметом. В работе устанавливаются способы образования банковских терминов в начальный период развития банковской деятельности и подчеркивается идея, что образование терминов связано со становлением области специальной деятельности или знаний. На начальном этапе формирования банковской терминологии установлены следующие способы образования терминов: метонимический перенос, сужение или расширение основного значения слова, заимствование, калькирование и деривационное терминообразование. Рассматриваются примеры терминов, возникших в начальный период становления банковской деятельности во Франции.

Ключевые слова: когнитивно-диахроническое терминоведение; предтермин; термин; терминосистема; банк; банковская деятельность.

L. Yu. Petrushchenkova

Postgraduate Student, Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, MSLU; e-mail: alissa1985@list.ru

THE INITIAL STAGE OF FRENCH BANKING TERMINOLOGY FORMATION

The article concerns the initial stage of banking terminology formation in close relation to the history of banking in France. This approach corresponds to the object-

matter of the new discipline - cognitive-diachronic terminology developed by the author. Due to the fact that there is currently no clear distinction between historical terminology and diachronic terminology, the author explains the difference in these directions and proposes, in the framework of the modern cognitive-discursive paradigm of linguistic development, a new direction – cognitive-diachronic terminology, which finds stages of learning a particular field of activity, as well as ways to nominate new knowledge and concepts. The author introduces the concept of a pre-term, because such phenomena as the existence of incomplete terms, synonyms and polysemy of terms are characteristic of the terminology of the initial period. Detailed consideration is given to the conditions of its terminologisation and inclusion into a terminology system. The author also establishes means of banking terms formation in the early phases of banking activities development and emphasizes the idea that terms formation is connected with special activity or knowledge formation. At the initial stage of banking terminology formation the following ways of banking terms formation are found out: metonymic transfer, narrowing or extension of the main meaning of the word, borrowing, calquing and derivational term formation. The author also considers some examples of the terms that appeared in the early phases of banking activities development.

Key words: cognitive-diachronic terminology; pre-term; term; terminology system; bank; banking.

Введение

Начиная с 30-х гг. XX в. исследования в области терминоведения вызывают интерес среди отечественных и зарубежных лингвистов. Теоретические основы терминоведения были заложены представителями Венской школы (О. Вюстер, Ч. Фельбер) и Московской школы (Д. С. Лотте, Т. Л. Канделаки, Г. О. Винокур и др.) В этот период были предложены принципы отбора терминов, выявлены терминологические системы, подняты вопросы об упорядочении терминосистем, об отношениях специальной лексики и общеупотребительной, активно разрабатывалась проблема взаимодействия термина и контекста, которая тесно связана с вопросом синонимии и полисемии термина. В 1970–1990-е гг. терминоведение становится самостоятельным разделом лексикологии. В настоящее время исследования ведутся в различных аспектах: диахроническом, когнитивном, прагматическом, лингвокультурологическом и коммуникативном.

Предмет когнитивно-диахронного терминоведения

В настоящее время в литературе, посвященной вопросам эволюции терминологии, некоторые лингвисты называют это направление

исследований историческим терминоведением, другие используют название диахроническое терминоведение, нередко эти направления отождествляют. На наш взгляд, данные направления следует разграничивать. Историческое терминоведение изучает эволюцию терминов безотносительно к стадиям их формирования и становления. Диахроническое же терминоведение делает акцент на стадиях, этапах формирования терминов, их потенциальных свойств. Такой подход соответствует обозначению Ф. де Соссюром диахронии как фазы эволюции, термин «история» он считал расплывчатым [Соссюр 1977]. Диахрония – это особый аспект исследования, который заключается в анализе этапов развития терминов, поэтому правильно будет использовать такие словосочетания, как диахронический аспект, диахроническое исследование, диахронический метод. Основной задачей диахронического исследования терминов является анализ развития той или иной терминологии от момента зарождения до настоящего момента, что позволяет выявить определенные закономерности терминологии какой-либо сферы, которые находят свое отражение в современном ее состоянии.

Диахроническое терминоведение позволяет установить основные источники появления терминов, способы их образования, варианты их интерпретации в тот или иной период развития соответствующей области знания. Диахронические исследования терминологий, являющихся наиболее динамической и мобильной частью лексики, способствуют установлению терминологической креативности конкретного языка. С. Гринев-Гриневиц подчеркивает идею о том, что с помощью диахронических исследований возможно установить особенности зарождения и развития терминов, а новые формирующиеся терминологии во многом будут повторять пути их возникновения и развития [Гринева-Гриневиц 2008]. В диахроническом терминоведении используется такое понятие, как «предтермин», который еще не обладает всеми свойствами термина в качестве члена терминосистемы. Предтермин – лексема, предшествующая образованию термина как члена терминосистемы и не имеющая такие релевантные признаки термина, как моносемия, деривационная продуктивность, наличие синтагматических и парадигматических связей в рамках своей терминосистемы.

В настоящее время в связи с когнитивно-дискурсивной парадигмой развития лингвистики наблюдается переориентация разных направлений лингвистических исследований в сторону когнитивной проблематики. Основным предметом когнитивно-исторического

терминоведения является «соотношение языковых (терминологических) и когнитивных структур (структур знания) в их эволюции» [Голованова 2008, с. 51]. В нашем случае дисциплиной, изучающей формирование терминологии на определенной стадии развития соответствующей области деятельности или знания, должно стать когнитивно-диахроническое терминоведение. Следует согласиться с О. В. Фельде в том, что изучение эволюции терминологий различных сфер деятельности человека позволяет «установить связь между словами и реалиями культуры прошлых эпох, проследить за ходом научной мысли и технического прогресса» [Фельде 2001, с. 4]. Когнитивно-диахроническое терминоведение устанавливает пути освоения человеком той или иной области деятельности или знаний и способы номинации новых знаний и понятий, опираясь на такие методы, как диахронический анализ терминов определенной тематической группы, метод концептуального анализа терминов, ономазиологический анализ и метод социолингвистической корреляции.

Таким образом, предметом когнитивно-диахронического терминоведения является установление обусловленности появления терминов и формирования терминосистем под воздействием новых видов деятельности и связанных с этим образование ментальных пространств. Предметом рассмотрения когнитивного терминоведения является также исследование таких способов терминообразования, как когнитивная метафоризация, являющаяся результатом абстрактной деятельности мышления. В случае такого приема происходит номинация абстрактных явлений, действий, процессов, сущностей на основе известного, конкретного. Примером может служить заголовок из газеты «Le Figaro» «L'économie a besoin d'une cure de libéralisation massive». В качестве когнитивной метафоры используется слово *cure*.

Для рассмотрения начального этапа становления банковской терминологии во французском языке необходимо обратиться к истории банковского дела во Франции. Взаимосвязь языка и истории неоспорима, так как накопленный человеком опыт, в том числе и в определенной области деятельности, в нашем случае банковского дела, закрепляется в языке посредством терминологии. При изучении терминологии с учетом диахронического аспекта появляется возможность рассмотреть процесс ее формирования и особенности функционирования, поскольку терминология наиболее подвержена изменению и обновлению, а также влиянию экстралингвистических факторов.

В современных терминоведческих исследованиях подчеркивается сложная структура термина, предполагающая его многогранность и многоаспектность. Термины необходимы для эффективной коммуникации в специальных областях деятельности, как на начальном этапе ее становления, так и в дальнейшем. Появление терминов связано с возникновением самой специальной области, вида ее деятельности и связанного с ними профессионального мышления [Голованова 2008]. М. Н. Володина также связывает процесс образования терминов со становлением какой-либо профессиональной отрасли [Володина 1997].

Развитие любой терминологии включает в себя два этапа:

- этап предтерминов;
- этап перехода предтерминов в термины и образование терминосистем, упорядочение, унификация терминологии определенной области.

На первом этапе терминология формируется на основе предшественников определенной деятельности, и в процессе своего развития она подстраивается под процессы становления данной деятельности или области знания. Для терминологии этого периода характерна неупорядоченность, существование неполных терминов, синонимов, полисемии терминов. В настоящее время с точки зрения типов специальных лексем в терминоведении утвердились обозначения: прототермины, предтермины, терминоиды и псевдотермины. «Прототермины характерны для донаучного периода развития какой-либо отрасли человеческой деятельности, они называют только некоторые представления, а не специальные понятия. Предтермины – специальные лексемы, используемые для называния новых понятий, но не отвечающие пока требованиям, предъявляемым к терминам» [Сложеникина 2016, с. 8]. Предтермины используются в терминологии для наименования новых понятий в течение некоторого времени, пока не удастся подобрать подходящие термины. От терминов предтермины отличаются временным характером, неустойчивостью формы, невыполнением требований краткости и общепринятости, часто и отсутствием нейтральности. В большинстве случаев, со временем предтермины заменяются терминами [Гринев 1993].

Постепенно терминология достигает такого момента, когда она переходит на второй этап, на котором подвергается унификации, стандартизации и систематизации с целью улучшения коммуникации в специальной области деятельности или знания.

Необходимо отметить, что термин обладает своей спецификой, заключающейся в том, что термины создаются для наименования объектов или явлений, которые имеют значение лишь в зоне той или иной профессиональной сферы, в основе которой лежат свои значимые концепты и субконцепты [Голованова 2008]. В процессе терминологической номинации название получают лишь те явления и предметы, на которые направлена деятельность человека, и важную роль здесь играет окончательное функциональное оформление самого обозначаемого предмета. В нашем случае приобретение банком свойственных ему функций: хранение денег, накопление денежных средств, кредитование, осуществление денежных расчетов и функция, которая появляется позже других – право денежной эмиссии. Обычно этим правом единолично обладают центральные банки. Следовательно, термины необходимо рассматривать в рамках специальных областей, в нашем случае, банковской и шире – экономической деятельности.

Источники возникновения французской банковской терминологии на первом этапе ее формирования (XVIII в.)

Историческими предшественниками банков были первые банкиры – менялы. В Средние века многие феодалы и даже города чеканили собственные монеты. Менялы обменивали деньги приезжих купцов на местные. Ростовщики давали деньги в долг под проценты. Впоследствии банки будут заниматься и тем и другим. Первой ценной бумагой, прообразом бумажных денег был вексель. Первоначально вексели представляли собой долговые обязательства. В средневековой Европе в обращении находилось множество драгоценных монет разной чеканки. Чтобы обезопасить себя от фальшивых монет, купцы хранили реальные деньги в лавках менял. Взамен они получали долговые расписки (*récépissés*) – будущие вексели, которые давали право получать реальные деньги не только у других менял, но и в других городах. Вексели во многом послужили развитию такой функции банков, как кредитование.

Для исследования источников возникновения французской банковской терминологии на начальном этапе важно изучить историю банковского дела во Франции. Хронология представлена в работах А. Плесси, М. Рандона и Д. Беснара, посвященной истории банков во Франции [Plessis; Rendon, Besnard 1991].

До XVIII в. во Франции банковское дело носило ростовщический характер. История современной французской банковской системы начинается величайшим кредитным экспериментом шотландца Джона Лоу (1671–1729). Лоу разработал свой проект улучшения благосостояния Франции, оздоровления финансовой ситуации в стране, а также устранения бедности и безработицы с помощью кредита. С этой целью он создал в 1716 г. Генеральный банк (*Banque Générale*), который в 1718 г. был преобразован в государственный и получил право выпускать бумажные деньги. Банк выпустил большие суммы кредитных денег, не соответствующих потребностям товарного обращения, что привело к его краху в 1720 г. После провального проекта Дж. Лоу во Франции в течение многих лет кредитование не было востребовано. Долгое время кредитные функции во Франции выполняли мелкие банкиры, сборщики податей и нотариусы. В этот период были учреждены банки в крупных городах, таких как Лион, Бордо, Сен-Мало, и, конечно же, в Париже, а самыми крупными банкирами были выходцы из других стран, например из Швейцарии Готтингер или Малле. И только в 1776 г. при содействии авторитетного экономиста и государственного деятеля А. Р. Ж. Тюрго (1727–1781) был учрежден просуществовавший до 1793 г. банк под названием «Учетная касса» («*Caisse d'Escompte*»). Как видно из названий, избегалось даже слово *banque*. После революции, в течение 1796–1800 гг., было открыто три частных эмиссионных банка. А в 1800 г. по инициативе Наполеона I был основан Центральный банк Франции – *Banque de France*, за которым в дальнейшем было закреплено монопольное право банкнотной эмиссии.

И как уже было отмечено, образование терминов связано со становлением какой-либо области специальной деятельности или знаний, и в процессе формирования новых понятий и их наименований важную роль играли уже существовавшие слова во французском языке, так как новые понятия легче устанавливать на основе уже известных представлений, которые закреплены в языке.

Во французском языке существуют разные способы образования терминов, но на начальном этапе формирования банковской терминологии основными способами стали метонимический перенос, расширение или сужение основного значения слова, заимствование, калькирование и деривационное терминообразование.

Рассмотрим несколько примеров, как стали банковскими терминами слова *crédit, caisse, finance, acompte, actif, cote, tarifér, débit*,

billet, escompte в XVIII в., на основе этимологических и исторических данных словарей: Ж. Г. Альгирдаса «*Dictionnaire de l'ancien français*», О. Блоха и В. фон Вартбурга «*Dictionnaire étymologique de langue française*», Ж. Дюбуа и А. Миттерана «*Dictionnaire de Étymologie*», а также «Исторического словаря французского языка» под редакцией А. Рейя [Algirdas 2001; Bloch, Wartburg 1950; Dubois, Mitterand 2001; Rey 1992].

acompte – этот термин во французской банковской терминологии появился в 1740 г. и означал «аванс». Данный термин возник с помощью префиксального способа словообразования от слова *compte*, которое стало использоваться во французском языке как финансовый термин с 1675 г., его источником стала калька с итальянского языка *conto*, так как в Италии финансовая и банковская сферы были более развиты и уже имели сложившуюся терминологию.

actif – «актив», термин возник на основе расширения основного понятия и начинал использоваться как существительное в 1762 г. Изначально в XVI в. использовался только в качестве прилагательного в словосочетании *dettes actives* в противоположность *dettes passives*.

billet – «банкнота», как финансовый термин начинает использоваться с 1716 г. в словосочетании *billet de banque*. Термин возник в результате расширения значения слова *billet*, восходящего к старофранцузскому *billette* (1457), имевшего значение «расписка, квитанция».

caisse – данное слово первоначально имело значение «коробка, ящик для перевозки», было заимствовано в 1365 г. из итальянского языка в результате торговых связей. Позже происходит сужение значения, и *caisse* уже используется для обозначения коробочки для хранения денег. В результате метонимического переноса слово попадает в финансовую терминологию в 1723 г. и обозначает «касса для платежных операций». Также в XVIII в. появляются производные от него – *décaisser* и *encaissement*.

cote – термин заимствован из латинского языка в 1390 г. и до XVI в. имел написание *quote*, в XIV в. приобретает значение «доля, назначенная каждому налогоплательщику», в XVI в. приобретает второе значение – «шифр для классификации документов», а в 1784 г. термин получает финансовое значение – «курс, котировка ценных бумаг на бирже». Первая французская биржа была открыта в Париже в 1724 г.

crédit – в старофранцузском языке слово имело значение «доверие» и было заимствовано из латинского языка, а в значении банковского

термина – из итальянского языка *credito* и начинает использоваться в 1508 г. в таких выражениях, как *à crédit, lettres de crédit*. Позже в результате метонимического переноса получает значение «предоставление денежной суммы одного лица в распоряжение другого». В XVIII в. от *crédit* возникают производные термины – *créditeur, discrédit*.

débit – «дебет», как банковский термин возник в 1723 г., а первоисточником послужил латинский язык *debitum*, из которого слово было заимствовано со значением «долг».

escompte – «дисконт», «учет векселей», датировано 1597 г., имело значение «вычет из учетного векселя», от итальянского *sconto*.

finance – в 1283 г. слово обозначает прежде всего «оплата, цена, издержки», а также «денежные ресурсы», в 1314 г. начинает использоваться в значении «денежные ресурсы государства», в XVIII в. значение термина было расширено и он стал использоваться также в значении «управление денежными операциями».

tarifer – данный термин «устанавливать расценки» возник в 1762 г. как производное от слова *tarif*, появившееся во французском языке в 1572 г. благодаря заимствованию из итальянского *tariffa*.

banque – основной термин банковской деятельности, он восходит к итальянскому слову *banca* (1458), которое использовалось в Италии в XIV в. для обозначения прилавка менялы, а в XV в. в результате расширения значения стало обозначать и кредитное учреждение. Однако во Франции как финансовый термин слово *banque* получило свое распространение позже.

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в XVIII в. шло активное развитие финансовой и банковской сфер во Франции, следовательно, и финансовой, и банковской терминологии. XVIII в. стал начальным этапом формирования терминологии банковского сектора. В создании банковской терминологии главным образом были задействованы такие механизмы, как метонимический перенос (например *caisse*), а также сужение и расширение значения (например *actif, billet*). Другим ресурсом формирования французской банковской терминологии стали заимствования, в основном из итальянского языка. Необходимость заимствования возникает чаще всего в наиболее развивающейся сфере деятельности общества. В XVIII в. одной из таких областей во Франции стала банковская деятельность, а так как она зародилась

в Италии, то и первые термины стали возникать там, т. е. можно сказать, что это своего рода экономические реалии Италии, которые распространились во Франции. Заимствованные термины из итальянского языка подверглись в дальнейшем фонетическим и семантическим изменениям, например *caisse*, *tarif*. В основном все итальянские заимствования подверглись ассимиляции в произношении и написании (например, упрощение согласных).

Деривационное словообразование также послужило источником возникновения новых терминов на основе уже существующих и заимствованных (например: *tarifer*, *encaissement*, *créditeur*).

Таким образом, в статье рассмотрены основные способы образования банковской терминологии французского языка на первом этапе ее формирования. Четко прослеживается связь между общим языком и терминологией, которая формируется на его основе и под влиянием таких исторических факторов, как образование в 1716 г. первого французского банка с полным набором функций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Володина М. Н. Теория терминологической номинации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 180 с.
- Голованова Е. И. Когнитивно-историческое терминоведение: предмет, проблематика, инструментарий // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2. С. 51–54.
- Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 224 с.
- Гринев С. В. Введение в терминоведение. М. : Московский лицей, 1993. 309 с.
- Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2008. 304 с.
- Сложеникина Ю. В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М. : ЛИБРОКОМ, 2016. 120 с.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 696 с.
- Фельде (Борхвальдт) О. В. Историческое терминоведение в теории и практике. Красноярск : РИО КГПУ, 2001. 148 с.
- Algirdas J. G. Dictionnaire de l'ancien français. P. : Larousse, 2001. 630 p.
- Bloch O., W. von Wartburg. Dictionnaire étymologique de la langue française. Deuxième édition refondue par W. von Wartburg. P. : Presses Universitaires de France, 1950. 620 p.
- Dictionnaire Historique de la langue française sous la direction d'Alain Rey. P. : Le Robert, 1992. 3 tom., 4304 p.

Dubois J., Mitterand H. Larousse Dictionnaire d'Etymologie. P. : Larousse, 2001. 822 p.

Plessis A. Histoire des banques en France. URL: www.fbf.fr/fr/files/88AFWG/Histoire_banques_France.pdf

Redon M., Besnard D. La Banque de France. P. : PUF. Que sais-je? # 2462, 1991. 128 p.

Rey A. La terminologie, noms et notions. P. : PUF. Que sais-je ?, 1992. 126 p.

УДК 81'373.612.2

Л. В. Порохницкая

доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: lidie@list.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОППОЗИЦИИ В СЕМАНТИКЕ ЭВФЕМИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Статья посвящена изучению специфики реализации номинативного потенциала концептуальных оппозиций в эвфемии. Несмотря на наличие некоторого количества работ, разрабатывающих проблему функций концептуальных оппозиций, задача анализа их роли в семантике эвфемизмов в германских и романских языках ставится впервые.

По результатам проведенного исследования можно говорить о двух уровнях актуализации оппозиций – уровне метафорических и метонимических концептов, составляющих основу семантики эвфемизмов, и уровне фокусной идеи, ключевого элемента концепта. Важной особенностью реализации оппозиций в эвфемии следует также признать наличие универсальных оппозиций, характерных для целого ряда номинативных сфер (так, например, оппозиция **болезнь vs. лечение** продуктивна как в традиционных сферах, так и в новых). В то же время некоторые оппозиции оказываются продуктивными только в одной или нескольких сферах (например, оппозиция **очищение vs. загрязнение** активна, главным образом, при эвфемистическом номинировании алкогольного опьянения). Еще одной характерной чертой концептуальных оппозиций в эвфемии можно считать их способность активизироваться в рамках своего диалектического единства только в определенных сферах, а в других областях работать по рознь, задействуя при формировании семантики эвфемистических единиц только один элемент (например, **огонь vs. вода** при номинировании опьянения и интимных отношений). В новых областях эвфемизации (например, социально-производственные отношения) в большинстве случаев можно выделить ведущую концептуальную оппозицию **свой vs. чужой**, которая реализует свой номинативный потенциал, моделируя семантику эвфемистической единицы в своем диалектическом единстве.

Ключевые слова: эвфемизм; эвфемизация; концептуальная оппозиция; номинативный потенциал; концептуальная метафора, концептуальная метонимия.

L. V. Porokhnitskaya

Doctor of Philology, Professor, Department of English Lexicology, MSLU;
e-mail: lidie@list.ru

CONCEPTUAL OPPOSITIONS IN THE SEMANTICS OF A EUPHEMISM

The article looks into the specific ways in which conceptual oppositions realise their potential in the semantics of a euphemism. Despite the fact that there are some

works that deal with the functions of conceptual oppositions, the task to analyse their role in the semantics of a euphemism in the Germanic and Romance languages has not been undertaken so far.

There are two basic levels at which oppositions may operate: the level of metaphoric concepts that underlie the meaning of a euphemistic unit and the conceptual focus level. One of the major findings of the research is the fact that there exist practically universal oppositions that are active in various taboo spheres, both traditional and new ones (e.g., DISEASE vs. TREATMENT). At the same time it is possible to single out some conceptual oppositions, that operate in one or two spheres only (e.g., CLEANSING vs. SOILING is employed mainly to denote alcoholic intoxication).

It is also important to point out that some oppositions may function as a whole in the framework of certain taboo fields and in others fall apart enabling only one of the elements to realise its nominative potential. For instance, the concepts FIRE and WATER work as constituents of an opposition in the sphere of intoxication and as separate metaphoric concepts in the euphemisation of sexual relationship.

In new taboo spheres in most cases it is possible to single out the leading opposition (e.g., US vs. THEM), the basic feature of which is to form the semantics of euphemisms within its structural unity employing both its elements simultaneously.

Key words: euphemism; euphemisation; conceptual opposition; naming potential; conceptual metaphor; conceptual metonymy.

Введение

Роль концептуальных оппозиций в моделировании семантики языковых единиц уже становилась объектом специального изучения в ряде лингвистических работ. В частности, в поле зрения исследователей оказывались функции концептуальных оппозиций в семантике адъективных имен, английских прилагательных со значением личностной характеристики, лексических обозначений времени, общественно-политической лексики, а также их реализация в различных типах дискурса [Алиева 2008а; Алиева 2008б; Алиева 2012; Алиева 2013; Антонова 2011; Антонова 2013; Антонова 2017; Матвеева 2011; Пономарева 2008; Gyori 1999; Jeffries 2011]. В настоящей статье мы ставим задачу выявить специфику актуализации концептуальных оппозиций в значении эвфемизмов в романских и германских языках.

Мы полагаем, что достаточно высокая продуктивность концептуальных оппозиций в формировании семантики эвфемистических номинаций, по всей видимости, обусловлена амбивалентной сущностью эвфемии, непосредственным образом коррелирующей с дуализмом традиционных табуированных представлений, в которых тесным образом переплелось святое и нечистое.

Основная часть

Важнейшей особенностью реализации концептуальных оппозиций в эвфемии следует признать возможность их актуализации на двух основных уровнях: на уровне метафорических и метонимических концептов, формирующих семантику эвфемистических единиц одной номинативной сферы, и на уровне фокусных идей, другими словами, вершинных идей самих концептуальных структур. Так, например, в номинативной сфере «смерть» продуктивной оппозицией первого уровня можно считать **возвращение домой** (фр. *aller ad patres* – букв. ‘уехать к отцам’); англ. *to go home* – букв. ‘идти домой’) и **переезд на новое место жительства** (например, исп. *irse al otro barrio* – букв. ‘отправиться в другой район’). Среди активных оппозиций фокусного уровня в рамках той же номинативной сферы можно отметить, например, выход из замкнутого пространства (ит. *uscir di vita*) и переход в замкнутое пространство (нем. *in die Kiste kommen*).

Анализ значительного массива эвфемистических единиц двух германских и трех романских языков позволил выявить как универсальные оппозиции, объединяющие несколько номинативных сфер, так и оппозиции, характерные для одной сферы. Так, например, концептуальная оппозиция **болезнь vs. лечение** продуктивна как в традиционной табуированной сфере «пьянство» (например, исп. *acatarrarse*; англ. *cough medicine* – *спиртной напиток* – букв. ‘лекарство от кашля’; нем. *Medizin*; фр. *antigrippe*), так и в новых областях, например, «наркомания» (ит. *coma*; англ. *pharmaceuticals* – *наркотики*; фр. *pilule* – *таблетка с наркотическим веществом*; ит. *antibiotico* – *минимальная доза наркотика*) и «социально-производственные отношения» (например, брит. англ. *dose of P45 medicine* – *увольнение* – букв. ‘доза лекарства P45’; фр. *assainir* – *уволить некоторых сотрудников, почистить кадры*, букв. ‘оздоровить’).

Ряд концептуальных оппозиций оказывается продуктивным только в одной или нескольких областях. Например, оппозиция базовых концептов **нарушение связи vs. упрочение связи** актуализируется в традиционных сферах «смерть» (англ. *dissolution* – *разложение*; фр. *raidir*) и «пьянство» (англ. *in bits* – *пьяный*, букв. ‘по кусочкам’; ит. *sfatto* – букв. ‘разобранный на части’; англ. *stiff* – *пьяный*, букв. ‘одевленный’; нем. *steif*; фр. *raide*), в то время как оппозиция **загрязнение vs. очищение**, реализуемая в рамках МК «гигиена», оказывается

востребованной главным образом при номинировании алкогольного опьянения (например, фр. *avoir le nez sale* – букв. ‘иметь грязный нос’; англ. *to wash one’s neck* – букв. ‘мыть шею’) и наркотического (например, англ. *clean* – не употребляющий и / или не имеющий при себе наркотиков – букв. ‘чистый’; ит. *pulito* – не имеющий наркотики – букв. ‘чистый’).

Важной особенностью актуализации концептуальных оппозиций в эвфемии следует считать продуктивность ряда метафорических концептов, которые эмпирически являясь конституентами оппозиции, могут не работать как таковые для продуцирования эвфемистических единиц в рамках конкретной номинативной сферы. Так, например, МК **огонь** и **вода** в области «пьянство» – члены оппозиции, реализующиеся как взаимно дополняющие друг друга элементы одной концептуальной картины (например, нем. *Brand* – желание выпить спиртное – букв. ‘огонь, пожар’). В сфере «секс» эти же концепты участвуют в актуализации представления о разных составляющих номинируемой области (нем. *Feuer im Dach* – сексуальное возбуждение – букв. ‘пожар на крыше’; фр. *lac* – женские органы – букв. ‘озеро’) и не работают как члены оппозиции. В таком случае правомерно говорить об активизации соседних членов одного концептуального блока **природные явления**.

Кроме того, многие концепты, которые могут реализовываться в рамках оппозиции в одной области, не входят в состав оппозиции в других сферах. Такая ситуация касается главным образом фокусных понятий. Так, например, фокус **достижение предела** в рамках номинативной области «пьянство» актуализируется как член оппозиции **достижение предела** vs. **отсутствие предела** (англ. *full* – полный – букв. ‘полный’; фр. *plein*; исп. *complete*; нем. *einen Schwamm im Magen haben* – быть пьяницей – букв. ‘иметь губку в желудке’; фр. *avoir une éponge dans le gosier*), в то время как в сфере «секс» отмеченный фокус работает самостоятельно (например, англ. *over the top* – букв. ‘через край’). В некоторых случаях, когда оба члена оппозиции оказываются вовлеченными в конструирование эвфемистического видения определенного понятия, действительно продуктивным можно признать только один из двух членов, а второй элемент является более частным, выводимым в ограниченные образы (например, **горизонтальное положение** vs. **вертикальное положение** в сфере «секс» (англ. *to spend the night with sb*; нем. *aufsitzen* – букв. ‘сидеть, не ложиться ночью спать’).

При анализе каждой новой концептуальной области число реализуемых концептуальных оппозиций как на уровне метафорических и метонимических концептов, так и на уровне фокусных идей предсказать довольно сложно. На сегодняшний день можно констатировать, что бесспорным рекордсменом в этом смысле можно считать сферу «пьянство», в которой во всех анализируемых языках действует около пятнадцати оппозиций (например, **регулярность движения vs. отсутствие движения, готовность vs. неспособность, изменение состояния vs. возвращение в нормальное состояние, облегчение vs. утяжеление** и т. д.). Данный факт может быть объяснен в значительной степени амбивалентным отношением представителей европейского лингвокультурного пространства к процессу и результату потребления спиртных напитков.

В этом смысле область «секс», которая также принадлежит к традиционным табуированным сферам, характеризуется значительно меньшим числом активных концептуальных оппозиций на обоих уровнях. Ведущими фокусными оппозициями следует признать **пространственная близость vs. душевная близость, физическое напряжение vs. отдых (расслабление), активная роль vs. пассивная роль**. Менее заметная роль концептуальных оппозиций в актуализации представления об интимной жизни человека обусловлена, по всей видимости, более жестким табуированием данной сферы.

Более редким явлением в классических сферах эвфемизации можно считать параллельную актуализацию оппозиций, при которой метафорические концепты, входящие в оппозиции, имеют фокусные идеи, также являющиеся членами оппозиции (например, МК **сон** и **отсутствие сна** профилируют идеи *горизонтальное положение* и *вертикальное положение*, соответственно).

В новых, социально-детерминированных областях эвфемизации реализация концептуальными оппозициями своего номинативного потенциала имеет свою специфику. Прежде всего в новой эвфемии оказывается возможным выделить системообразующую оппозицию, которая достаточно продуктивна во всех анализируемых сферах (наркомания, гомосексуализм, социально-производственные отношения). Это оппозиция **свой vs. чужой**.

Главной особенностью актуализации данной оппозиции, по сравнению с другими оппозициями, описанными выше, надо признать ее способность реализовывать номинативный потенциал в рамках своего диалектического единства в структуре сложных метафорических

картин. Так, например, в номинативной сфере «гомосексуализм» в метафорическом образе спортсмена, играющего за другую команду (исп. *ser del otro equipo*), реализация представления о «другой команде», имплицитно указывающая на наличие «своей команды», сопровождается фокусированием оппозиции **свой vs. чужой**.

Другой важной особенностью данной оппозиции в новой эвфемии является ее способность выступать в качестве концептуальной базы для актуализации по инференции других основополагающих для каждой конкретной области фокусных идей. Так, например, в области «наркомания» концептуальный компонент *свой* включает в себя представление о соблюдении нормы, а компонент *чужой* в контексте номинирования нетрадиционной ориентации инкорпорирует представление о засекреченности.

Заключение

В заключение подчеркнем, что концептуальные оппозиции уровня метафорических (метонимических) концептов и фокусного уровня работают как регулярные модели формирования семантики эвфемистических единиц всех без исключения табуированных сфер. Во всех анализируемых языках при эвфемистической номинации в рамках определенных табуированных областей действуют одни и те же модели реализации концептуальных оппозиций, хотя продуктивность отдельных членов оппозиции в разных языках может варьироваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиева Т. В. Концептуальная оппозиция «свой – чужой» в политическом дискурсе Великобритании (Великобритания – США) // Вестник ТГУ. № 11 (67). 2008а. С. 216–220.
- Алиева Т. В. Концептуальная оппозиция «свой – чужой» в политическом дискурсе прессы США (на материале публикаций, посвященных электоральным кампаниям) // Филологические науки в МГИМО. 2008б. №. 34 (49). С. 18–26.
- Алиева Т. В. Оппозиция «свой – чужой» в англоязычной прессе: лексические средства выражения // Вестник МГИМО. 2012. № 3. С. 182–187.
- Алиева Т. В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 28 с.

- Антонова М.Б.* Концептуальные оппозиции в семантике английских прилагательных, обозначающих ментальные характеристики человека // Ученые записки Рос. гос. социального ун-та. № 10. М. : Российский государственный социальный университет, 2011. С. 176–180.
- Антонова М.Б.* Архетипическая оппозиция «свой – чужой» как концептуальное основание формирования английских прилагательных // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2 (035). С. 66–71.
- Антонова М.Б.* Когнитивные основания формирования оценочной семантики прилагательных в английском языке // Когнитивные исследования языка. Тамбов : Общерос. общест. орган. «Российская организация лингвистов-когнитологов». 2017. № 30. С. 342–345.
- Беляевская Е.Г.* О характере когнитивных оснований языковых категорий // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. Рязань, 2000. С. 9–14.
- Беляевская Е. Г.* Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) // Вестник МГЛУ. 2005. № 500. С. 9–24 (Лингвистика.)
- Беляевская Е.Г.* Семантика широкозначных существительных с когнитивной точки зрения // Вестник МГЛУ. 2007. №. 532. С. 4–14 (Лингвистика.)
- Беляевская Е.Г.* Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 44–50.
- Беляевская Е.Г.* Номинативный потенциал концептуальных метафоров (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система): сб. науч. тр. к 100-летию И.И.Чернышевой. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 13–30.
- Матвеева А.А.* Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой–чужой»: на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011. 228 с.
- Пономарева Е.Ю.* Концептуальная оппозиция «жизнь–смерть» в поэтическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 27 с.
- Gyori G., Hegedus I.* Is everything black and white in conceptual opposition? // 1993 Proceedings of the international cognitive linguistic conference. Berlin : Mouton de Gruyter, 1999. P. 57–74.
- Jeffries L.* Opposition in discourse. The construction of oppositional meaning. Bloomsbury Publishing, 2011. 160 p.
- Lakoff G., Jonson M.* Metaphors We Live by. The University of Chicago Press, 1980. 242 p.

УДК 811-133.1'28

В. В. Пылакина

кандидат филологических наук;

доцент кафедры французского языка переводческого факультета МГЛУ;

e-mail: veronikap2002@mail.ru

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АРАБСКОГО В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Заимствование является закономерным внешним путем обогащения лексики французского языка. Рассматривая заимствования из арабского, следует отметить, что они появляются во французском языке рано, и в Средние Века становятся очень многочисленными. Это, в частности, связано с тем, что страны арабского Востока обладали в тот период очень высоким уровнем культуры. Пополнение старофранцузского языка заимствованиями из арабского было предопределено целым рядом факторов, как, например, Крестовые походы, арабские завоевания на территории Европы, развитыми торговыми контактами в Средние Века. Именно в этот период во французский язык проникают заимствования из арабского, которые относятся к различным семантическим группам. К ним относятся такие лексические единицы, как *abricot, aubergine, orange, sucre, estragon, café, alambic, coton, jupe, carafe, alcôve, alchimie, alcool, amalgame, azur, goudron, cramoisi, algorithme, algèbre, assassin, cheik, cafard, arobase, calibre, arsenal, échec, hasard*. Основная масса этих слов пришла во французский язык через итальянский или испанский. В более позднюю эпоху во французский язык проникли такие слова, как *sirop* и *aniline*.

В ряде случаев заимствования из арабского сформировали этимологические дублеты, например: *douane* и *divan, magasin* и *magazine, chiffre* и *zero, zenith* и *azimuth, amiral* и *émir, échec* и *schah, barde* и *barda, sorbet* и *sirop*.

Интересно отметить, что не выявлено ни одного случая заимствования глагола. Обнаружен только глагол *kiffer*, но он был образован во французском языке от арабской именной основы *kif* в XX в.

Таким образом, заимствования из арабского языка происходили преимущественно для обозначения новых предметов и явлений, неизвестных европейцам. Впоследствии многие из этих заимствований ассимилировались во французском языке настолько, что уже не ощущаются как иноязычные по происхождению слова.

Ключевые слова: заимствования во французском языке; заимствования из арабского языка; этимологические дублеты.

V. V. Pylakina

PhD (Philology), Associate Professor,

Department of the French Language,

Faculty of Translation and Interpretation, MSLU;

e-mail: veronikap2002@mail.ru

BORROWINGS FROM ARABIC INTO MODERN FRENCH

Borrowing is a natural way of French vocabulary enrichment. Considering borrowings from Arabic, it should be noted that they appear in French early and become very numerous in the Middle Ages. This is related, in particular, to the fact that the countries of the Arab East had a very high level of culture at that time. Replenishment of the old French language with borrowings from Arabic was predetermined by a number of factors, such as the Crusades, the Arab conquests in Europe, developed trade contacts in the Middle Ages. During this period Arabic borrowings which belong to different semantic groups penetrate into French. They include the following lexical units: abricot, aubergine, orange, sucre, estragon, café, alambic, coton, jupe, carafe, alcôve, alchimie, alcool, amalgame, azur, goudron, cramoisi, algorithm, algèbre, assassin, cheik, cafard, arobase, calibre, arsenal, échec, hasard. Most of these words came in French through Italian or Spanish. During a later period, French was replenished by such words as sirop and aniline.

In some cases, borrowings from Arabic formed etymological doublets, such as douane and divan, magasin and magazine, chiffre and zéro, zénith and azimut, amiral and émir, échec and schah, barde and barda, sorbet and sirop.

It is interesting to note that not a single case of borrowing a verb has been identified. Only the verb kiffer was discovered, but it was formed in French from the Arabic base kif in the XXth century.

Thus, borrowings from the Arabic language occurred mainly in order to designate new objects and phenomena unknown to Europeans. Subsequently, many of these borrowings were assimilated in French to such an extent, that they no longer felt like words that are foreign in origin.

Key words: borrowings into French; borrowings from Arabic; etymological doublets.

Введение

Займствование является закономерным внешним путем обогащения лексики любого языка, французский язык в этом смысле не является исключением. Под займствованием понимается «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. Обычно займствуются слова и реже синтаксические и фразеологические обороты» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 158]. По мнению французских лингвистов, «язык всегда займствовал слова из соседних и иностранных языков и даже из диалектов, или по необходимости, чтобы назвать новые предметы и понятия часто иностранного происхождения, или потому, что неожиданно понравились нравы и язык другой страны. Эти

заимствования могут быть народного или ученого происхождения»¹ [Grammaire Larousse 1936, с. 20].

Рассматривая заимствования из арабского, следует отметить, что они появляются во французском языке рано, и в Средние века становятся очень многочисленными. Это, в частности, связано с тем, что арабские страны обладали в тот период очень высоким уровнем культуры. Пополнение старофранцузского языка заимствованиями из арабского было предопределено целым рядом факторов, таких как арабские завоевания на территории Европы и многочисленные набеги арабов, от которых особенно страдал юг Франции [Méric 1996, с. 41], развитыми торговыми контактами, а также Крестовыми походами. Одним из печальных последствий Крестовых походов, в частности, стала игра слов в выражениях *manger du sarrazin* – *есть гречку* и *manger du Sarrasin* – *есть сарацинов*, во втором случае речь идет об эпизоде Первого крестового похода, когда в 1097 г., во время осады Антиохии из-за отсутствия продовольствия крестоносцы сначала съели упряжь своих коней, а затем стали есть своих пленников-сарацинов [Julaud 2004, с. 122].

Основная часть

Средние века во французский язык проникает целый ряд заимствований из арабского, хотя некоторые лингвисты и считают их редкими и единичными, крайне редко появлявшимися во французском языке до XIV в. [Rey, Duval, Siouffi 2007, с. 350]. Эти заимствования можно разделить на семантические группы:

1) продукты питания, овощи и фрукты, напитки, например:

abricot – *абрикос* в форме *aubercot*, 1512 г., < каталон. *abercoc* < ар. *al-barquq* < гр. происх. < лат. *praecox*, *praecoquus* – *ранний*, зд. «ранний персик» [Bloch, Wartburg 1994, с. 3; Dauzat 1979, с. 4; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 8–9; Robert 1986, с. 7];

aubergine – *баклажан* < каталон. *alberginia* < ар. *al-bâdindjân* < перс. *bâdindjân* [Bloch, Wartburg 1994, с. 44; Robert 1986, с. 129];

orange – *апельсин*, 1515 г. < ст.-ит. *melarancia* < арабск. *narandj*, *narandja* [Bloch, Wartburg 1994, с. 447; Dictionnaire historique... t2 1998, с. 2473; Robert 1986, с. 1317];

sucre – *сахар*, XII в. < ит. *zucchero* < ар. *sukkar* < инд. происх., ср. санскр. *çarkarâ* – *зерно* [Bloch, Wartburg 1994, с. 613; Dictionnaire

¹Зд. и далее перевод наш. – В. П.

historique... t3 1998, с. 3675; Robert 1986, с. 1878]. Известно, что именно арабы принесли культуру выращивания сахарного тростника на Сицилию [Rey, Duval, Siouffi 2011, с. 350]. Из арабского также пришли слова *estragon* – *эстрагон, тархун*, 1564 г., вариант < *targon*, 1539 г. < учен. лат. *tarchon* < ар. *tarkhoun* [Bloch, Wartburg 1994, с. 237; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 1315; Robert 1986, с. 696];

café – *кофе*, в значении напиток, а не зерно, 1660 или 1665 г. < ср.-фр. *cahouin*, 1575 г. < ар. *gahwa*, тур. *kahvé* [Bloch, Wartburg 1994, с. 98; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 575; Robert 1986, с. 234; Dauzat 1979, с. 126];

sirop – *сироп*, 1175 или 1181 г. < ср.-век. лат. *syropus, sirupus* < ар. *charâb* – *напиток* [Bloch, Wartburg 1994, с. 593–594; Dictionnaire historique... t3 1998, с. 3521; Robert 1986, с. 1819]. Следует отметить, что некоторые источники дают очень позднюю дату появления слова *sirop* во французском языке – 1881 г. [Robert 1986, с. 1819];

2) изобретения и открытия в науке и технике, например:

alambic – *перегонный куб*, 1265 г., < *alambique* < *al-anbiq, al ambîq* [Bloch, Wartburg 1994, с. 16; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 76; Robert 1986, с. 45];

3) ткани и материалы, например:

coton – *хлопок*, конец XII в., < ит. *cottone* < ар. *qoton, qutun* [Bloch, Wartburg 1994, с. 161; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 911; Rey, Duval, Siouffi 2011, с. 350–351; Robert 1986, с. 401];

4) предметы одежды, например:

jupe – *юбка*, XII в. < возм., юж. ст.-ит. *jura* – *мужская или женская куртка восточного происхождения* < ар. *djoubba, gubba* – *длинная одежда из шерсти; верхняя одежда* [Bloch, Wartburg 1994, с. 354; Dauzat 1979, с. 422; Dictionnaire historique... t2 1998, с. 1936; Robert 1986, с. 1055];

5) предметы быта и обихода, например:

carafe – *графин*, 1558 г. < ит. *carafa*, исп. *garaffa* < ар. *gharaf, gharrafa* – *сосуд для питья* [Bloch, Wartburg 1994, с. 108; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 623; Robert 1986, с. 252];

6) архитектурные элементы, например:

alcôve – *альков*, 1646 < исп. *alcoba* < ар. *al-qubba* – *маленькая комната* [Bloch, Wartburg 1994, с. 17; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 79; Robert 1986, с. 46];

7) химия, алхимия, вещества, соединения, цвета, красители, например:

alchimie – алхимия, 1418 г., *alquemie*, 1265 г., < ср.-век. лат. *alchemia* < ар. *al-kîmiyâ* < возм., гр.-егип. происх., ср.-гр. *khêmia* – черная магия [Bloch, Wartburg 1994, с. 17; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 78; Grandsaignes d’Hauterive... 1947, с. 19; Greimas, Keane 1992, с. 19; Robert 1986, с. 46]. Следует отметить, что слово *alchimie* появляется во французском языке в значении «наука о преобразовании металлов, которая занималась поисками философского камня и панацеи» [Dictionnaire du français encyclopédique 1971, с. 28]. Впоследствии, о поисках панацеи было забыто, и под алхимией стали понимать оккультную средневековую науку о поисках камня, способного превратить любой металл в золото [Dictionnaire du français contemporain 1971, с. 42; Dictionnaire du français. Hachette 1995, с. 28; Pluridictionnaire 1987]. Другими лексическими единицами, которые относятся к этой группе, являются *alcool* – алкоголь, *alcohol*, 1586 г. < алх. лат. *alko(ho)l* – любой продукт, порошок, жидкость, полученные в результате максимальной дистилляции < ар. *al-kohl* – распыленная сурьма [Bloch, Wartburg 1994, с. 17; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 78; Greimas, Keane 1992, с. 19; Robert 1986, с. 46]; *amalgame* – амальгама, XV в. < алх. лат. *amalgame* < возм., ар. *amal al-djam’a* – плод совокупления [Bloch, Wartburg 1994, с. 21; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 102; Robert 1986, с. 55]; *alezan* – лошадь, мул, платье красно-коричневого оттенка < исп. *alazan* < ар. Испании *az’ar* или ар. *al-hisan* – красноватый [Bloch, Wartburg 1994, с. 18; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 81; Robert 1986, с. 47]; *azur* – лазурь, 1080 г., < ср.-век. лат. *azzurum*, *azzarum* < ар. *lâzaward* < перс. *lâd-jeward* – лазурит, цвет лазурита [Bloch, Wartburg 1994, с. 49; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 281; Robert 1986, с. 148]; *goudron* – смола, XVI в., вар. *catran*, *catram*, XIII в., *gotren*, XIV в. < ар. египет. *gatran*, *qatran* [Bloch, Wartburg 1994, с. 300; Dictionnaire historique... t2 1998, с. 1613; Grandsaignes d’Hauterive 1947, с. 90, 330; Robert 1986, с. 876]; *cremoisi* – темно-красный цвет, отдающий в фиолетовый, ст.-фр. вариант *cremoisi*, 1298 г. < ар. *qirm’zi*, *qirmizi* – темно-красный; красный, сделанный из кошенили [Bloch, Wartburg 1994, с. 166; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 937; Robert 1986, с. 416];

8) математика, например:

algorithme – алгоритм, 1554 г., *algorisme* – счет, искусство считать с использованием арабских цифр < ср.-век. лат. *algorithmus*, латинизированное имя собственное, принятое за имя нарицательное < ар. *Al-Khawarizmi* [Dictionnaire historique... t1 1998, с. 82; Godefroy 1994, с. 17; Robert 1986, с. 48];

algèbre – алгебра, к. XIV в., < ср.-век. лат. *algebra* < ар. *al-jabr*, *al-djabr*, *al-gabr* – ограничение, уменьшение, послужившее заголовком в одном из трудов *Al-Khawarizmi* [Bloch, Wartburg 1994, с. 18; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 81; Robert 1986, с. 48];

9) должности, звания, род деятельности, например:

assassin – убийца, 1560 г. < ит. *assasis*, конец XIII в. < ар. *hachchâchî* – тот, кто пьет гашиш, название тех, кто поклонялся Старику Горы и брал выкуп с путешественников < ар. *hachisch* [Bloch, Wartburg 1994, с. 40; Robert 1986, с. 113], однако эта этимология подвергалась серьезной критике со стороны многих ученых, в результате чего была предложена новая < ар. *'asas* – патруль, *'assas*, мн. ч. *'assasin* – охранник [Dictionnaire historique... t1 1998, с. 230];

cheik – шейх, 1700 г., ст.-фр. вариант *seic*, 1272 г. < ар. *chaikh*, *chaykh* – старик; человек, которого уважают в силу его возраста [Bloch, Wartburg 1994, с. 126; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 724; Greimas 1997, с. 547; Robert 1986, с. 298];

calife – халиф, мусульманский властитель, наследник Магомеда, XII в., ст.-фр. вариант *algalife*, 1080 г., < ар. *khalifa*, *halifa* – посланник Магомеда, лейтенант < ар. глагола *halafa* – наследовать за, быть наследником [Bloch, Wartburg 1994, с. 101; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 590; Godefroy 1994, с. 17; Grandsaignes d'Hauterive... 1947, с. 18; Greimas 1997, с. 21; Rey, Duval, Siouffi 2011, с. 325; Robert 1986, с. 239];

10) характеристики человека, например:

cafard – лицемер < ср.-фр. *saphard*, 1512 г. < ар. *kafir* – тот, кто не верит, ренегат, при пом. уничижит. суффт. *-ard* [Bloch, Wartburg... 1994, с. 98; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 574; Robert 1986, с. 234];

11) условные обозначения, например:

arobase – знак @, вероятно < *arrobe*, *arobe*, 1555 г. < исп. *arroba* – мера веса (от 12 до 15 кг) и объема (от 10 до 16 л), обозначавшаяся знаком @ < ар. *ar-roub* – четверть [Robert 1986, с. 106], некоторые ученые считают, что происхождение слова *arobase* неизвестно [Dictionnaire historique... t1 1998, с. 207];

12) понятия, связанные с оружием и амуницией, например:

calibre – калибр, 1478 г., < ит. *calibro* < ар. *qâlib* – форма, форма для отливки < гр. *kalopous*, *kalapous* [Bloch, Wartburg 1994, с. 101; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 590; Robert 1986, с. 238];

arsenal – *арсенал*, 1250 г. < ит. *arsenale*, до XVI в. обозначало арсенал Венеции < ар. *происх.* < *dâr-sinâ'a* – *морской арсенал, мастерские* [Bloch, Wartburg 1994, с. 38; Rey, Duval, Siouffi 2011, с. 350; Robert 1986, с. 107];

13) абстрактные понятия, например:

échec – *провал, поражение*, 1080 г. < ст.-фр. *eschac* < ар.-перс. *shâh* в выражении *shâh mat* – *король умер* [Bloch, Wartburg 1994, с. 209; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 1164; Robert 1986, с. 595], однако некоторые ученые считают слово *schah* только персидским [Bloch, Wartburg 1994, с. 578];

hasard – *случай*, XII в. < исп. *azar* < ар. *az-zahr* – *игральные кости* < ар. *zahr* – *цветок*, поскольку на одну из сторон игральные кости наносилось изображение цветка [Bloch, Wartburg 1994, с. 317; Dictionnaire historique... t2 1998, с. 1691; Robert 1986, с. 914].

Как можно отметить, основная масса слов вошла во французский язык из арабского через итальянский или испанский.

В более позднюю эпоху заимствования из арабского также происходили, но реже. К числу таких заимствований следует, в частности, отнести *aniline* – *анилин*, 1855 г., < герм. *Anilin*, 1841 г., < порт. *anil* – *растение индиго* < ар. *an nil* – *растение индиго, цвет индиго* < перс. *происх.* < санскр. *nili* – *индиго* < санскр. *nila* – *темно-синий* [Bloch, Wartburg 1994, с. 27; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 145; Robert 1986, с. 70].

Французскому языку свойственно такое интересное явление, как этимологические дублеты. Под этимологическими дублетами понимаются лексические единицы, имеющие идентичное происхождение, но проникшие во французский язык разными путями. По мнению М. Гревисса, «дублеты – это пары слов, происходящие от одного этимона, но имеющие разные формы» [Grevisse 1993, с. 183]. Основная масса дублетов представлена парами слов, одно из которых пришло из латыни на ранних этапах формирования французского языка, а другое позднее, в Средние века, в период релатинизации, было повторно заимствовано из латыни. Некоторые лингвисты не рассматривают других путей формирования дублетов [Grammaire Larousse... 1936, с. 21].

Однако выясняется, что в некоторых случаях этимологические дублеты сформировались не с участием латинизмов, а при помощи арабизмов. К этой категории относятся, например, такие пары слов, как: *douane* – *таможня*, 1372 г., *dohanne*, 1281 г. < ст.-ит. *doana* < ар. *diouân* <

перс. происх. [Bloch, Wartburg 1994, с. 202; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 1128; Robert 1986, с. 572] и *divan* – *диван*, 1558 г., возм., < ит. *divano* < тур. *diouan* < перс. происх. [Bloch, Wartburg 1994, с. 199; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 1108; Robert 1986, с. 559]; *magasin* – *магазин*, 1400 г. < через провансальский < ар. *makhâzin*, мн. ч. < *makhzin* – *склад, офис* [Bloch, Wartburg 1994, с. 381; Dictionnaire historique... t2 1998, с. 2087; Robert 1986, с. 1127] и *magazine* (иллюстрированный журнал), 1776 г. < англ. *magazine* < фр. *magasin* [Bloch, Wartburg 1994, с. 381; Dictionnaire historique... t2 1998, с. 2087–2088; Robert 1986, с. 1127]; *chiffre* – *цифра*, в значении *шифр, секретное письмо*, XV в., *ch-* под вл. ит. *cifra* < ст.-фр. *cifre*, 1220 г. < ср.-век. лат. *cifra* – *ноль* < ар. *sifr* – *пустота, ноль* < санскр. *sunya* [Bloch, Wartburg 1994, с. 129; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 737; Robert 1986, с. 305] и *zéro* – *ноль*, 1485 г., заим. для замены ст.-фр. *cifre* – *ноль*, затем *цифра* < ит. *zero* < ит. *zefiro* < ар. *sifr* [Bloch, Wartburg... 1994, с. 682; Dictionnaire historique... t3 1998, с. 4151; Robert 1986, с. 2129]; *zénith* – *зенит*, 1527 г. < *senit*, 1361 г., неверное прочтение < ар. *samt*, *semt* в выражении *samt-ar-râs* – *дорога над головой* [Bloch, Wartburg 1994, с. 681–682; Dictionnaire historique... t3 1998, с. 4151; Robert 1986, с. 2128] и *azimut* – *азимут*, 1415 г. < ар. *az-samt* – *дорога* [Bloch, Wartburg 1994, с. 682; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 281; Robert 1986, с. 147]; *amiral* – *адмирал, командующий военно-морским флотом*, XIII, *amiralt*, *amirail* – *эмир*, 1080 < ар. *âmir* – *начальник* [Bloch, Wartburg 1994, с. 23; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 116; Grandsaignes d’Hauterive 1947, с. 23; Greimas 1997, с. 26; Greimas, Keane 1992, с. 25; Robert 1986, с. 60] и *émir* – *властитель* в арабском мире, потомок пророка Магомета, XIII в. < ар. *amîr* [Bloch, Wartburg 1994, с. 218; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 1219; Robert 1986, с. 626]; *barde* – *доспехи из металлических пластин, защищавшие грудь и круп лошади, седло* конец XIII в. < ар. *barda’a* – *седло* [Bloch, Wartburg 1994, с. 58; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 331; Robert 1986, с. 162] и *barde* – *снаряжение солдата*, 1848 г. < ар. *barda’a* – *седло* [Bloch, Wartburg 1994, с. 58; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 330; Robert 1986, с. 161]; *sorbet* – *щербет*, 1553 г. < ит. *sorbetto* < тур. *chorbet* < нар. ар. *chourba* < кл. ар. *charbât* – *напиток* [Bloch, Wartburg 1994, с. 599; Dictionnaire historique... t3 1998, с. 3567; Robert 1986, с. 1836] и *sirop* – *сироп*, 1881 г. < ср.-век. лат. *syrupus*, *sirupus* < ар. *charâb* – *напиток* [Bloch, Wartburg 1994,

с. 593; Dictionnaire historique... t3 1998, с. 3521; Robert 1986, с. 1819]; *arsenal* – арсенал (см. выше) и *darse* – внутренний бассейн, внутренняя гавань в средиземноморском порту < генуэз. *darsena* < *dar-sin'a*, *dar as-sin'a* – мастерские, производственное помещение [Bloch, Wartburg 1994, с. 38; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 994; Robert 1986, с. 446]; *aubergine* – баклажан (см. выше) и *mélongène*, старое название баклажана, 1667 < науч. лат. *melongena* < ар. *al-bâdindjân* [Bloch, Wartburg 1994, с. 44; Robert 1986, с. 1178]; *coton* – хлопок (см. выше) и ст.-фр. *aiqueton*, *alqueton* – ткань из хлопка, стеганая туника, XII в., ставшее *hoqueton* в XIV в. под влиянием *heique* – испанский плащ [Bloch, Wartburg 1994, р. 161; Dictionnaire historique... t2 1998, с. 1739; Grandsaignes d'Hauterive 1947, с. 19; Greimas 1997, с. 23; Rey, Duval, Siouffi 2011, с. 350–351; Robert 1986, с. 938]; *alcool* – алкоголь (см. выше) и *kohl*, *khôl* – темные тени, или румяна, которые жители Северной Африки наносят на веки, на ресницы, на брови, 1717 < *kohl* [Bloch, Wartburg 1994, с. 17; Dictionnaire historique... t2 1998, с. 1947; Robert 1986, с. 1060].

Проведенное исследование выявило один триплет, образованный словами, пришедшими из арабского: *cramoisi* – темно-красный цвет (см. выше), *carmin* – краситель красного цвета, полученный из самок кошенили, XII в., < п.-лат. *carminium* < лат. *minium* под вл. ар. *kermiz* [Bloch, Wartburg 1994, с. 110; Dictionnaire historique... t1 1998, с. 631; Robert 1986, с. 256] и *kermès* – кошениль, насекомое, паразитирующее на дубе, из яиц которого добывали ярко-красную краску, 1600 г., *alkermès*, 1546 г., < исп. *alkermes* < ар. *al-qirmiz* < перс. происх. [Dictionnaire historique... t1 1998, с. 937; Robert 1986, с. 416, 1060].

В одном случае выявлен дублет с заимствованием из персидского, это *échec* – провал, поражение, 1080 г. < ст.-фр. *eschac* < ар.-перс. *shâh* в выражении *shâh mat* – король умер [Robert 1986, с. 595] и *schah* – шах, властитель, в форме *chaa*, 1559 г., *siach*, 1546 г. < перс. *shah* – король [Bloch, Wartburg 1994, с. 578; Dictionnaire historique... t3 1998, с. 3413; Robert 1986, с. 1776].

Интересно отметить, что не выявлены случаи заимствования глаголов из арабского во французский язык, есть только случаи образования глаголов от заимствованных именных основ (*kiffer* < *kif*). Однако этот дериват относится к современному периоду и был образован уже в наши дни.

Заключение

Таким образом, заимствования из арабского известны во французском языке давно. Они относятся к различным сферам жизни и служили, преимущественно, для обозначения новых предметов и явлений, неизвестных европейцам, т. е. были связаны с появлением новых реалий. Кроме того, арабизмы сформировали несколько этимологических дублетов и даже один триплет. Помимо этого, выявлен один дублет, образованный существительными арабского и персидского происхождения. Впоследствии многие заимствования из арабского ассимилировались во французском языке настолько, что уже не ощущаются как иноязычные по происхождению слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
- Bloch O., Wartburg W. von.* Dictionnaire étymologique de la langue française. 10-e éd. P. : PUF, 1994. 682 p.
- Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. 11-e tirage. P. : Larousse, 1979. 824 p.
- Dictionnaire du français. Hachette, 1995 (1e éd. 1987). 1266 p.
- Dictionnaire du français contemporain. P. : Larousse, 1971. 1224 p.
- Dictionnaire encyclopédique. P. : Larousse, 1929. 1760 p.
- Dictionnaire historique de la langue française / Rey A., t.1. P. : Le Robert, 1998. Réimpression 2000 (1e éd. 1992). 1381 p.
- Dictionnaire historique de la langue française / Rey A., t. 2. P. : Le Robert, 1998. Réimpression 2000 (1e éd. 1992). 2909 p.
- Dictionnaire historique de la langue française / Rey A., t. 3. P. : Le Robert, 1998. Réimpression 2000 (1e éd. 1992). 4304 p.
- Godefroy F. Lexique de l'ancien français. P. : Editions Champion, 1994. 544 p.
- Grammaire Larousse du XXe siècle, 15e éd., 1e éd. 1936, P.-Warszawa : Larousse. 468 p.
- Grandsaignes d'Hauterive R.* Dictionnaire d'ancien français. Moyen Age et Renaissance. P. : Larousse, 1947. 592 p.
- Greimas A.-J.* Dictionnaire de l'ancien français. Le Moyen Âge. P. : Larousse Bordas, 1997 (1e éd. 1979). 630 p.
- Greimas A.-J., Keane T.-M.* Dictionnaire du moyen français. P. : Larousse, 1992. 668 p.
- Grevisse M.* Le bon usage. Grammaire française. 13-e éd. rev. P. : Duculot, 1993. 1762 p.

- Julaud J.-J.* L'Histoire de France pour les nuls. P. : Éditions générales First, 2004. 704 p.
- Méric M.* Mon histoire de France. Hachette, 1996. 316 p.
- Pluridictionnaire. P. : Larousse, 1987 (1e éd. 1977). 1471 p.
- Rey A., Duval F., Siouffi G.* Mille ans de langue française, histoire d'une passion. I. Des origines au français moderne. Perrin, 2011, éd. rev. et augm. (1e éd. 2007). 669 p.
- Robert P.* Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P. : Le Robert, 1986. 2171 p.

УДК 811.133.1

Д. А. Седова

аспирант кафедры лексикологии и стилистики факультета французского языка МГЛУ;

e-mail: diana29212@yandex.ru.

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСИКИ МУЖСКОЙ МОДЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ БАРОККО

В статье предпринята попытка проследить условия возникновения и формирования номинаций мужской одежды во французском языке в эпоху барокко. Эта эпоха оказала большое влияние на лексико-семантическое поле мужской одежды во французском языке. Впервые в истории мода персонифицируется и может диктоваться одним человеком. В работе рассмотрено влияние Людовика XIV на моду и появления новых предметов гардероба и соответствующих наименований. С этой целью используется историко-этимологический и когнитивный анализ, в результате которых установлено, что большое количество наименований мужской одежды и ее деталей, аксессуаров появилось именно в этот период под влиянием личности короля, а также крупных исторических и культурных событий, например Тридцатилетней войны. В качестве средств номинации использовались семантическая деривация, словообразование и заимствования, а также метонимия. Установлены лексические процессы для наименований мужской одежды: сужение или расширение лексического значения слова, его актуальность в современном языке или выход из употребления в последующие эпохи. В XVII–XVIII вв. явление моды достигает своего расцвета в Италии и Франции. Франция становится законодателем моды на мировой арене. Под влиянием личности короля во Франции в этот период формируется вестиментарный код детской моды. Стиль барокко известен излишествами во всем, в том числе и в элементах декора одежды. Поэтому большое внимание в статье уделено этимологическому анализу и рассмотрению возникновения номинаций различных аксессуаров, таких как парик, каблук, бант. В эпоху барокко они являлись необходимым элементом роскошного придворного костюма и часто также диктовались личностью короля.

Ключевые слова: номинация; средства номинации; историко-этимологический анализ; барокко; эстетическая функция одежды; мужская мода.

D. A. Sedova

Postgraduate Student, Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, MSLU; e-mail:diana29212@yandex.ru

THE ARTICLE ATTEMPTS TO DISCOVER THE ORIGINS AND FORMATION OF FRENCH NAMES OF MEN'S CLOTHES IN THE BAROQUE EPOCH.

This era had a great influence on the lexico-semantic field of men's clothing in French. For the first time in history, fashion is personified and can be dictated by one

person. The article considers the influence of Louis XIV on fashion and the emergence of new items of wardrobe and related clothes names. For this purpose the author employs historical, etymological, cognitive methods of analysis. It is established that most men's clothes names and their details, accessories appeared in the Baroque epoch under the influence of the personality of the King as well as historical and cultural events, for example, the Thirty Years' War.

Semantic derivation, word formation and borrowings as well as metonymy are used as means of nomination. Some lexical processes for the names of mens' clothes have been established: narrowing or widening of the lexical meaning of the word, its relevance in the contemporary language or its way out of use in subsequent epochs.

In the XVII–XVIII centuries the phenomenon of fashion reaches its heyday in Italy and France. France becomes the fashion trendsetter on the world stage. The article also establishes that it is under the influence of the personality of the king in France that a child code of fashion is formed during this period.

The style of the Baroque is known for its excesses in everything, including in the elements of clothing decor. Therefore, much attention is paid to etymological analysis and consideration of the emergence of nominations of various accessories, such as a wig, a heel, and a bow. In the Baroque era, they were a necessary element of a luxurious court costume and were also often dictated by the personality of the king.

Key words: nomination; means of nomination; historical and etymological analysis; baroque; esthetic function of clothes; men's fashion.

Введение

Барокко (от ит. *barocco* – причудливый, португ. *pérola barroca*, букв. 'жемчужина причудливой формы') – эпоха европейской культуры XVII–XVIII вв. [Encyclopédie Larousse...]. Франция в этот период оказывает большое политическое и культурное влияние на другие страны, французский язык становится международным. Франция первая в мире начинает экспортировать модные туалеты и предметы роскоши: кружева – *dentelles*, перчатки – *gants*, бижутерию – *bijoux*, шелковые чулки – *bas en soie*.

В 1672 г. во Франции начал издаваться литературный журнал *Mercure Galant* (просуществовал до 1714 г.). Он был основан писателем, журналистом и издателем Жаном Донном де Визе. В журнале впервые стали появляться статьи о моде. В разделе светской хроники печатались обзоры моды с описанием моделей и указанием, когда и что следует носить. Публиковались, в том числе и на обложке, картинки модной одежды с описанием. Например: *Manteau de drap de Hollande couleur de feu doublé de velour noir au pluche de couleur*. Это описание свидетельствует о том, что в моде была одежда ярких цветов (в данном случае огненно-красного цвета).

В истории искусства стиль барокко – величественный, даже напыщенный. Пышные наряды и роскошные интерьеры отразили праздность и тщеславие аристократии того времени. В это время формируется концепция более легкого времяпрепровождения, развлечений, которое породило такие новые слова, как: *promenade* (недлительная приятная прогулка – 1690 г.) – *voyage facile et de courte durée* вместо паломничества; *carrousel* (место для развлечений с каруселью – 1740 г.) – *lieu où se trouve un carrousel* вместо рыцарских турниров; *bal* (бал – 1794 г.) – *lieu où l'on dance* вместо мистерий. Получает распространение пейзажная и портретная живопись, а духовная музыка заменяется светской игрой причудливых звуков. Мода приобретает эстетическую и социальную функции.

Основная часть

Настоящая модная революция начинается с восшествием на французский престол Людовика XIV. В истории моды этот период считается наиболее абсурдным, когда модные тенденции были максимально оторваны не только от первостепенных функций моды, но и от человеческих пропорций.

Людовик XIV вступил на престол 5-летним ребенком, за него правила регентша-мать, королева Анна Австрийская. Но даже в этот период моде всего королевского двора был присущ оттенок детскости: подражая малолетнему королю, придворные начинают носить короткие одежды распашоночного кроя с обилием рюш и длинные волнистые волосы. Зато этот период впервые в истории обозначил формирование вестиментарного кода детской моды. В 1636 г. у одного из основных компонентов лексико-семантического поля «Одежда», существительного *robe* появляется значение *robe d'enfant* «*vêtement d'enfant*» [Encyclopédie Larousse...].

С началом правления Людовика XIV кардинально изменяются идеалы мужской красоты. Красавцем теперь принято называть мужчину, необремененного физическим трудом. Предпочтение отдается тонким кистям, непригодным к работе, но лишь к ласкам, и тонким ножкам, исполняющим утонченные па. Мода подчеркивала именно эти нюансы: штаны становятся короткими, с разрезами для удобства порхания на балах – *culottes courtes*; рукава с манжетами – *manches avec les manchettes*, с 1784 г. манжеты появляются даже на ботинках (*manchettes de bottes*), дабы подчеркнуть изящество ступни [там же].

Стоимость и роскошь нарядов достигает фантастической величины, один из костюмов Людовика XIV имел около 2 тыс. алмазов и бриллиантов. Пословица того времени гласила: «Дворянство носит свои доходы на плечах». В мужском гардеробе должно было быть не менее 30 костюмов по числу дней в месяце – и менять их нужно было ежедневно [Encyclopédie Larousse...]. Среди дворянства считалось особой привилегией присутствовать при утреннем переодевании королевской персоны, на которое уходило не менее двух часов.

К концу XVII в. в основном складываются три важных компонента, из которых и сегодня состоит мужская одежда: *сюртук* – *redingote*, *жилет* – *gilet* и *штаны* – *culottes*. Таков прототип костюма тройки.

Наименование *redingote* – *сюртук* – порождение именно эпохи барокко, так как появилось только в 1725 г. и означало мужской предмет одежды, представляющий собой длинную куртку с ремнем, пересекающим баску, которое изначально было предметом одежды кавалериста («*vêtement d'homme, longue veste croisée à basques, qui est à l'origine un vêtement de cavalier*») [Centre National de ressources...]. Форма *redignote* образована путем калькирования английского этимона *riding-coat* – *кавалерийская одежда* (герундий от глагола *ride* – *ездить верхом* и *coat* – *пальто*) и фонетической адаптации лексемы под французское произношение.

На формирование номинаций подобного типа повлияло крупное историческое событие XVII в. – Тридцатилетняя война (1618–1648), способствовавшая формированию мушкетерских деталей одежды в мужском гардеробе: *chapeau, plume mousquetaire en feutre noir* – *черная мушкетерская шляпа, украшенная пером*; *Col mousquetaire* – *женский воротник в стиле мушкетера*; *Poignet mousquetaire* – *отворот рукава по-мушкетерски, на пуговицах крепящийся к манжете*, *gant à la mousquetaire* – *перчатка мушкетерская с широким манжетом*, *botte mousquetaire* – *мушкетерские сапоги с широкими отворотами* [там же].

Само наименование *mousquetaire* возникло в 1673 г. – имя собственное одного из кавалеристов короля – «*cavalier d'une des deux compagnies de la Maison du roi*» [Le dictionnaire de L'Académie française 1694, vol. 2, p. 59]; а в 1733 г. оно начинает означать стиль в моде.

В XVII в. также входит в моду мужской жилет, актуальный компонент мужского гардероба (в частности костюма-тройки) до сих пор. Сам термин *gilet* имеет старомагрибское происхождение, во

французском языке зафиксирован с 1664 г. и означает камзол без рукав, носившийся рабами-христианами на галерах («*camisole portée par les esclaves chrétiens sur les galères*»), в свою очередь, форма заимствована от тюркской *yelek* – *камзол без рукавов* – *camisole sans manches*) (www.cnrtl.fr/etymologie/gilet).

Форма *culotte* – *штаны*, образованная во французском языке еще в конце XVI в. и обозначавшая *Hault de chausses à la culote* – то, что над шоссами до пояса, от *culot* – задняя часть чего-то [Dauzat 1987], появляются укороченные штаны – *culotte*, *culotte* также приобретает значение женского нижнего белья (от талии до середины бедра), позже появится современное значение *les petites culottes* – *женские трусы / шорты* и наименование *jupe-culotte* – *юбка-шорты*. Таким образом, мы видим существенное расширение лексического значения данного наименования. На протяжении всего века *culotte* стало универсальным наименованием нижней поясной одежды (как верхней, так и белья) для лиц обоего пола.

Эпоха Людовика XIV знаменита появлением париков (*perruquiers*). В детстве у «короля-солнце» были прекрасные волосы. Но, облысев из-за болезни, он вынужден был заказать парик. Так, парики превратились в неотъемлемую часть костюма на 150 лет! Термин *perruque* датируется 1564 г., *parrucque* появилось в 1465 г. в старофранцузском, вероятно заимствовано из итальянского – *parrucca* (*шевелюра*) [Nouveau dictionnaire... 1987].

Самым модным оттенком парика считался золотистый или рыжеватый причесанный на пробор посередине. Позднее появляется парик и из каштановых волос, цвет меняли трижды в день: утром – черный, днем – каштановый, а к торжественным ужинам – светлый. Парики из белокурых волос имели право носить только члены королевской семьи согласно специальному придворному указу.

Прическа также могла быть дополнена хорошо напудренным шиньоном (*postiche bien poudrée*). В 1609 г. зафиксирована форма *postice* со значением «вероятный» (*supposé*); в 1671 г. появляется современная форма *postiche* со значением «заимствованный, искусственный» (*emprunté, artificiel, s'oppose à naturel*) (www.cnrtl.fr/etymologie/postiche); в 1690 г. *postiche* начинает употребляться непосредственно в значении «шиньон» (*faux cheveux*). Термин заимствован из итальянского от формы *posticcio* – *искусственный*.

Удлиненный парик пирамидальной формы назывался *аллонж* (от фр. *allonger* – удлинять). Именно в аллонже мужская голова максимально походила на голову льва, обрамленную гривой, что производило неизгладимое впечатление на дам. Так, *perruque* – парик вытеснил собой бывшей еще недавно в активном придворном употреблении *chapeau en feutre à la mousquetaire* – шляпа мушкетера. Но и торжество парика продлилось недолго, так как в XVIII в. мода часто диктовалась одной влиятельной личностью, с ее уходом могли происходить резкие перемены. Так, уже в 1765 г. у французского слова *perruque* появляется переносное значение – человек, застрявший в своем времени и не следящий за модой – *se dit d'une personne obstinément attachée au passé, dépassée par son temps* (www.cnrtl.fr/etymologie/perruque). Это свидетельствует о том, что сложные объемные парики к концу века начинали выходить из моды, уступая место более легким и естественным прическам.

Середина XVII в. – период так называемой детской моды (период малолетства Людовика XIV) (www.cnrtl.fr/etymologie/perruque); порождает новшества в мужском костюме. Теперь костюм состоит из короткой и свободной курточки, наподобие распашонки – *брасьер* – *brassière*. Интересно проследить эволюцию значения данного термина. Появившись в 1278 г. в качестве элемента поддоспешной одежды (*garniture intérieure placée sous l'armure pour la défense des bras* – внутреннее обмундирование под доспехи для защиты рук рыцаря), 1341 г. приобретает значение светской верхней мужской одежды (*sorte de camisole* – вид камзола) (www.cnrtl.fr/etymologie/brassi%C3%A8re). Широкое распространение термин получает в эпоху Людовика XIV за сходство с детской одеждой короля. Образовано от существительного *рука* (*bras*) с помощью суффикса *-ière*, который обозначает принадлежность предмета для чего-либо, в данном случае – для защиты рук (*qui, accolé au nom d'une partie du corps, sert à désigner la partie de l'armure ou du harnachement qui se trouve en contact avec elle*). По данной словообразовательной модели в старофранцузский период были образованы многие наименования рыцарского обмундирования: *têtière* – наголовник, *muselière* – намордник, *ventrière* – подпруга, *jambière* – поножи, *œillère* – наглазник. Со временем значение брасьер сужается, в XIX в. оно обозначает лямки, по месту крепления к телу, например, лямки рюкзака – *bretelles de havresac* с 1838 г. (www.cnrtl.fr/etymologie/brassi%C3%A8re).

Современное значение термина «бюстгальтер», который тоже держится на лямках.

Штаны и рукава эпохи Людовика XIV отличаются короткой длиной и очень свободны, как шаровары, подвязываются к низу лентами и именуются *rhingrave* – *рэнгравами*, термин обязан своим появлением г-ну Ренграв Фредерику (Monsieur le Rhingrave Frédéric Rheingraf) [Encyclopédie Larousse en ligne], правителю Маастрихта, женатому на француженке и распространившему моду среди придворных на такой вид штанов, Reingraf – это титул графа Рейнского (rhénane «comte du Rhin»), образованный от названия реки Рейн (Rhein «Rhin»). Собственно слово *граф* (*comte*) впервые фиксируется в 1549 г. в «Государственных документах кардинала Гранвиля» («Papiers d'État du Cardinal de Granvelle»), первого министра и ближайшего советника испанского короля Филиппа II [Веденина 1997, с. 271]. Частотность термина резко упала со сменой моды, сегодня значение сузилось до названия вида рукава *реглан*, оставшегося в основном в профессиональной лексике модельеров.

Поверх штанов одевалась короткая юбка *basque* (*баска*), которую носили низко спущенной так, что она скорее напоминала широкую оборку.

Термин *basque* зафиксирован в 1532 г. в значении «часть ткани, располагающейся над поясом корсажа или пурпуэна» – «partie d'étoffe située au-dessous de la ceinture du corsage ou du pourpoint» (www.cnrtl.fr/etymologie/basque). Образовано от провансальской формы *basto* – *ткань в складку* (*troussis, rempli d'étoffe*). Сегодня значение термина сузилось до обозначения элемента декора женской одежды – широкой оборки, обычно располагающейся по линии талии юбки.

Наряд XVII в. был отделан *оборками* – *fioritures*, *бахромой* – *frange*, *лентами*, *кружевом* – *dentelles*, *лентами* – *rubans* и *бантами* – *noeud*.

Интересно, что само наименование *noeud* появилось в 1171–1190 гг. в значении «декор одежды» («ornement vestimentaire»), однако именно форму банта вместе с соответствующим значением и его разновидностями получило лишь при «короле-солнце», так в 1688 г. появляется бант на плечо – *noeud d'épaule*, в 1690 г. – *узел галстука* – *noeud de cravate*, позднее – *бабочка* – *noeud papillon*.

Подражая «королю-солнце», модники придумывали бантам всё более невиданные места: на левом плече, на буфе рукава, на перчатке, на туфле – везде. Импозантный бант эпохи Людовика XIV

назывался *гальянтом* (фр. *galant*). Так возникло прилагательное *галантный* (*galant*) и на базе метонимии – существительное *франт* (*le galant*), а сама эпоха стала именоваться *галантной* (www.larousse.fr/encyclopedie/rechercher?q=galant&t=). На одном придворном костюме могло быть нашито 500–600 бантов, на которые уходило от 1 до 30 м. ленты. Банты вплетали даже в парики. Розетки (*rosettes*) из лент и банты (*poeuds*) крепились на туфли, так что придворный походил на мохноногого голубя. Отсюда возник *пижон* (фр. *Pigeon – голубь*). Термин *pœud* в эпоху барокко начинает выполнять не только семантическую, но и престижную, социальную роль.

К концу XVII в. мужчины стали носить кафтан *жюстокор* (от фр. *Juste au corp – близко к телу*) – длинный плотно прилегающий пиджак до колен, именно он послужил прототипом современного мужского костюма-тройки.

В «*Mercure Galant*» находим: «On avait donné à tous les Soldats les justau-corps de drap gris-blanc qui est leur vêtement ordinaire» [*Le Mercure galant* 1701, с. 247]. Термин появился в 1617 г. и писался вначале через типе *justau-corps*, так как образован путем сложения французского наречия *juste – ровно*, предлога *au – на* и существительного *corps – тело* (www.cnrtl.fr/etymologie/justaucorps). С 1666 г. написание становится слитным *justaucorps*, что свидетельствует о быстром вхождении термина в узус и его широком распространении. В настоящее время термин *justaucorps* употребляется лишь в довольно узком, даже специальном значении гимнастического купальника.

Под жюстокор надевали *весту* (*veste*), которая не имела рукавов и выполняла роль жилета. Это была распахнутая одежда, длиной до колен, прилегающая к телу и имеющая расширения к низу.

Термин *veste* датируется 1578 г. и обозначает четырех полый предмет одежды до колен, поддевавшийся подо что-либо («*vêtement à quatre pans descendant jusqu'aux genoux et se portant sous l'habit*»), заимствован из итальянского – *veste* (элемент одежды «*vêtement; élément de l'habillement*»), данная форма слова, в свою очередь, имеет латинское происхождение – *vestis, acc. veste (m)*. Именно в XVIII в. весту начинают носить отдельно. В 1778 г. у нее появляется значение верхней одежды до бедер с рукавами, вначале носимой прислугой и представителями определенных профессий – «*vêtement de dessus à manches, s'arrêtant aux hanches, porté d'abord par les domestiques ou les membres de certaines professions*») (www.cnrtl.fr/etymologie/veste).

Сегодня лексическое значение *весты* сохранилось в примерно том же объеме – она обозначает верхнюю куртку любой длины, для представителей обоих полов.

На шею повязывали кружевной воротник – *галстук* (*jabot*). Термин появляется в 1680 г. и означает кружевной декор на воротнике рубашки под горлом («ornement de dentel attaché sur l'ouverture de la chemise au-dessous de la gorge»), образовано от латинской основы *gaba, от нее же – французские существительные *gorge*, *gosier* (www.cnrtl.fr/etymologie/jabot).

Претерпела изменение и обувь, если в первой половине XVII в. мужчины носили исключительно сапоги, то во второй половине – их частично заменили туфли с высокими каблуками.

Существительное *каблук* (*talon*) изначально употреблялось лишь в своем первостепенном значении «пятка». В 1611 г. у него также появляется значение «пятка туфли» часть обуви, закрывающая пятку («partie de la chaussure couvrant le talon, talon d'un soulier»). В 1680 г. появляется собственно каблук (кусочек дерева, с подкладкой, прикрепляемый к подошве, где находится каблук – «morceau de bois, ensemble de lamelles de cuir ajoutées à la semelle à l'endroit où repose le talon») (www.cnrtl.fr/etymologie/talon). В его времена знать жаловала красные каблуки. Людовик был небольшого роста, поэтому считается, что именно он ввел моду на каблуки. Можно найти метафоричные выражения той эпохи *маленькие господа на красных каблуках* – *petits maîtres français en talons rouges* у Вольтера и метонимичное *nos talons rouges* – *наши красные каблуки* у Годе.

Заключение

Людовика XIV еще при жизни называли «король-солнце». Именно при нем Франция превращается в столицу моды, а сама мода фактически диктуется одним человеком – самим королем, затем его приемником. На женскую моду большое влияние оказывает та или иная фаворитка короля. В эпоху барокко возрастет именно роль конкретной личности в истории, в том числе моды. Король сам диктовал стиль одежды и вводил в моду те или иные предметы, издавая специальные указы (*ordonnances*), согласно которым знать обязана была одеваться. Так, Людовик XIV, например, не любил черный цвет, и с тех пор этот цвет стал использоваться исключительно для траурной одежды (www.larousse.fr/encyclopedie/rechercher?q=louis+XIV+noire&t=). Эта

его функция актуальна и по сей день. Существовал даже придворный распорядок дня, где были прописаны мероприятия на день, включая смену нарядов и цвет париков. Парики, каблуки и трости короля копировал весь цивилизованный мир, а фаворитки уже после первого выхода в свет становились иконами стиля.

Таким образом, на первый план в эпоху барокко выходят эстетическая, декоративная и престижная функции моды. В лексике это отразилось появлением новых наименований многочисленных деталей декора и аксессуаров пышного, по сегодняшним меркам, даже немного комичного костюма эпохи барокко. Многие лексемы актуальны по сей день, например, *каблук (talon)*, другие воспринимаются как историзмы, т. е. их лексическое значение существенно сужается – *жабо – jabot*. У некоторых сужается сфера применения. Так, *парик – perruque* уже не носится повсеместно и всеми, но лишь используется для особых случаев или при необходимости.

Можно утверждать, что именно в эпоху правления «короля-солнце», концепт моды впервые персонифицируется, будучи непосредственно связанным с определенной личностью и развиваясь в прямой зависимости от нее, расширяются такие семиологические функции модной одежды, как эстетическая и престижная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Франция. Лингвострановедческий словарь / под ред. Л.Г.Ведениной. М. : Интердиалект : АМТ, 1997. 1040 с.
- Centre National de ressources textuelles et lexicales. URL: www.cnrtl.fr/etymologie/
- Encyclopedie Larousse en ligne. URL: www.larousse.fr/encyclopedie/oeuvre/la_Fillette_aux_bulles_de_savon/181370
- Le dictionnaire de l'Academie française, dedié au Roy: 2 vols. P. : Coignard, 1694, unpaginated.
- Le Mercure Galant. P. : au Palais, 1701. Vol. 1. 247 p.
- Nouveau dictionnaire étymologique et historique / A. Dauzat [at al.]. P. : Larousse, 1987. 804 p.

УДК 81'373

И. А. Семина

доктор филологических наук, доцент; заведующая кафедрой лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка МГЛУ;
e-mail: nachakafedra@gmail.com

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУБСТАНТИВНОЙ ШИРОКОЗНАЧНОСТИ (на материале предметных существительных современного французского языка)

Настоящая статья посвящена выработке определения для широкозначных существительных, представленных конкретными именами современного французского языка.

Актуальность подобного исследования объясняется, с одной стороны, значимостью широкой семантики для французского языка, как аналитического. С другой – необходимостью выявления особенностей широкой семантики не только абстрактных имен, уже достаточно изученных с этой точки зрения, но и имен конкретных, привлекавших внимание лингвистов гораздо в меньшей степени, как слов «пониженного содержания» (low content nouns).

Подобное исследование проводится нами на материале антропонимов, представляющих собой нарицательные существительные, обозначающие человека и оставляющие одну из крупнейших номинативных категорий. Специфика последней заключается, в частности, в том, что составляющие ее антропонимы могут быть распределены по трем уровням категоризации: антропонимы широкой семантики располагаются на верхнем, суперординатном и среднем, базовом уровнях; узкозначные – на нижнем, субординатном.

На основе анализа антропонимов нами выделены основные системные критерии широкозначной семантики, которые свойственны также и другим широкозначным конкретным именам.

В качестве самых важных критериев нами названы гиперо-гипонимический, референтный, концептуальный и идентификационный. Гиперо-гипонимический критерий означает способность широкозначных антропонимов выступать в роли гиперонимов и / или гипонимов по отношению друг к другу и к узкозначным именам, указывая таким образом на связь явления широкозначности и гиперогипонимии в языке. Референтный критерий связан с определением специфики референта широкозначных существительных, референтная база которых представляет собой наиболее широкий класс, реферирующий ко всем людям, живущим на Земле, для антропонимов суперординатного уровня, и менее широкий класс для антропонимов среднего уровня. Концептуальный критерий характеризует широкозначные конкретные имена с точки зрения их концептуального содержания, которые для антропонимов суперординатного уровня сводятся к одному очень широкому признаку «принадлежность к человеческому роду». Антропонимы среднего уровня имеют широкую семантику за счет наличия в их словарных дефинициях «семантических пустот». Наконец, идентификационный критерий указывает

на свойство широкозначных антропонимов участвовать в интерпретации антропонимов нижестоящих уровней категоризации.

В работе подчеркивается, что изучение широкой семантики конкретных имен способствует не только созданию типологии лексических значений, куда широкое значение входит как лексико-семантическое явление, особый семантический тип, как значение особого рода и разновидность лексической семантики. Выделение особенностей широкозначных имен также вносит вклад в понимание статуса широкозначности как важнейшего лингвистического явления.

Ключевые слова: широкозначные существительные; антропонимы; критерии широкозначности – референтный, концептуальный, идентификационный, гиперогипонимический.

I. A. Syomina

Doctor of Philology, Head of the Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French Language, MSLU; e-mail: nachakafedra@gmail.com

THE NOTION OF WIDE-MEANING (based on the study of concrete nouns in modern French)

The given article is aimed at defining wide-meaning concrete nouns in modern French. The topicality of the study is accounted for by the high relevance of wide semantics to the French language due to its analytical nature. Moreover, wide-meaning concrete nouns, often related to as “low content” ones, have been obviously under-investigated. The present research is carried out on the material of anthroponyms of one of the largest nominative categories, namely common nouns. There are three levels of categorization singled out: the upper, or superordinate level; the medium, or basic level (both containing anthroponyms of wide semantics); and the lower, or subordinate level (composed of narrow-meaning anthroponyms). The analysis of the above-mentioned lexical units allowed the author to single out the major systemic criteria of wide semantics, which can be applied to other wide-meaning concrete nouns. Among major criteria there can be mentioned hyper-hyponymic, referential, conceptual and identification ones. The hyper-hyponymic criterion presupposes the ability the wide-meaning anthroponyms to become hyperonyms and/or hyponyms either in reference to each other or to narrow-meaning names. Thus, a connection between the notions of wide-meaning and hyper-hyponymy is established.

The referential criterion refers to the specificity of the referent of wide-meaning nouns: the anthroponyms of superordinate level refer to all human beings in the world, while anthroponyms of the medium level refer to nouns of a more narrow class. The conceptual criterion describes wide-meaning nouns in terms of their conceptual content. For superordinate level it is a most wide-meaning – “being a part of mankind”. The medium-level anthroponyms are characterized by middle semantics due to the so called “semantic gaps” in their definitions.

The identification criterion refers to the ability of wide-meaning anthroponyms to interpret anthroponyms of lower levels of categorization.

Thus, the investigation of wide-meaning concrete nouns contributes to the creation of a typology of lexical meanings, where the meaning is represented a lexico-semantic phenomenon, a particular semantic type viewed as a variety of lexical semantics. The research into the peculiarities of wide-meaning nouns fosters understanding the status of wide-meaning as a major linguistic phenomenon.

Key words: wide-meaning nouns; anthroponyms; reference; conceptual; identification; hyper-hyponymic criteria.

Явление широкозначности, или эврисемии, уже не одно десятилетие привлекает внимание таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Амосова, Н. Ф. Алефиренко, М. Я. Блох, В. Г. Гак, Е. А. Реферовская, Д. Н. Шмелев, А. А. Уфимцева, Н. В. Феоктистова, Л. Ф. Кистанова, Р. Р. Николаевская, С. А. Красногирева, М. А. К. Halliday, R. Hasan, S. Ullman, H.-J. Schmid, R. Tvanĭĉ, G. Francis, Z. Vendler. Этот факт не может не свидетельствовать о значимости данного феномена для исследования языка. В частности отмечается, что изучение данного типа семантики важно для создания типологии лексических значений [Шмелев 1973]. Широкозначность понимается исследователями как лексико-семантическое явление (В. Я. Плоткин, А. Я. Гросул), как особый семантический тип (Л. Б. Лебедева), как значение особого рода и разновидность лексической семантики (Н. Н. Амосова).

Изучение явления широкозначности связано, в частности, с необходимостью выявить особенности широкого значения различных частей речи – существительных, глаголов, прилагательных, предлогов, местоимений. Более того, свою специфику имеют лексические группы внутри каждой части речи, например абстрактные широкозначные существительные по сравнению с конкретными субстантивами широкого значения. Широкозначный характер конкретных, предметных существительных не получил своего уточнения в лингвистике. Этот факт мы объясняем прежде всего тем, что изучение эврисемии, как разновидности значения языковой единицы осуществлялось главным образом на материале глаголов. Субстантивы широкого значения исследовались гораздо менее активно. При этом описание их широкой семантики осуществлялось в большинстве случаев на материале англоязычных абстрактных существительных.

Ограниченный характер исследования субстантивной эврисемии объясняется также тем, что конкретные широкозначные имена, в том числе антропонимы, не составляли объект отдельного исследования по эврисемии. Они, как правило, не различались по степени широты

значения, в результате чего такие лексемы, как *растение, животное, человек*, ставились в один ряд со словами, характеризующимися меньшей степенью широкозначности – *дерево, зверь, мужчина, женщина*. Конкретные существительные широкого значения интерпретировались исследователями, с одной стороны, как слова пониженного содержания (*low-content nouns*) [Bolinger 1977], с другой – как суперординатные члены класса широкозначных имен [Halliday, Hasan 1976].

Актуальность изучения широкозначности приобретает особую значимость для языков аналитического типа, в частности для французского языка. Прежде всего отметим, что эта разновидность лексической семантики свидетельствует о тенденции к систематическому развитию максимальной абстракции внутри любой части речи (существительного, местоимения, союза, предлога, глагола), где имеется единица, адекватно реализующая специфические признаки определенного разряда или класса слов в целом. Такие слова, называемые В. Брендалем «универсалиями» (*universaux*) способны употребляться в значениях и функциях слов своего класса. Для французского языка это существительное *chose f*; местоимения *ce, qui (quoi), il*; глагол *faire*; союз *que*; предлог *de* [Brøndal 1956].

Исследователи подчеркивают, что для языков аналитического строя категория широкозначности имеет особое значение. По мнению В. Г. Гака, во французском языке, принадлежащем к аналитическому строю, слова широкого значения используются в большей степени, чем, например, в немецком и русском языках. Способность французского языка употреблять слова, широкие по своему значению, связывается не столько с особыми свойствами мышления французов, сколько, прежде всего, с особенностями французского словообразования [Гак 1960; 1977]. Ученый отмечает, что содержание лексических единиц французского языка характеризуется большей широтой, меньшей спецификацией значения по сравнению с русской лексикой. Например, французское *pot m* может называть русские: *кувшин, бидон, кринку, вазу, банку, баночку*, так как это слово употребляется применительно к любому сосуду независимо от формы, размера, материала и назначения. Французское *manifestation f* обозначает любое выступление: *демонстрацию, митинг, собрание, забастовку* [Гак 1977, с. 79].

Взаимосвязь аналитизма и широкозначности подчеркивается также в исследованиях, проводимых на материале английского и немецкого языков. Так исследуя сферу глагольной лексики в английском

языке, Е. Л. Соболева связывает становление особой подсистемы широкозначных слов с проявлением аналитизации строя данного языка [Соболева 2001].

С. Ульман, отмечая, что французский язык традиционно считается языком с высокой степенью абстрактности, противопоставляет его немецкому, где преобладают конкретные слова с частным значением (при этом термины «конкретный» и «абстрактный» используются не в их обычном смысле, а как синонимы слов *частный* и *общий* [Ульман 1970, с. 261]). Чтобы показать отличие французского языка, в котором обнаруживается тенденция к употреблению общих наименований, от немецкого и даже английского языков, более тяготеющих к частным названиям. Так, например, лингвист отмечает, что в ряде случаев одному глаголу французского языка с родовым значением соответствует в немецком три или четыре специфических глагола: фр. *aller* = нем. *gehen* – *идти*, *reiten* – *ехать верхом*, *fahren* – *ехать*; фр. *être* = нем. *stehen* – *стоять*, *sitzen* – *сидеть*, *liegen* – *лежать*, *hängen* – *висеть*; фр. *mettre* = нем. *stellen* – *ставить*, *setzen* – *сажать*, *legen* – *класть*, *hängen* – *вешать*. Детальные различия, выражаемые немецкими глаголами, во французском языке часто остаются невыраженными или выражаются с помощью контекста, кроме того случая, когда эти различия необходимо подчеркнуть и когда для их выражения добавляются дополнительные элементы: *être debout* – *стоять* (букв. 'быть стоя'); *aller à cheval* – *ехать верхом* (букв. 'идти на лошади') и т. д.

Другим примером, подтверждающим тенденцию французского языка как аналитического, употреблять общие значения, является тенденция к использованию префиксов для спецификации разных видов действия выражаемого глаголом в немецком языке, в то время как во французском добавочные оттенки значения игнорируются. Ср.:

нем. *setzen* – *ставить*, *ansetzen* – *приставлять* – фр. *mettre*;

нем. *schreiben* – *писать*, *niederschreiben* – *записывать* – фр. *écrire*;

нем. *wachsen* – *расти*, *heranwachsen* – *вырастать* – фр. *grandir*.

В английском языке имеется тенденция к передаче этих оттенков значения с помощью постпозитивов в составе фразовых глаголов: *to put on* – *надевать*, *to write down* – *записывать*, *to grow up* – *созревать*, *вырастать* [Ульман 1970, с. 262–263].

Относя дихотомию «общее значение – частное значение» к семантическим универсалиям, С. Ульман справедливо считает, что «их

изучение связано с комплексной проблемой отношений между словарем и культурой, внутри которой необходимо выделить проблему использования слов с частным и общим значением на различных ступенях цивилизации и в разных условиях» [Ульман 1970, с. 264–265].

Продолжая тему сопоставления лексических систем, отметим, что отношение того или иного языка к общему / частному значению наглядно проявляется также в исследованиях, посвященных специфике перевода с одного языка на другой [Рецкер 1974; Швейцер 1988; Николаевская 2003; Псурцев 2004; Фирсов 2003; Матузкова 1989]. Так, например, факт большего тяготения английского языка как языка аналитического строя к широкозначной лексике показан А. И. Шеиным на примере перевода англоязычных художественных текстов на русский, при преимущественном использовании приема конкретизации значения, например:

Lighting a lamp, Wing Biddlebaum washed the few dishes soiled by his simple meal and, setting up a folding cot by the screen door that led to the porch, prepared to undress for the night (Anderson)

Крыло Бидлбаум зажег лампу, вымыл посуду после своего скудного ужина, поставил перед сетчатой уличной дверью койку и начал было раздеваться (Андерсон)

перевод А. И. Шеина.

Понятие, выражаемое русским словом *ужин* с точки зрения интенционала уже, чем понятие, выражаемое английским словом *meal*. В подобных случаях, в зависимости от контекста, переводчик выбирает один из гипонимов: *завтрак*, *обед* или *ужин*.

Особый интерес представляют выводы А. И. Шеина относительно специфики перевода английской конкретной лексики общего значения, выраженной антропонимами, на русский язык. Исследователь предлагает заменять широкозначные антропонимы типа *man*, *woman*, *person*, *creature* на конкретные имена собственные или существительные типа *старик*, *солдат*, *прохожий*, *хозяйка* и др. в зависимости от контекста [Шейн 2009, с. 21]. Данный пример подтверждает тенденцию к широкозначности языка аналитического строя, каковым является английский, по сравнению с такими синтетическими языками, как русский язык.

В результате отсутствия фундаментальных исследований широкозначного характера как конкретных имен существительных, так

и многих других частей речи – прилагательных, предлогов, местоимений и т. д. – до сих пор не было выработано определение широкозначности для каждой части речи, не выявлены характерные для них критерии широкозначности. В своих работах исследователи эврисемии до сих пор опираются на определение широкозначности, предложенное в 1950-х гг. Н. Н. Амосовой, имеющее достаточно общий характер. Широкозначность как разновидность лексического значения определяется ею как «значение особого рода, соотносимое с понятием широкого объема, обладающее высокой степенью обобщения в языке, получающее известное сужение и конкретизацию в речи» [Амосова 1957, с. 162]. Данное определение явилось базовым для большинства отечественных лингвистов, изучающих понятие широкозначности.

Учитывая тот факт, что конкретные существительные вообще и французские, в частности, были недостаточно изучены в аспекте эврисемии, мы поставили целью рассмотреть специфику широкозначного характера предметных существительных современного французского языка на примере важнейшего лексического пласта, состоящего из антропонимов. Последние представляют собой совокупность лексем, называющих человека. В их числе содержатся имена собственные, имена собирательные, а также имена нарицательные. Именно они, будучи существительными конкретными, и составили объект нашего исследования.

В системе языка французские антропонимы образуют номинативную категорию, в рамках которой антропонимы могут быть условно размещены на трех уровнях категоризации – суперординатном, среднем (базовом), субординатном. Степень принадлежности имени к тому или иному уровню определяется на основе комплекса критериев, составляющих системные характеристики антропонимов с точки зрения их широкозначного характера: гиперо-гипонимического, референтного, концептуального, идентификационного.

Прежде чем рассматривать названные выше критерии, отметим, что на суперординатном уровне располагаются так называемые собственно широкозначные антропонимы, которые в наибольшей степени отвечают критериям широкозначности. Условно широкозначные антропонимы, допускающие отклонения от критериев, располагаются на базовом уровне. Наконец, на субординатном уровне размещены узкозначные лексем (см. рис. 1).

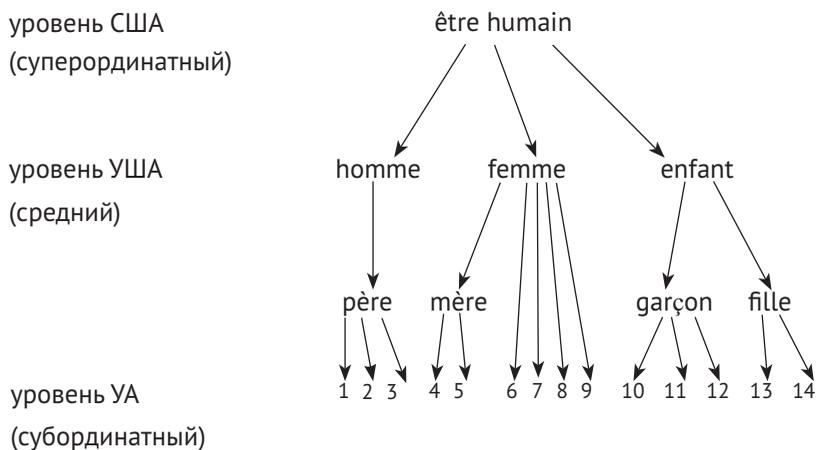

Рис. 1. Поуровневая система категории антропонимов современного французского языка

Продемонстрируем перечисленные выше критерии на фрагменте иерархической поуровневой системы антропонимов современного французского языка, где 1. *grand-père m*; 2. *nourricier m*; 3. *parent m*; 4. *grand-mère f*; 5. *belle-mère f*; 6. *chipie f*; 7. *entraîneuse f*; 8. *mijaurée f*; 9. *perruche f*; 10. *gamin m*; 11. *dadain m*; 12. *marmot m*; 13. *gamine f*; 14. *morveuse f*.

Гиперо-гипонимический критерий означает способность широкозначных антропонимов выступать в роли гиперонимов и / или гипонимов по отношению друг к другу и к узкозначным именам, указывая таким образом на связь явлений широкозначности и гиперогипонимии в языке.

Широкозначность и гиперо-гипонимия носят многоступенчатый характер. Каждая единица более высокого уровня является более широкой по значению и одновременно выступает как гипероним по отношению к единицам нижнего уровня. Единица более низкого уровня является менее широкой по значению и выполняет функцию гипонима по отношению к соответствующей единице высшего уровня. Собственно широкозначный антропоним суперординатного уровня *être m humain* выполняет только функцию гиперонима, узкозначные единицы субординатного уровня – только функцию гипонимов. Условно широкозначные лексемы среднего уровня осуществляют

функции гиперонима и гипонима одновременно. Так, условно широкозначные антропонимы верхней ступени среднего уровня *homme m*, *femme f*, *enfant m* играют роль гипонима по отношению к гиперониму, выраженному собственно широкозначным антропонимом *être humain m*, и гиперонима по отношению к условно широкозначному антропониму нижней ступени среднего уровня, соответственно, *homme* → *père*; *femme* → *mère*; *enfant* → *garçon*, *fille*. Условно широкозначный антропоним нижней ступени среднего уровня является гипонимом по отношению к условно широкозначному антропониму верхней ступени (*père* → *homme*; *mère* → *femme*; *garçon*, *fille* → *enfant*) и гиперонимом по отношению к узкозначным, субординатным единицам (*père* → *grand-père*, *nourricier*, *parent*; *mère* → *grand-mère*, *belle-mère*; *garçon* → *gamin*, *dadain*, *marmot*; *fille* → *gamine*, *morveuse*) и т. д.

При этом единицы верхней ступени среднего уровня способны участвовать непосредственно в толковании единиц субординатного уровня, пропуская нижнюю ступень среднего уровня (например, *femme f* → *chipie f*; *entraîneuse f*, *mijaurée f*).

Референтный критерий связан с определением особенностей референтов широкозначных антропонимов. Любой из собственно широкозначных антропонимов, принадлежащих к суперординатному уровню категоризации – *homme m*, *personne f*, *individu m*, *humain m*, *être m humain*, *prochain m*, *semblable m*, *créature f*, *mortel m* – обозначает такой объект реального мира, как человек. Референтная база собственно широкозначного антропонима представляет собой наиболее широкий для антропонимических единиц класс, реферирующий ко всем людям, живущим на Земле, состоящий из подклассов разнородных объектов / событий с четко очерченными внешними и диффузными внутренними границами между ними.

Условно широкозначные антропонимы характеризуются менее широкой референтной базой, объединяющей не всех представителей человеческого рода, а лишь некоторые подклассы разнородных объектов, составляющих категорию ЧЕЛОВЕК (*enfant m* → *garçon m*, *fille f*), или подклассы разнородных и подклассы однородных объектов одновременно (*femme* → *mère*, *femme* → *chipie*, *entraîneuse*, *mijaurée*, *perruche*). Условно широкозначные антропонимы характеризуются широкозначностью различной степени и, соответственно, обозначают различные по объему и разнородности классы референтов: лексемы, реферирующие к более широким классам объектов, располагаются на

верхней ступени среднего уровня иерархической системы антропонимов – ближе к субординатному уровню (*homme m* – мужчина, *femme f* – женщина, *enfant m* – ребенок и пр.); лексемы, обозначающие менее широкий класс разнородных объектов, располагаются на нижней ступени среднего уровня (*père m*, *mère f*, *garçon m*, *fille f*).

В то же время каждый узкозначный антропоним субординатного уровня реферирует к классу однородных предметов, который можно представить следующим образом: *grand-père m* = *grand-père*₁ + *grand-père*₂ + *grand-père*₃... + *grand-père*_n; *chipie f* = *chipie*₁ + *chipie*₂ + *chipie*₃... + *chipie*_n; *fille f* = *gamine*₁ + *gamine*₂ + *gamine*₃... + *gamine*_n.

Референтные классы узкозначных антропонимов характеризуются однородностью составляющих их объектов и, как следствие, отсутствием подклассов и внутренних границ между ними.

Таким образом, в качестве референта широкозначных единиц выступает класс объектов с четко очерченными внешними и размытыми внутренними границами. Размытость внутренних границ позволяет говорить о референтной неопределенности этих лексем. Кроме того, все широкозначные антропонимы характеризуются разным объемом референтных классов (или референтных баз). В отличие от узкозначных антропонимических единиц собственно широкозначные антропонимы, реферируя ко всем представителям человеческого рода, имеют самую широкую референтную базу, а узкозначные – самую узкую. Она характеризуется отсутствием внутренних границ и объединяет однородные предметы и события, в отличие от базы широкозначных лексем, включающей в свой состав разнородные подклассы предметов (событий) и отличающейся наличием размытых внутренних границ между ними. Объем и разнородность состава референтного класса сокращаются в направлении от собственно широкозначных через условно широкозначные к узкозначным антропонимам.

Концептуальный критерий характеризует широкозначные антропонимы с точки зрения их концептуального содержания и связан с понятием концептуальной неопределенности. Последняя проявляется в размытости концептуального содержания слов широкой семантики, что находит свое отражение в их словарных дефинициях. Так, собственно широкозначные антропонимы концептуализируют объект (т. е. человека) на основе ограниченного количества характеристик, сводящихся в ряде случаев к одному, очень широкому признаку «принадлежность к человеческому роду»: *homme m* – *être (mâle ou femelle)*

appartenant à l'espèce animale la plus évoluée de la Terre; personne f – individu de l'espèce humaine и т. д.

Вследствие широты признака такие имена квалифицируются, как монопризнаковые, а также концептуально «пустые», что делает их частично похожими на местоимения. Несмотря на то, что признак «принадлежность к человеческому роду» сам по себе может представлять собой довольно сложную интегрированную сущность, в семантической структуре слова он является целостным, нерасчлененным и может рассматриваться как условно простой. Подобная монопризнаковость позволяет говорить о повышенной степени генерализации, обобщенности и о пониженной степени спецификации собственно широкозначных антропонимических единиц.

Для условно широкозначных антропонимов концептуальная неопределенность проявляется в словарных дефинициях в виде индикаторов «семантических пустот» – носителей концептуальной неопределенности, готовых к заполнению ближайшим контекстом при употреблении слова в дискурсе. Семантические пустоты представлены в словарных дефинициях:

1) лексическими единицами *quelque chose (qch)* или *quelqu'un (qn)*: *amateur m – любитель чего-л. – personne qui s'intéresse à qch; appréciateur, -rice m, f – ценитель – personne qui apprécie qch, qn;*

2) предельно широкозначным существительным *chose f*, которое может обозначать любой предмет, любое явление, мысль и т. д.: *créateur, -rice m, f – создатель, автор, основоположник – l'auteur d'une chose; maître m – хозяин – personne qui possède une chose, en dispose;*

3) существительным с неопределенным артиклем. Например, гипероним *adepte m – сторонник, приверженец – partisan d'une doctrine* содержит в своей семантической структуре существительное с неопределенным артиклем *une doctrine* в значении какая-либо доктрина, что указывает на семантическую пустоту, которая заполняется в соответствующих гипонимах различным содержанием: *aristotélien, -ne m, f – последователь Аристотеля – partisan de la doctrine d'Aristote; extrémiste m, f – экстремист partisan d'une doctrine poussée jusqu'à ses limites, ses conséquences extrêmes* и т. д.

Идентификационный критерий указывает на свойство широкозначных антропонимов участвовать в интерпретации других антропонимических единиц, выступая в качестве слова-идентификатора. Данное свойство зависит от объема референтной базы и особенностей

семантики широкозначных антропонимов. Идентифицирующая единица обладает более широким значением и находится на более высоком уровне классификационных отношений, чем идентифицируемая, обеспечивая, по Р. Ленекеру, более широкую и более узнаваемую точку отсчета для категоризации объекта, на который указывает слово с менее широким значением. Наибольшей идентификационной способностью характеризуются собственно широкозначные антропонимы, которые идентифицируют антропонимические лексемы всех уровней – суперординатного, среднего, субординатного. При взаимной интерпретации эти лексемы образуют нечто вроде замкнутого круга, например: *être* толкуется через *personne*, *personne* – через *individu*, *individu* – через *humain*, *humain* – через *être*, что приводит к возникновению «круговой» дефиниции (см. рис. 2):

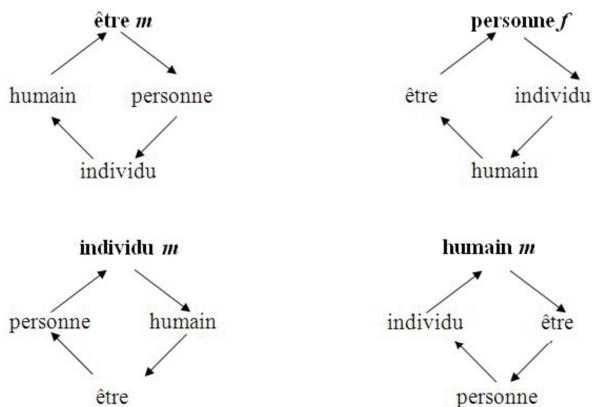

Рис. 2. Взаимная идентификация собственно широкозначных антропонимов

Собственно широкозначные антропонимы, которые представляют собой общие названия антропонимической категории ЧЕЛОВЕК, выступают в роли идентификаторов не только по отношению друг к другу, но также и по отношению к условно широкозначным и узкозначным антропонимическим лексемам. Например, собственно широкозначный антропоним *être m humain* принимает участие в идентификации единиц более низких уровней – условно-широкозначных антропонимов верхней ступени среднего уровня *homme m*, *femme f*, *enfant m*. Единицы верхней ступени среднего уровня участвуют в толковании единиц нижней ступени среднего уровня (*homme m* → *père m*; *femme f* →

mère f; enfant m → *garçon m, fille f*) и узкозначных единиц субординатного уровня (*femme f* → *chipie f, entraîneuse f, mijaurée f, perruche f*).

На основании установленных в данном исследовании системных критериев широкозначности для конкретных имен существительных антропонимы широкой семантики определяются как *лексемы, которые указывают на широкий класс разнородных объектов (людей); категоризируют их как некую общность с четко очерченными внешними и размытыми внутренними границами; концептуализируют классы объектов по ограниченному количеству обобщенных, неконкретизированных признаков; идентифицируют лексемы своего и всех нижних уровней иерархии; служат гиперонимами по отношению к другим именам того же класса.*

Выявление комплекса критериев широкозначности позволяет установить системные характеристики широкозначных и, как следствие, узкозначных антропонимов. Подобное исследование частично восполняет пробелы, существующие в изучении широкозначного аспекта предметных существительных. Кроме того, изучение специфики данного типа семантики необходимо для создания типологии лексических значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амосова Н.Н.* К вопросу о лексическом значении слова // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 2. 1957. № 1. С. 152–168.
- Гак В.Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М. : Наука, 1977. С. 265–272.
- Гак В.Г.* Некоторые общие семантические особенности французского слова в сравнении с русским и вопросы лексикографии // Лексикографический сборник. Вып. IV. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. С. 15–24.
- Николаевская Р.Р.* Проблемы широкозначности и перевод // Перевод как когнитивная деятельность. М. : МГЛУ, 2003. С. 83–99.
- Псурцев Д.В.* К вопросу о конкретизации при переводе с английского языка на русский // Вестник МГЛУ. 2004. Вып. 488. С. 107–121. (Лингвистика.)
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М. : Международные отношения, 1974. 216 с.
- Соболева Е.Л.* Развитие широкозначности у глаголов *turn* и *grow*: Опыт системного диахронического анализа: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 146 с.

- Ульман С.* Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. М. : Прогресс, 1970. С. 250–299.
- Фирсов О. А.* Перевод с английского языка на русский и его комментарий. М. : Спутник, 2003. 198 с.
- Шеин А. И.* Типология гипонимических преобразований при переводе с английского языка на русский: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.
- Швейцер А. Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 214 с.
- Шмелёв Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М. : Наука, 1973. 279 с.
- Bolinger D.* Pronouns and repeated nouns. Indian: Indiana University Linguistics Club, 1977. 63 p.
- Brøndal V.* Le français – langue abstraite. Copenhague : Munksgaard, 1956. 181 p.
- Halliday M. A. K., Hasan R.* Cohesion in English. London–New York : Longman, 1976. 374 p.

КОД УДК 821.133

С. Б. Лихачева

кандидат филологических наук;
доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы МГЛУ;
e-mail: slikhacheva@gmail.com

ГИЛЬЕМ ТУДЕЛЬСКИЙ И ЕГО ХРОНИКА: ОБ АВТОРСТВЕ И ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ПЕСНИ ОБ АЛЬБИГОЙСКОМ КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ»

«Песнь об Альбигойском крестовом походе» – выдающийся памятник окситанской литературы первой четверти XIII в., вобравший в себя две контрастных точки зрения на описываемые события. У «Песни» два автора, из которых второй, оставшийся неизвестным, взялся продолжить труд первого. Биографический и психологический портрет Гильема Тудельского, образованного клирика, автора первой части, складывается из его рассказа о себе самом, равно как и из внутритекстовых свидетельств. Авторская позиция Гильема обусловлена не только социальным статусом, но и биографическими факторами: как представитель католической церкви и поэт, состоящий на службе у графа Бодуэна, перешедшего на сторону Монфора, Гильем положительно настроен по отношению к борьбе крестоносцев против альбигойской ереси; при этом, будучи уроженцем юга, симпатизирует южным сеньорам. Произведение Гильема Тудельского – одновременно исторический памятник и литературное произведение, рассказ о событиях альбигойского крестового похода, облеченный в поэтическую форму (в отличие от прозаических латинских хроник Петра де Во де Серне и Гильема Пюилоранского). Перед нами «сплав» из трех составляющих: по формальным признакам произведение Гильема возможно отнести одновременно к жанру стихотворной исторической хроники и к жанру эпической песни, и при этом в нем отчетливо ощущается влияние окситанской лирической поэзии – так называемых *coblas carcaudadas*.

Ключевые слова: альбигойский крестовый поход; Окситания; авторство; моноимы; шансон де жест; стихотворная историческая хроника; *coblas carcaudadas*.

S. B. Likhacheva

PhD (Philology), Associate Professor,
Department of Literature, MSLU;
e-mail: slikhacheva@gmail.com

GUILHEM DE TUDELA AND HIS CHRONICLE: ON THE AUTHORSHIP AND GENRE SPECIFICITY OF THE FIRST PART OF THE “CHANSON DE LA CROISADE ALBIGEOISE”

La Chanson de la Croisade albigeoise, an important landmark in the Occitan literature of the first quarter of the XIII century, incorporates two contrasting views on the described events. La Chanson is written by two authors: the second, an anonymous poet undertook to continue the work of the first. The biographical and psychological profile of Guilhem de Tudela, an educated cleric, the author of the first part, is made up of his personal story as well as intratextual evidence. The author's position results from his social status as well as biographical factors: as a representative of the Catholic Church and a poet in the employ of count Baudouin who defected to Simon de Montfort, Guilhem de Tudela positively responds to the crusaders' campaign against the Albigensian heresy; at the same time, as a Southerner, he is in sympathy with the Southern nobility. The work of Guilhem de Tudela is a history and a fiction, a chronicle of the events of the Albigensian crusade, set in a poetic form (unlike the prosaic latin chronicles of Pierre des Vaux de Cernay and Guillaume de Puylaurens). The poem is a threefold compound: in terms of formal attributes, Guilhem's work could be classified both as a poetic chronicle and a heroic song, while it bears a distinct epic of Occitan lyric poetry, the so-called *coblas capcaudadas*.

Key words: Albigensian crusade; Occitanie; authorship; monorime; chansons de geste; poetic chronicle; *coblas capcaudadas*.

«Песнь об Альбигойском крестовом походе» – выдающийся памятник окситанской литературы первой четверти XIII в., написанный моноримами (т. е. однорифменными строками) и повествующий о единственном в своем роде крестовом походе христиан против христиан. Этот поход, созданный папой Иннокентием III против «земли ересей» и ее законных правителей, в итоге привел к созданию единой Франции, но ценой уничтожения уникальной окситанской культуры, оказавшей беспрецедентное влияние на развитие средневековой Европы. В ней – истоки так называемого «высокого» Средневековья, содержащего в себе ростки новой, возрожденческой культуры; именно в Окситании была создана цивилизация, на несколько веков опередившая остальные страны Европы.

«Песнь» вобрала в себя как бы две контрастных точки зрения на происходящие события. Уже при поверхностном чтении становится ясно, что произведение состоит из двух частей, разительно отличных друг от друга как по сути, так и по форме. Внутритекстовые свидетельства подтверждают, что мы имеем дело не с одним, но с двумя авторами, из которых второй, оставшийся неизвестным, взялся продолжить

труд первого. Два автора «Песни» принадлежат к противоположным лагерям: создатель первой части (131 лэсса, 2 772 стиха), Гильем Тудельский – ярый поборник католической теократии. Аноним, оставшийся безымянным автор второй части (в два раза более пространной – 6 810 стихов, поделенных на 83 лэссы), – пламенный окситанский патриот. Касательно идентификации анонимного автора существует целый ряд версий: С. Фабр отождествляет его с трубадуром Пейре Карденалем, итальянский филолог С. Гвида – с Ги де Кавальоном. Однако ни одна из них не представляется абсолютно убедительной.

«Песнь» осталась незаконченной. Обрывается она на моменте третьей осады Тулузы (1219), предпринятой принцем Людовиком, будущим королем Людовиком VIII.

Аноним избегает биографических отсылок, по всей видимости, намеренно сохраняя инкогнито. Гильем Тудельский, напротив, всеми доступными ему средствами выдвигает себя на передний план, демонстрируя позицию подчеркнуто осознанного авторства. В первых же строках он сам представляется читателю (лэссы 1 и 9). Биографический (а также психологический) портрет автора складывается из его рассказа о себе самом, равно как и из внутритекстовых свидетельств. Зовут его Гийом (Гильем по-окситански), он родился и вырос в городе Тудела, в испанской Наварре; со временем переселился в Монтобан (город, ныне входящий в департамент Тарн и Гаронна) – около 1199 г., судя по приведенным датам и по тому, что автор присутствовал на свадьбе Раймона VI Тулузского с Альенор Арагонской (1200). В Монтобане Гильем прожил около одиннадцати лет, после чего, к 1211 г., перебрался в Брюникель (Керси) и поступил на службу к младшему брату тулузского графа, Бодуэну. 6 мая 1212 г. Симон де Монфор завоевал Сент-Антонен, городок в тридцати километрах от Брюникеля, и передал его Бодуэну; тогда же Гильем стал каноником в Сент-Антонене – благодаря протекции своего покровителя, а также магистра Тедиза, помощника легата Милона, и Жоффруа де Пуатье.

Что же представляет из себя автор в социальном плане? Перед нами, несомненно, образованный клирик (*us clerics*, от лат. *clericus* – *лицо духовное*; однако тот же самый термин означает и *просто человека грамотного, умеющего читать и писать на латыни, представителя класса, поставляющего писцов, секретарей, нотариусов*). Звание магистра (*maestre Guilhelms*) указывает на то, что он получил университетское образование. Гильем, скорее всего, принадлежал к одному

из младших чинов Церкви, что позволило ему получить каноникат, т. е. бенефиций, вручаемый канонику (клирику, являющемуся членом кафедрального или коллегияльного капитула). Случай Гильема отнюдь не уникален: в эпоху расцвета университетской культуры известны и другие примеры того, как интеллектуальный труд вознаграждался церковным саном и прибыльным бенефицием (так, в середине XII в. Раймон Антиохийский наградил автора некоей песни о Крестовом походе в Святую землю каноникатом в антиохийской церкви Святого Петра).

Гильем хорошо знаком с «литературной жизнью» своего времени, в особенности с традицией французского эпоса. Он то и дело ссылается на знаменитые *chansons de geste* (поэму «Рауль Камбрейский», «Песнь о Роланде», «Песнь об Антиохии», послужившую Гильему образцом), на «Роман о Трое» Бенуа де Сен-Мора, откуда заимствует аллюзии и сравнения. Впрочем, эта широкая осведомленность на поверку оказывается достаточно поверхностной. Что до расхожих сопоставлений, Гильем вполне способен сравнить доблесть своего покровителя графа Бодуэна с доблестью Оливье и Роланда. Однако стоит автору углубиться в сюжет поэмы менее известной, и он теряется в деталях: скажем, ссылаясь на события «Майнета», поэмы каролингского цикла, написанной в XII в., он путает имена персонажей (93.33–36). Помимо эпической традиции, автор, несомненно, знаком и с географическими сочинениями, и с бестиариями; и, разумеется, с Библией (впрочем, он и здесь тоже склонен к некоторой путанице). Притом Гильем демонстрирует познания общего характера в самых разных областях средневековой жизни – в военном деле (специальные термины, имеющие отношение к оружию, доспехам, подробностям ведения осады), в церковных практиках (обычаи Цистерцианского ордена), в повседневной жизни аристократии (названия дорогих тканей), в монетной системе разных регионов (названия денежных единиц). Он неплохо осведомлен в том, что касается исторического фона и ключевых событий эпохи, разбирается в генеалогиях северной и южной знати.

Интересно, что в первых же строках Гильем не без гордости заявляет о своих познаниях в геомантии: гадательной науке, близкой к астрологии (так, астрологические трактаты XII–XIII вв. – знаменитые «*Archanum magni*», переведенные Бернардом де Гурдоном в 1295 г., и переводы с арабского, приписываемые Герарду

Кремонскому, – используют геомантические знаки). По всей видимости, в XIII в., в эпоху Гильема, геомантия постепенно утрачивает свой эзотерический характер. Каноник Гильем не видит ничего дурного в том, чтобы похвастаться своей причастностью к «колдовской науке». Провансальские геомантические трактаты начала следующего века, подробно рассмотренные П. Мейером [Meyer, 1897] в значительной степени представляют собою не более чем упражнения в риторике.

Авторская позиция Гильема обусловлена не только социальным статусом, но и отдельными аспектами его биографии. Как представитель католической церкви и поэт, состоящий на службе у графа Бодуэна, перешедшего на сторону Монфора, Гильем положительно настроен по отношению к борьбе крестоносцев против альбигойской ереси и радуется их победам. Ересь воспринимается автором как настоящее безумие, а ее сторонники выглядят в глазах Гильема как своего рода «неверные», глубоко погрязшие в заблуждении. Но в отличие от северных хронистов, чужих в этом краю, он не выносит приговор всем окситанцам в целом – он старательно балансирует на некой грани, симпатизируя и тем, и этим. Южные приверженности дают о себе знать: Гильем горячо отстаивает благонадежность виконта Безьерского (лэсса 15); возмущается жестокостью рутьеров крестоносной армии; хвалебный эпитет *pros – доблестный*, с равной легкостью употребляется им и по отношению к Монфору, и по отношению к Раймону VI (*lo pros coms Ramons*), и к графу де Фуа (*lo pros coms de Fois*). Традиционно нейтральный стиль автора внезапно обретает особую выразительность как раз там, где Гильем, ориентируясь на адресата «Песни», излагает сомнительную или заведомо фальсифицированную версию происходящих событий: доказывает непричастность графа де Монфора к смерти виконта Безьерского в каркассонской тюрьме (лэсса 37), воспекает подвиги графа Бодуэна (песнь VII), причем позорная сдача крепости последним в обработке Гильема превращается в деяние великой доблести. Передача этих эмоциональных всплесков приобретает особую значимость, равно как и торжественные пространные славословия, разбросанные по тексту поэмы. Гильем, не жалея сил, воскуряет фимиам сильным мира сего – графу Бодуэну, своему покровителю и благодетелю, Альенору Арагонской, графине Тулузской (на ее свадьбе с графом Тулузским автор присутствовал лично), аббату Ситосскому (одному из предводителей похода), Симону де Монфору (тем более что покровитель и благодетель поэта состоит

у него на службе), легату Тедизу, который посодействовал Гильему в получении канониката, епископу Фолькету Тулузскому и другим, менее высокопоставленным участникам похода, например, рыцарю Гильему де Контре (судя по количеству посвященных ему славословий, последний проявил по отношению к автору особую щедрость).

Итак, перед нами – автор, сознательно «работающий» на аудиторию и целиком и полностью зависящий от щедрости слушателей и покровителей, в первую очередь графа Бодуэна. С чисто литературной точки зрения поэт он довольно посредственный, в отличие от блистательного Анонима второй части: стиль у Гильема довольно холодный и безликий, ему недостает рельефности; стих во многих местах хромает: автор позволяет себе неточные рифмы, лишние слова-«втычки», сбой ритма (дифтонг считает то за один, то за два слога), его язык изобилует чужеродными французскими заимствованиями. Однако и это уже подкупающе индивидуальный штрих, сам Гильем свято убежден в собственной гениальности и в эпохальной значимости своего творения. Согласно принятому литературному этикету, Гильем призывает слушателей проявить подобающую щедрость по отношению к талантливому поэту и порицает тех, кто проявляет достойную осуждения скупость. Более того, в глазах автора «интеллектуальная собственность» (насколько это понятие применимо в контексте Средних веков) уже обладает коммерческим потенциалом. В контексте поэмы, уже обретшей своего заказчика, Гильем охотно рассуждает о своих дальнейших творческих планах: он намерен написать «новую песнь», посвященную еще одному важному событию современности: военной кампании христианских королей Испании против мусульман и их победе в сражении под Лас Навас де Толоса (16 июля 1212 г.). Такой сюжет, несомненно, созвучен духу эпохи и должен «хорошо продаваться».

Язык «Песни» – окситанский, изрядно контаминированный французскими формами. Но родным языком автора не являлись ни окситанский, ни французский: Гильем – уроженец Туделы, где говорили на одном из романских диалектов, близких к арагонскому. Однако в литературных кругах города поэтические произведения на окситанском и на северофранцузском, вероятно, были хорошо известны. С другой стороны, за одиннадцать лет, проведенных в Монтобане, Гильем, несомненно, неплохо овладел окситанским языком, а на службе у Бодуэна Тулузского словарь его обогатился французскими

формами, изрядно облегчающими для него процесс версификации. Примеров французских заимствований можно найти множество: *mesira* (фр. *messire*), *chivacher* (фр. *chevaucher*), глагольные формы *seit* (фр. *soit*), *avoit*, *veneit* (вместо окситанских *sia*, *avia*, *venia*), артикли в сочетании с предлогами перед именами существительными женского рода *dels* и *als* (*dels peireiras*, *als albergas*) вместо окситанских *de las*, *a las*. Говоря об избытке окситанских форм, необходимо также учитывать влияние переписчиков: единственная рукопись «Песни», дошедшая до наших дней, переписана южанином, при том, что между данной рукописью и оригиналом стоят как минимум один или два южных списка.

Гильем Тудельский, по его собственным уверениям, приступил к созданию «Песни» еще в Монтобане, в мае 1210 г. Однако судя по датам описываемых событий, основной корпус сочинен уже на службе у графа Бодуэна (в Сент-Антонене), если и не по его прямому заказу, то, по крайней мере, с расчетом на него как на главного адресата. Окончательная редакция первых лэсс относится ко времени гораздо более позднему – уже после назначения Арнольда-Амальрика, аббата Ситосского, архиепископом Нарбонны (12 марта 1212 г.) и битвы под Лас Навас де Толоса (16 июня 1212 г.): на эти два события автор ссылается в лэссах 5 и 7. Издатель «Песни» Э. Мартен-Шабо предполагает, что поэт работал с перерывами и брался за перо лишь тогда, когда узнавал какие-либо новые важные факты. Одна из такого рода пауз заметна в конце лэссы 47 (середина 1210 г.), вторая – в конце лэссы 129 (зима 1213 г.). Показательно, что автор доводит рассказ только до событий января – июля 1213 г. (Педро II Арагонский собирается выступить на помощь к графу Тулузскому – лэсса 131 и последняя), т. е. прерывает повествование за шесть месяцев до казни графа Бодуэна по приговору его брата (февраль 1214 г.). Причина этого неясна; повествование об Альбигойском крестовом походе впоследствии было продолжено Анонимом, в то время как следы Гильеми Тудельского теряются. Невозможно утверждать доподлинно, разделил ли Гильем судьбу своего покровителя или просто потерял интерес к работе из-за отсутствия заказчика и спроса. В любом случае, ключевая идея поэмы – прославление героического графа Бодуэна в контексте победоносного Крестового похода в «землю ересей» – себя исчерпала.

Как современник похода, Гильем Тудельский подробно описывает развитие событий – едва ли не по дням и часам. Этим в первую

очередь и ценна его хроника. Разумеется, сам Гильем не присутствовал лично при каждом из эпизодов, о которых повествует – он и не пытается ввести слушателя в заблуждение. Так, в конце лэссы 36, перечисляя крестоносцев, оставшихся при Симоне де Монфоре под Каркассоном и Безье, автор признает, что, знай он их всех лично и находишь он с ними, «книга была бы полней и песня была бы лучше». Однако, живя на юге, находясь в «горячих точках» (область Керси), общаясь с графом Бодуэном и, по всей видимости, с другими непосредственными участниками событий, Гильем был достаточно хорошо осведомлен обо всем происходящем. То и дело автор ссылается на своих информаторов. От некоего Понса де Мела, посланника короля Наваррского к папе, он узнает о том, что происходило в Римской курии в 1209 г. (лэсса 5), т. е. об обстоятельствах провозглашения крестового похода. Изарн, архидиакон Вьельмора, рассказал ему о еретиках Кассе (лэсса 84); байль и прево графа Бодуэна сообщили подробности осады Муассака (лэсса 119). Можно назвать также некоего магистра Николая, кума и приятеля автора, «пострадавшего» в битве при Сен-Мартене в сентябре 1211 г. (лэссы 98, 99). Эти ссылки – не просто указания на источники информации. Благодаря им хроника Гильема как бы вписывается в некий коллективный гипертекст, отдельные части которого автор дополняет, проясняет, опровергает или улучшает. Таким образом, автор предстает фигурой отнюдь не обособленной: присутствие множества рассказчиков создает эффект многоголосия и вводит в хронику коллективный дискурс.

Хронология Гильема не всегда точна; часто автор ограничивается тем, что датирует то или иное событие только месяцем или днем недели, а то и приближенностью к тому или иному церковному празднику – такая хронологическая приблизительность свойственна средневековой историографии. Ошибок в повествовании на удивление мало: последовательность событий сбивается только единожды: в изложении Гильема Сен-Жильский совет имел место уже после взятия Терма (лэсса 58; на самом деле – несколькими месяцами раньше). В фактологии путаницы тоже почти нет: разве что «Арльский» совет (насчет которого автор и сам не вполне уверен) на самом деле проходил в Монпелье в начале февраля 1211 г. (лэсса 59) и несколько преувеличена длительность осады Терма (лэсса 56), что вполне можно списать на поэтическую вольность. Практически везде и во всем повествование Гильема согласуется с рассказами иных хронистов, его

современников. Это, несомненно, придает убедительности и тем фактам, которые нигде более, кроме как в «Песне», не упомянуты: как, например, разорение крестоносцами Керси и Ажене в 1209 г. (лэсса 13) или посредничество Педро II Арагонского в переговорах накануне капитуляции Каркассона (лэссы 26–32).

Поэма Гильема Тудельского, длиной в 2 772 строк, делится на так называемые лэссы (всего 131) разной длины, причем длина каждой из лэсс обусловлена рифмой; в среднем – по 20–25 строк в каждой; в самой длинной (лэсса 56) насчитывается 46 строк, в самой короткой (лэсса 119) – всего 8. Каждая лэсса заканчивается «подвеской», укороченным стихом из шести слогов, задающим рифму для лэссы последующей.

В «Песни» насчитывается 32 мужских рифмы и 17 женских (по контрасту, во второй части, за авторством Анонима, 25 мужских рифм и всего 3 женских). Немногие ассонансы с легкостью превращаются в рифмы, если скорректировать чисто окситанские формы, привнесенные в текст переписчикам (например *benaziga* > *benazia* в лэссе 3 с рифмой на *-ia*). Во имя рифмы Гильем Тудельский охотно использует формы, почерпнутые из разных диалектов, равно как и из французского языка. В предисловии к своему изданию «Песни» П. Мейер приводит таблицу использованных поэтом рифм, как чисто французских (*-a*, *-ama* и т. д.) и чисто провансальских (*-ac* / *-ag*, задающихся, в частности, топонимами – *Galhac*, *Laurac*, etc., *-ai*, *-ar*, *-atz* и т. д.), так и смешанных, окситанско-французских (*-al*, *-ot*) [Meyer 1875].

Произведения сходной структуры, написанные до «Песни», как на французском, так и на окситанском, в том числе и исторические, предполагали декламацию под музыкальный аккомпанемент вьелли или другого струнного инструмента, причем мелодия повторялась от строфы к строфе. Скорее всего, именно так преподносилась аудитория и «Песнь об Альбигойском крестовом походе». Разумеется, поэма такой длины никак не могла быть выслушана целиком за один раз и исполнялась фрагментами. Во французских шансон де жест определенные фразы, с которыми автор обращается к аудитории, служат маркерами тех мест, где повествование временно прерывалось. У Гильема Тудельского такие фразы-маркеры обнаруживаются в начале лэссы 2, ближе к концу лэссы 9, а также в начале лэсс 12, 23, 34, 48, 57, 64, 70, 79, 85, 88, 103, 105, 108, 122, 129, 130. Наиболее распространенный маркер – обращение *senhors* – *сеньоры*, им открывается целый

ряд эпизодов, а также личные размышления автора, которыми завершаются лэссы 47, 68 и 130. В соответствии с этим внутритекстовым членением на относительно самодостаточные фрагменты, в издании Э. Мартена-Шабо лэссы сгруппированы в пролог и двенадцать более-менее равных по объему эпизодов (2–11, 12–22, 23–33, 34–37, 48–56, 57–68, 69–78, 79–87, 88–102, 103–111, 112–121, 122–131), в каждом – приблизительно по 200 стихов. Для удобства восприятия каждому эпизоду издатель присваивает условное название, в исходной рукописи отсутствовавшее.

Произведение Гильема Тудельского – одновременно исторический памятник и литературное произведение, рассказ о событиях Альбигойского крестового похода, облеченный в поэтическую форму (в отличие от двух других, прозаических латинских хроник Петра де Во де Серне и Гильема Пюилоранского). Перед нами некий «сплав» из трех составляющих: по формальным признакам произведение Гильема возможно отнести одновременно к жанру стихотворной исторической хроники и к жанру эпической песни, и при этом в нем отчетливо ощущается влияние окситанской лирической поэзии – так называемых *coblas capcaudadas*. Это жанровое своеобразие в неменьшей степени, чем личные пристрастия и жизненная ситуация Гильема Тудельского, наложило определенный, собственно литературный отпечаток на подбор и описание событий, оценку действий и характеров ее участников и общей исторической ситуации.

Название, под которым нам известна поэма, не более чем изобретение современных издателей. Показательно, что Клод Фориэль, первый издатель хроники, опубликовал ее под названием «История Крестового похода против альбигойских еретиков» («Histoire de la croisade contre les hérétiques albigeois»), однако в последующем издании Поль Мейер заменил слово *история* словом *песнь* и, учитывая терпимость автора к южной стороне, убрал слово *еретики* («La chanson de la croisade contre les albigeois»). Термин *chanson* более чем оправдан: именно так называет свое произведение сам автор: *cansos* и *gesta*, т. е. *эпическая песнь*, *шансон де жест*.

В главе, посвященной созданию национальных эпопей, Гастон Парис, французский филолог-медиевист XIX в., заложивший основы французской школы романской филологии, формулирует следующие характерные черты эпической песни [Paris 1890]:

– *эпическая песнь неизбежно носит обобщенный характер, т. е. выражает идеалы и чувства нации в целом или по крайней мере*

класса военной аристократии. Это вполне применимо к «Песни» Гильема Тудельского: пересказывая события Альбигойского крестового похода, он выступает представителем своего класса, вписывая баронов-крестоносцев, «воинов Христовых», в эпический контекст эпохи Роланда и Карла Великого (например лэсса 93);

– *эпическая песнь обыкновенно носит воинственный характер, поскольку именно в войне против иноземных врагов люди преисполняются общего энтузиазма и ощущения солидарности.* И это определение тоже вполне применимо к «Песни»: именно военная тема, тема крестового похода (как и в «Песни об Антиохии») становится здесь ключевой, но это Крестовый поход в христианские земли, война христиан против христиан;

– *эпическая песнь носит национальный характер ... она – спонтанное и непосредственное порождение национального духа.* И здесь мы видим интересный парадокс: учитывая принадлежность Гильема Тудельского к южному священству и его частичную самоидентификацию со стороной южан, Гильемовская шансон де жест, непосредственное выражение «национального духа», оказывается эпосом нации, которая утрачивает свою национальную независимость, иначе говоря – эпосом о денационализации.

«Песнь» Гильема Тудельского возможно отнести и к жанру исторических стихотворных хроник: на примере бытования «Песни» любопытно проследить преемственность и эволюцию данной традиции. Хроники такого типа существовали и прежде, как на французском, так и на окситанском, как историческое повествование, облеченное в поэтическую форму. Наличие рифмы и разбивка на лэссы, или строфы, позволяли декламировать текст под музыкальный аккомпанемент, удерживая тем самым внимание публики. Подобная форма использована во французской истории святого Фомы Кентерберийского, написанной англонормандским автором Гервасием де Пон-Сен-Максенсом в Лондоне четыре года спустя после гибели Фомы Бекета (6 180 александрийских стихов, моноримы по пять строк в каждой строфе), в исторической хронике Третьего крестового похода, записанной свидетелем-очевидцем, нормандским жонглером Амбруазом (12 000 восьмисложников), в биографии Гильема ле Марешаля, регента Англии с 1216 по 1219 гг., записанной около 1220 г. (19 214 восьмисложников). А также в «Песни об Антиохии» («Chanson d'Antioche»), поэме из первого цикла Крестовых походов,

что приписывается северофранцузскому или фламандскому труверу Грендору из Дуэ, который около 1190 г. якобы переработал более раннюю поэму, за авторством некоего Ришара-Пилигрима («*Richart le Pelerin cil qui la Chanson fist...*»), очевидца осады, продолжавшейся восемь месяцев. Она посвящена событиям 1097–1099 гг.: это апогей Первого крестового похода, захват Антиохии и Иерусалима и возникновение королевств крестоносцев на Ближнем Востоке. «Песнь» рассказывает о провозглашении Крестового похода, о том, как могущественные бароны принимали крест; о приготовлениях к отъезду, о прибытии в Константинополь и об осаде и взятии Антиохии; после того «Песнь» прослеживает путь крестоносцев до Иерусалима. В середине XII в. на ту же тему на окситанском языке была написана «Песнь об Антиохии» («*Canso d'Antioca*»), от которой сохранился только небольшой фрагмент; возможно, обе традиции, французская и окситанская, восходят к одному и тому же утраченному оригиналу. Полутора столетиями позже антиохийских событий Гильем Тудельский, очевидец иного Крестового похода, воскрешает кровопролитные сцены «*Canso d'Antioca*». На этом тексте основана структура и композиция его собственной хроники: повествование начинается с провозглашения папой Крестового похода в «землю ересей», сбора первой крестоносной армии, прибытия крестоносцев в земли Тренкавелей и захвата Безье и Каркассона.

Если «Песнь об Антиохии» послужила для Гильема Тудельского образцом для подражания (он пишет в той же манере, двенадцатисложным александрийским стихом, поделенным на неравные лэссы; правда, «подвески» в исходном оригинале отсутствуют), то «Песнью об Альбигойском крестовом походе», в свою очередь, вдохновлялся тулузский трубадур Гильем Анелье (*Guillaume Anelier de Toulouse*) при написании собственной исторической поэмы на окситанском языке про войну в Наварре (1276–1277). Он подражает стилю и композиции «Песни», особенно второй ее части, однако именно Гильему Тудельскому он обязан *soblas carcaudadas*. Историческая ситуация в Памплоне, описанная в поэме Анелье, весьма близка к событиям «Песни»: здесь тоже речь идет о французской интервенции и насильственной смене власти. В 1276–1277 гг., когда королева Иоанна Наваррская еще не достигла совершеннолетия, в Памплоне началась усобица: население города уже давно поделилось на две фракции, прокастильскую и проарагонскую, и теперь фракции ополчились друг

на друга. В ходе смуты прокастильской знатью был убит губернатор города из числа наваррской знати Педро Санчес де Монтагут, и король Франции Филипп III Смелый, опекун малолетней Иоанны, ввел в Памплону войска, подавил бунт и, восстановив порядок, жестоко отомстил восставшим и разорил город. Женив на принцессе Иоанне своего сына Филиппа, он приобрел для своей династии право наследовать ее владения, в частности, королевство Наваррское; сама Иоанна с тех пор жила во Франции и в Наварру больше не возвращалась. Тем самым Наварра перешла под французскую юрисдикцию, повторив судьбу Окситании. Произведение Гильема Анелье сложено около 1280 года, т. е. вскоре после описанных событий.

В предисловии к своему изданию «Песни об Альбигойском крестовом походе» П. Мейер анализирует параллели между ней и поэмой Гильема Анелье: совпадающие строки и стихи, и целые фрагменты (в частности, перечисление защитников бурга Памплоны и описания сражений). Любопытно, что у Гильема Анелье используются два типа лэсс «Песни об Альбигойском крестовом походе»: *coblas capcaudadas* Гильема Тудельского и *coblas capfinidas* анонимного продолжателя.

«Песнь об Альбигойском крестовом походе», будучи вписана в рамки традиции шансон де жест и традиции стихотворных исторических хроник, обеспечивает своего рода преемственность: из подражания уже существующим образцам, в свою очередь, превращается в модель для подражания и задает определенный стандарт для поэта следующего поколения. Но есть и третья жанровая составляющая, к которой нам следует обратиться: окситанская лирическая поэзия.

Как говорилось выше, в «Песни» Гильема Тудельского, состоящей из моноримных лэсс (что характерно для французских шансон де жест), каждая лэсса заканчивается укороченным шестисложным стихом (семисложным, если рифма – женская). Этот заключительный стих, который мы назвали «подвеской», заканчивается рифмой, отличной от сквозной рифмы предыдущей лэссы, и задающей рифму для лэссы последующей. Такая форма соответствует тому, что в окситанской поэтике называлось *coblas capcaudadas* (или *capcoadas*). Следует уточнить, что анонимный продолжатель использует несколько другую форму: во второй части «Песни» лэссы также заканчиваются укороченным шести- или семисложным стихом-«подвеской», но «подвеска» эта не рифмуется с последующей лэссой, а повторяется в первой строчке последующей лэссы, обеспечивая связь между

ними: финал одной лэссы преобразуется в начало следующей. Такая форма, под названием *coblas capfinidas*, также заимствована из лирической поэзии трубадуров.

Термином «sobla» обозначается строфа в окситанской лирической поэзии, т. е. в поэтическом искусстве трубадуров. Испанский филолог Мартин де Рикер, автор книги «Трубадуры: история литературы и тексты», определяет «коблу» как метрическое единство, число стихов и распределение рифм которого повторяются в нескольких частях стихотворения и которое, в свою очередь, представляет собою мелодическое единство [De Riquer 1975]. Авторы романских поэтик XIII–XIV вв. в своих трактатах (в частности, Гильем Молинье, первый «канцлер веселой науки» в «Законах любви» – «Leys d'Amor») перечисляют основные типы строф. По системе рифмовки *coblas* бывают, в частности, однозвучные, или моноримные (*unissonans*, или *monorrimas*), т. е. все рифмы начальной строфы непременно сохраняются в заданном порядке во всех остальных, при том что внутри каждой отдельной строфы строки могут не рифмоваться. Менее распространены одиночные коблы (*coblas singulares*): общая система рифмовки внутри строф не меняется, однако каждая последующая строфа не сохраняет набор рифм предыдущей, рифмы в ней свои; двойные или тройные (*doblas* и *ternas*), т. е. одни и те же рифмы сохраняются на протяжении каждых двух или трех строф и др. Термином «*coblas carcaudadas*» обозначают строфы, в которых последняя рифма одной коблы становится первой рифмой в кобле последующей. Если это монорим – как в случае не лирической, но нарративной поэзии, – со всей очевидностью, финальная рифма будет использована на протяжении всей последующей лэссы, что мы и наблюдаем у Гильема Тудельского.

Простейшую разновидность *coblas carcaudadas* можно проиллюстрировать на примере произведения Раймбаута д'Ауренги (Раймбаута Оранского, ок. 1147–1173) под названием «Joglar, fe qed eu dei» («Жонглер, клянусь верой...»): каждая строфа представляет собою монорим с использованием своей собственной, отдельной рифмы, но последняя строка задает рифму для последующей строфы: *aaaaab / bbbbbc / ccccd* и т. д. Рифма последней строки служит как бы рефреном, соединяющим финал одной коблы и начало другой.

Coblas carcaudadas могут использоваться и в формах более сложных, в сочетании с чередующимися коблами (*coblas alternadas* – одна и та же система рифмовки повторяется из строфы в строфу, однако

сами рифмы меняются). Хорошим примером послужит стихотворение Бернарта де Вентадорна «Non es meravelha s'eu chan» («Немудрено, что я пою...») [Бернарт де Вентадорн 1979, с. 22, ff]: его строфы отличаются крайней усложненностью, но везде между двумя строфами наличествует связующая рифма.

В предисловии к изданию «Песни», анализируя версификацию Гильема Тудельского, П. Мейер ссылается на два сочинения, построенного на моноримных лэссах, на конце которых присутствует укороченный стих, рифмующийся с последующей лэссой. Это, во-первых, прение между еретиком-«совершенным» и инквизитором («Las Novas de l'heretge») [Meyer 1879], и, во-вторых, уже упомянутая нами выше поэма о войне в Наварре Гильема Анелье – оба примера взяты из нарративной, а не лирической поэзии. Таким образом, мы видим, как *coblas carcaudadas*, тип строфы, возникший в лирической поэзии и функционирующий как элемент формообразующий и декоративный, проникает в иной жанр, в эпическую поэзию, где берет на себя те же функции. Невозможно не отметить, насколько легко оказываются преодолимы границы между литературными жанрами в начале XIII в.: немало текстов этого периода создается на стыке разных жанров, а также на стыке литературы и истории, и «Песнь» – наглядный тому пример.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Бернарт де Вентадорн* Б. Песни. (Cansos) / отв. ред. А.Д.Михайлов ; пер. В.А.Дынник. М.: Наука, 1979. С. 22. ff (Литературные памятники.)
- Тудельский* Г. Песнь об альбигойском крестовом походе. М.: Квадрига, 2010. 318 с.
- Le Goff* J. Les intellectuels au Moyen Âge. P.: Éd. du Seuil. 1985. 224 p.
- Martin-Chabot* E. [éd.]. La Chanson de la croisade albigeoise. T. I. La chanson de Guillaume de Tudèle. P.: Société d'Édition "Les Belles Lettres", 1976. 304 p.
- Meyer* P. Le Débat d'Izarn et de Sicart de Figueiras // Annuaire-bulletin de la Société de l'histoire de France. Vol. 16. 1879. P. 233–92.
- Meyer* P. [éd.] La chanson de la croisade contre les albigeois, commencée par Guillaume de Tudèle et continuée par un poète anonyme. 2 vols. P.: Renouard, Henri Loones. 1875–1878. 978 p.
- Meyer* P. [éd.]. L'histoire de Guillaume le Maréchal. 2 vols. Vol. 1. P.: H. Laurens, 1891–1901. 366 p.

- Meyer P.* [éd., trad.]. Fragment d'une chanson d'Antioche en provençal // Les Archives de l'Orient latin. Vol. II. P. : E. Leroux. 1884. P. 467–509.
- Meyer P.* Traités provençaux de géomancie / Romania. P. : Société des Amis de la Romania. 1897. T. XXV. P. 225–275.
- Michel F.* [éd., trad.]. Guillaume Anelier de Toulouse. Histoire de la guerre de Navarre de 1276 et 1277. P. : Imprimerie Impériale. 1856. 785 p.
- Paris G.* [éd., trad.]. L'estoire de la guerre sainte, histoire en vers de la troisième croisade (1190–1192). P. : Imprimerie Nationale. 1897. 579 p.
- Paris G.* La littérature française au Moyen Age (Xe–XIVe siècle). P. : Librairie Hachette. 1890. 352 p.
- Riquer M., de.* Los Trovadores: historia literaria y textos. 3 vols. Barcelona : Planeta, 1975. 1752 p.
- Walberg E.* [éd.]. Guernes de Pont-Sainte-Maxence. La vie de saint Thomas le martyr. Lund, C.W.K. Gleerup. 1922. 386 p.

УДК 82.03+81'276.1

Н. Ю. Кораблева

кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры английского языка переводческого факультета МГЛУ; e-mail: korabl-nat@mail.ru

СОБЛЮДЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИДИОЛЕКТА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПЕРЕВОДЕ: ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья направлена на выявление и анализ особенностей идиолекта литературных персонажей в произведении американского автора Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Автор уделяет особое внимание речи подростков, характеризующейся отклонениями от существующей литературной нормы. Данные отклонения прослеживаются как на фонетическом, грамматическом, так и лексическом уровнях. Особое внимание уделяется грамматическим отклонениям, представляющим собой основу подросткового идиолекта.

Автор приводит подробную классификацию грамматических отклонений, характерных для непринужденной речи американских подростков. Классификация сопровождается примерами, обеспечивающими наглядность предложенных суждений.

На основе предложенной классификации автор проводит сопоставительный анализ вариантов перевода произведения Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» на французский и русский языки. В статье рассматриваются варианты переводов, выполненные Р. Я. Райт-Ковалевой (на русский язык) и Анни Сомонт (на французский язык). Автор приходит к выводу о том, что переводчики использовали тактику максимального соблюдения особенностей идиолекта литературных персонажей-подростков для сохранения полноты образов героев, созданных автором оригинального произведения.

На основе проведенного сопоставительного анализа вариантов перевода автор статьи предлагает использовать ряд переводческих тактик в рамках стратегии максимального учета особенностей идиолекта литературных персонажей для сохранения целостности образов героев и передачи интенций автора оригинального произведения.

Ключевые слова: идиолект; литературный персонаж; грамматические особенности; стратегия; тактика.

N. U. Korableva

PhD (Philology), Associate Professor, Department of the English Language, Faculty of Translation and Interpretation, MSLU; e-mail: korabl-nat@mail.ru

PRESERVATION OF IDIOLECT OF LITERARY CHARACTERS IN TRANSLATION: GRAMMAR ASPECT

The aim of the article is analysis of literary characters idiolect based on the novel "The Catcher in the Rye" written by J. D. Salinger. The author is concentrated

on the analysis of a teenager speech, which can be characterized by deviations from the existing literary norm traced on various levels including phonetic, grammar and lexical ones. Special attention is paid to grammar deviations that form the basis of a teenager idiolect.

The author presents a detailed classification of grammar deviations which attribute to fluency and ease of American teenagers' speech. The author substantiates theoretically the basic concepts of the article and supports them with numerous examples.

The author carries out a comparative analysis of several translations into Russian and French of the novel "The Catcher in the Rye" written by J. D. Salinger made by R.Ya. Rayat-Kovaleva and Annie Somont. The author comes to the conclusion that both translators used the tactic of complete preservation of idiolect peculiarities to make the image of the main characters full and understandable to the reader and to preserve their initially given individuality.

In the article N.Y. Korableva suggests using a number of tactics within the strategy of complete preservation of idiolect peculiarities to make the image of the main characters understandable to the reader and to reflect the initial intentions of the author of the novel which can be traced through peculiarities of his characters' speech.

Key words: idiolect; literary character; grammar peculiarities; strategy; tactics.

Введение

В отношении переводчиков художественной литературы к оригинальному произведению можно выявить, по крайней мере, две основные взаимоисключающие тенденции: соперничество переводчика с автором и максимально бережное отношение к интенциям автора и способам их выражения, проявляющимся, в идиолектах литературных персонажей.

На сегодняшний день наряду с изучением и анализом интенций отдельных высказываний ведутся исследования интенций целого текста (интенциональный анализ текста) [Бурукина 2005]. Подчеркивается текстообразующая функция интенции и возможность классификации текстов по преобладающей интенции, по категориям определенности / неопределенности, выраженности / скрытости интенции в тексте [Дорофеев 2007].

Верная интерпретация интенций автора в переводе является залогом наиболее точного восприятия художественного произведения. Задача осложняется тем, что кроме выявления и корректной интерпретации интенций автора оригинала, лежащих в основе использованных им речевых особенностей своих персонажей, переводчик должен воспроизвести индивидуальный характер речи литературных

героев и как можно точнее передать ее особенности в переводе, выбирая соответствующие переводческие стратегии и тактики.

В данной статье мы собираемся рассмотреть грамматические отклонения от литературной нормы, встречающиеся в речи героев романа Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и составляющие основу их подросткового идиолекта. Мы также проанализируем варианты их перевода на русский и французский языки с учетом применения переводчиками стратегии максимального учета особенностей идиолекта литературного персонажа в переводе [Коралева 2010].

Основная часть

Главный герой романа Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» – шестнадцатилетний юноша по имени Холден Колфилд. Американский писатель строит свое произведение в виде монологического повествования от лица подростка, раскрывая его внутренний мир, отношение к окружающим его людям и действительности посредством особенностей его идиолекта, проявляющегося на разных языковых уровнях.

Многие синтаксические свойства разговорной речи обусловлены ее спонтанностью и ситуативностью. В разговорной речи можно встретить полувопросы, представляющие собой разновидность неместоименных вопросительных предложений [Сычева 2000]. Порядок слов в подобных структурах соответствует повествовательному предложению. Полувопросы частично соответствуют полуутверждениям. В них говорящий сомневается, возражает или ожидает подтверждения правильности высказанного предложения:

On the subway, for Chrissake! Ya lost them, ya mean? [Salinger 1968, с. 44].

Who the hell signs out for nine-thirty on a Saturday night? [там же, с. 62].

В речи литературных персонажей-подростков часто оказываются невыраженными некоторые грамматически и семантически необходимые компоненты. Их отсутствие допустимо лишь благодаря «включенности» высказывания в определенную ситуацию [Лазуткина 1995]. Часто в вопросах элиминируется сказуемое, выражаемое глаголом *to be* или вспомогательным глаголом *to do*:

Where you girls from?" I asked her again [там же, с. 89].

Where the hellja get that hat? [там же, с. 45].

How' sa boy, Ackley? [там же, с. 49].

Также может элиминироваться подлежащее, сказуемое или подлежащее + сказуемое одновременно:

Wudga say? she said. She wasn't listening to me, even [Salinger, с. 88].

What the hellya reading? he said. – Goddam book [там же, с. 44].

Нарушение синтаксических норм проявляется в виде различных типов опущений, например, в редукции предлога *of*:

If you're gonna use that type language, I can go sit down with my girl friends, you know [там же, с. 89].

Часто для передачи социально-возрастных особенностей речи персонажей автор прибегает к нарушению грамматических правил [Серебренников 1970]. Характерной чертой речи англоязычных литературных персонажей-подростков невысокого социального статуса является выравнивание глагольной парадигмы по первому лицу единственного или множественного числа, что приводит к нарушению согласования в числе между местоимением и глаголом. Например: *I goes, she don't, it don't*:

Mona don't want to get hitched, which is fine by me [там же, с. 157].

Отклонение от грамматической нормы также проявляется в неправильном употреблении личных местоимений в косвенном падеже [Скворцов 1997] или в использовании личного местоимения вместо притяжательного:

D. B. took Phoebe and I to see it last year [там же, с. 128].

Then when he got married, I used to play tennis with he and Mrs. Antolini quite frequently, out at the West Side Tennis Club, in Forest Hills, Long Island [там же, с. 184].

Англоязычные литературные персонажи-подростки нередко употребляют неправильные неличные формы глаголов, а также личные формы глагола после выражения *on account of*:

On account of it was Sunday, there were only about three shows playing [там же, с. 128].

I wasn't supposed to come back after Christmas vacation, on account of I was flunking four subjects and not applying myself and all [там же, с. 29].

К характерной черте речи подростков можно отнести употребление двойного отрицания:

He got stinking, but I hardly didn't even show it [там же, с. 105].

В речи англоязычных персонажей-подростков часто встречаются формы *ain't*, *gonna*, передающие значение *are not*, *am not*, *is not* (*ain't*) и *going to* (*gonna*, *gotta*), *wonna*, соответственно. Данные грамматические варианты занимают промежуточное положение между фамильярно-разговорным стилем и просторечием [Левикова 2004].

No kidding, you gonna use your hound's-tooth tonight or not? [Salinger, с. 48].

If you don't shut up, I'm gonna slam ya one [там же, с. 64].

О.Ю. Катаева в статье «Особенности молодежного сленга во французском языке» выделяет схожие с американскими подростками черты, которые также встречаются в речи и французских подростков [Катаева 2007]. Данные речевые особенности проявляются на разных языковых уровнях, включая фонетический, грамматический и лексический.

Подобные речевые особенности, присущие как французским, так и американским подросткам, позволили нам проанализировать варианты перевода романа Джерома Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» на французский и русский языки с точки зрения передачи и соблюдения особенностей идиолекта персонажей. В данной статье будет использован перевод на русский язык Р. Я. Райт-Ковалевой и перевод на французский язык Анни Сомонт.

Отметим, что оба переводчика столкнулись с весьма сложной задачей передачи и сохранения образов героев с выраженными возрастными и социальными чертами.

В рамках стратегии максимального учета [Кораблева 2010] оригинальных особенностей идиолекта мы выявили следующие тактики, использованные переводчиками, для передачи идиолекта подростков:

- тактику подбора функциональных эквивалентов;
- тактику включения возрастных речевых маркеров;
- тактику включения социальных речевых маркеров;
- тактику синтаксической редукации;
- тактику фонетического соответствия [там же].

Рассмотрим выявленные нами тактики на примерах:

1) *тактика подбора функциональных эквивалентов*: подбор слов и выражений для передачи непринужденной речи подростка:

No kidding, you gonna use your hound's-tooth tonight or not? [Salinger 1968, с. 48].

Нет, серьезно, дашь мне свою куртку, если она тебе не нужна? [Сэлинджер 2014, с. 30].

Sans blague, tu mets ta veste de tweed ce soir? [Salinger 1968, с. 30].

При переводе на русский и французский языки переводчики передали грамматические отклонения от произносительной нормы при помощи разговорных выражений, подчеркивающих непринужденность подростковой речи.

Where the hellja get that hat? [там же, с. 45].

Где ты взял эту дурацкую шапку? [Сэлинджер 2014, с. 27].

Ousque t'a dégouté cette casquette? [Salinger 1986, с. 15].

Так как переводчики не смогли подобрать близкий фонетический аналог к слову *hellja*, они попытались компенсировать данное отклонение за счет подбора разговорных слов и выражений *дурацкий – dégoter*;

2) *тактика включения возрастных речевых маркеров*: употребление разговорного, сокращенного варианта некоторых широкоупотребительных слов:

If you don't shut up, I'm gonna slam ya one [там же, с. 64].

Замолчи, или я тебе так врежу! [Сэлинджер 2014, с. 49].

Si tu la fermes pas je te fous une peche [Salinger 1986, с. 29].

Переводчики компенсировали грамматические отклонения от произносительной нормы за счет использования разговорных слов и выражений, а также восклицательных предложений:

How' sa boy, Ackley? [там же, с. 49].

Как делишки, Экли? [Сэлинджер 2014, с. 30].

Comment ça va, Akley? [Salinger 1986, с. 17];

3) *тактика включения социальных речевых маркеров*: использование современных сленговых выражений, слов-паразитов:

I wasn't supposed to come back after Christmas vacation, on account of I was flunking four subjects and not applying myself and all [там же, с. 29].

После Рождества мне уже не надо было возвращаться, потому что я провалился по четырем предметам и вообще не занимался, и всё такое [Сэлинджер 2014, с. 7].

J'étais pas supposé revenir après les vacances de Noel pour la raison que j'avais foiré en quatre matières, et pour le manque d'application et tout ? [Salinger 1986, с. 6].

При переводе как на французский, так и на русский языки переводчики использовали слова-паразиты для придания непринужденности речи подростков, тем самым компенсировав имеющиеся в оригинале отклонения от грамматической нормы;

4) *тактика синтаксической редукации*: употребление разговорных эллиптических конструкций:

On the subway, for Chrissake! Ya lost them, ya mean? [Salinger 1968, с. 44].

В метро? Что за черт? Потерял, что ли? [Сэлинджер 2014, с. 25].

Bon Dieu ! Dans le métro ! Tu veux dire que tu les as perdus? [Salinger 1986, с. 15].

В рамках тактики синтаксической редукации переводчики использовали эллиптические конструкции, которые точно передают эмоциональное состояние подростков, их нежелание следовать сложившейся произносительной норме;

5) *тактика фонетического соответствия*: использование редукации или разговорных форм слов для придания речи подростка непринужденного звучания:

Wudga say? she said. She wasn't listening to me, even [Salinger 1968, с. 88].

– Чего это? – переспросила она. Она совершенно меня не слушала, внимания не обращала [Сэлинджер 2014, с. 76].

Elle a dit « Quoi? » Elle écoutait meme pas [Salinger 1986, с. 45].

В рамках тактики фонетического соответствия переводчики использовали разговорные формы местоимений для передачи фонетических и грамматических особенностей идиолекта речи подростков.

Заключение

Таким образом, мы полагаем, что в результате применения верно выбранной переводческой стратегии и адекватных переводческих тактик с учетом возрастных и социальных особенностей идиолекта литературных персонажей-подростков, переводчикам удалось создать

на русском и французском языках произведения, эквивалентные оригинальным текстам по целому ряду критериев: прагматическим аспектам, соответствию коннотативных и смысловых полей текстов оригинала и перевода, силе воздействия текстов оригинала и перевода на читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурукина О. А.* Коннотативное поле слова. М. : Писатель, 2005. 421 с.
- Дорофеев Ю. В.* Методологические основания анализа и интерпретации художественного текста // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы Третьего международного конгресса исследователей русского языка, 20–23 марта 2007. М. : МГУ, 2007. С. 651–670.
- Катаева О. Ю.* Особенности молодежного сленга во французском языке. Иркутск: ИГЛУ, 2007. С. 24–27.
- Кораблева Н. Ю.* Передача возрастных и гендерных особенностей идиолекта (при переводе произведений художественной литературы с английского языка на русский): дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 253 с.
- Лазуткина Е. М.* Синтагматический класс глаголов: языковая данность, концептуальный феномен, коммуникативные стереотипы // Филологические науки. 1995. № 5–6. С. 65–78.
- Левикова С. И.* Молодежный сленг как своеобразный способ вербализации бытия // Бытие и язык. М. : Фешр-пресс, 2004. 608 с.
- Серебренников Б. А.* Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М. : Наука, 1970. С. 451–501.
- Скворцов Л. И.* Литературная норма и просторечие. М. : Наука, 1977. 176 с.
- Сычева О. Н.* Влияние социально-диалектной дифференциации на грамматические структуры высказываний в неформальном тексте // Вестник АмГУ, 2000. Вып. 10. С. 8–13.
- Сэллинджер Дж.* Над пропастью во ржи. М. : Эксмо, 2014. 272 с.
- Salinger J.* The catcher in the rye. М. : Progress Publishers, 1968. 248 с.
- Salinger J.* L'attrape-coeurs. P. : Robert Laffont, 1986. 244 с.

УДК 82.091

Г. Ю. Минералов

преподаватель кафедры французского языка переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: mineralov.g@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНОЕ КАК ФАКТОР ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ ПЕРЕВОДА (на материале французской и русской литературы)

Язык перевода не может не откладывать отпечаток на характер перевода, это факт непреложный. В истории русской и французской литературы было немало случаев, когда не перевод в современном понимании слова, но адаптация, перевоссоздание иноязычного произведения на базе родного языка оказывалась «приправлена» еще и лингвокультурными элементами. Множество ученых успели сравнить басни И. А. Крылова и Ж. де Лафонтена, но при этом мало кто проводил параллели между баснями Лафонтена и Ломоносова, хотя «национальное» в них проявляется и на структурном уровне.

Так, у Лафонтеновской «Le rat qui s'est retiré du monde» в три с половиной десятка строк развернута совершенно четкая структура с моралью. Ломоносов «сгущает» содержание басни до афористических четырех строк, полагая, что умному этого будет достаточно. За пару лет до М. В. Ломоносова, эту же басню переводит А. П. Сумароков и «объем» перевода занимает 20 строк. С учетом разной степени «сгущения мысли», тенденция к нему, присущая русскому поэтическому языку, налицо. Современные теории перевода фокусируются на стремлении передать смыслы оригинала и их нюансы, но при этом забывают об адаптации переводов не в плане реалий или стиля — разговорного, письменного, высокого или низкого, но в отношении национального стиля, важность которого планомерно нивелируется за неудобностью идеи существования оногo.

Характерен пример национально-художественного переосмысления лафонтеновской повести «Любовь Психея и Купидона», в поэме-повести-адаптации «Душенька» И. Ф. Богдановича, в свою очередь адаптированного французским писателем из вставной сказки-новеллы романа Апулея «Золотой осел». Обе адаптации вносят «национальный» элемент в содержание и исходный сюжет, будь то замена рамки сюжета на прогулку друзей по Версалию или изменение художественной реальности самого сюжета на русскую сказочную.

Подобные национальные элементы нередко ускользают от взгляда переводчиков. Крайне важно специалистам, занимающимся художественным переводом, обладать необходимым инструментарием для распознавания таких моментов и полного понимания произведения, особенно, если ими образован семантический план.

Ключевые слова: внутренняя форма; национальное начало; стиль; художественность; художественный перевод; реалии.

G. Y. Mineralov

Teacher, Department of the French language, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU; e-mail: mineralov.g@gmail.com

NATIONAL MENTALITY AS A FACTOR OF ARTISTIC MERIT FOR LITERARY TRANSLATIONS (based on works of French and Russian literature)

It is known for a fact that it is impossible for translation language not leave any marks on the translation itself. In the history of Russian and French literature, there were a number of cases, where not translation in the modern sense of the term, but kind of adaptation, recreation of a foreign literary work in translation language ended up “seasoned” with particular linguistic and cultural features. Many specialists have already compared fables written by Ivan Krylov and Jean de la Fontaine, yet few of them considered comparing fables of la Fontaine and Mikhail Lomonosov, while the national mentality in the last case is shown on a structural level as well.

Therefore, la Fontaine’s fable “Le rat qui s’est retiré du monde” consists of thirty-five lines and presents a strict structure with a moral. Lomonosov “thickens” the content to four aphorism-like lines. Two years before Lomonosov the same fable was translated by A. Sumarokov resulting in 20-line-fable. Taking into account “thought thickening” to a different extent, this tendency is obvious. Modern translation studies focus on “transferring” meanings and their peculiarities, but forget about adaptation of the original’s not realia and style – formal or informal – but in terms of national style which importance downplays due to its inconvenience.

An emblematic example of a national and artistic reinterpretation of La Fontaine’s novel “The Loves of Cupid and Psyche” (which in its turn is adapted from a cut-in tale in Apuleius’ “Metamorphoses”) is a poem / story “Dushenka” by Ippolit Bogdanovich. Both adaptations introduce “national” features in the story and the content: one changes the frame story to the one where four friends are walking in the gardens of Versailles, while the other transforms the artistic reality of the story itself to the Russian fairy setting.

Similar “national” elements often elude from the sight of translators. It is crucial for specialists who make fiction translations to master techniques that are necessary to discern such moments, especially if the semantic level formed by them is essential for the full understanding of the original work.

Key words: inner form; national mentality; style; artistic merit; literary translation; realia.

Введение

Для определения проблематики данного исследования прежде всего необходимо определить его научную и терминологическую базу: в данном исследовании был использован понятийный аппарат филологической академической традиции, в его основу легли работы А. А. Потебни, Ф. И. Буслаева, А. Ф. Лосева, Ю. И. Минералова. Таким образом, под *художественностью* понимается «степень эстетического совершенства произведения, такая особенность изображения жизни, когда автором достигнуто определенное соответствие элементов

художественной формы, обусловленной содержанием произведения» [Словарь литературоведческих терминов 1973, с. 453].

Внутренняя форма (термин, введенный А. А. Потебней) выражает собой один из признаков познаваемого чувственного образа и не только создает единство образа, но и дает знание этого единства; «она есть не образ предмета, а образ образа, т. е. представление»¹, она появляется, когда художественное слово (в широком смысле) не называет предмет или явление, а изображает его. Необходимо отметить, что в силу неверных трактовок термин «внутренняя форма» часто ограничивается, по сути, пониманием этимологического значения слова, однако А. Ф. Лосев и Ю. И. Минералов в своих работах отмечают неверность и частность такого понимания [Минералов 1999, с. 355]. Наконец, *национальное начало*, в определении Ю. И. Минералова, может проявляться в художественной литературе тематически, сюжетно, оно может находить отражение в особенностях национального стихосложения, звуковой организации стиха и т. д. [Минералов, Васильев 2010, с. 183]. Национальное начало также «фактор художественного творчества, способный оптимизировать, усилить, сделать зримо-картинными ряд сторон создаваемого художником-творцом произведения» [там же, с. 3].

Основная часть

Даже не принимая во внимание личность переводчика, сам язык перевода не может не накладывать отпечаток на характер перевода. Но в истории русской и французской литературы бывало немало случаев, когда не перевод в современном понимании слова, но адаптация, перевоссоздание иноязычного произведения на базе родного языка оказывалась «приправлена» еще и культурными элементами. В этих произведениях хорошо видны элементы национального, на которые стоит обратить внимание переводчикам. Множество ученых успело сравнить басни И. А. Крылова и Ж. де Лафонтена, но при этом мало кто проводил параллели между баснями Ж. де Лафонтена и М. В. Ломоносова, хотя национальное в них проявляется еще и на структурном уровне. Так у лафонтеновской «*Le rat qui s'est retiré du monde*» в три с половиной десятка строк уместается совершенно четкая структура с моралью [La Fontaine 2002, с. 208]. М. В. Ломоносов сгущает смысл

¹ Цит. по: [Дроздовская 1935, с. 184].

басни до афористических четырех строк, полагая, что умному этого будет достаточно:

Мышь некогда, любя святыню,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую пустыню,
Засевшись вся в галланской сыр [Ломоносов 1986, с. 279].

За два года до М. В. Ломоносова, эту же басню переводит А. П. Сумароков и умещает ее в 20 строк. [Сумароков 1957, с. 206–207]. С учетом разной ее степени, тенденция к сгущению смысла, присущего русскому поэтическому языку, налицо. М. В. Ломоносов обрисовывает, по сути, завязку басни:

Les Levantins en leur légende
Disent qu'un certain Rat las des soins d'ici-bas,
Dans un fromage de Hollande
Se retira loin du tracas... [La Fontaine 2002, с. 208].

На этом он останавливается, потому что этого достаточно, чтобы понять все смыслы, которые Ж. де Лафонтен раскрывает сюжетом про войну с кошками. Сумароков заменяет кошек на лягушек, делая отсылку к «Батрахомиомахии», тем самым помещает историю о скупой мышши в псевдоэпическое пространство древнегреческой пародийной поэмы (тогда как в оригинале у «легенды» о мышши-отшельнике ближневосточные корни). Это изменение влечет за собой модификацию структуры его переложения: сначала дается описание войны, а затем автор фокусируется на конкретном персонаже – мышши, в отличие от остальных вариантов, которые начинаются с раскрытия мышши-отшельника. Стоит отметить, что И. И. Дмитриев в 1803 г. делает наиболее приближенный к оригиналу с точки зрения структуры перевод, который занимает у него 43 строки [Дмитриев 1967, с. 118–119]. Современные теории перевода фокусируются на стремлении передать смыслы оригинала и их нюансы, но при этом забывают об адаптации переводов не в плане реалий или стиля – разговорного, письменного, высокого или низкого, – но в отношении национального стиля, важность которого планомерно нивелируется за неудобностью идеи его существования.

Продолжая осмысление переводов и переложений Ж. де Лафонтена, стоит отметить адаптацию И. Ф. Богдановича «Душенька» лафонтеновского произведения «Любовь Психея и Купидона», которое,

в свою очередь, было адаптировано из вставной сказки-новеллы в романе Апулея «Золотой осел». Обе адаптации вносят «национальный» элемент в содержание и исходный сюжет. Так, в оригинале старуха «тешит хорошую сказкой» девушку, которой приснился кошмар [Апулей 1993, с. 167]. Во французском варианте рамка сюжета меняется – четыре друга отправляются на прогулку в Версаль и один из них (Полифил) выносит на суд товарищей свое последнее произведение о Психее и Купидоне. Друзья комментируют его повествование и обсуждают проблемы стиля, а также трагического и комического в литературе – проблемы, актуальные для классицизма в момент написания произведения. «Любовь...» написана уже после вступления ряда реформ о контроле состояния литературного языка. Ж. де Лафонтен во вступлении пишет о своих поисках «нового стиля», потому как классицистической жанрово-стилевой структуры ему не хватает, чтобы воплотить свою задумку в жизнь: «Я терялся, не зная какой характер придать своему повествованию. Исторический? Это было бы слишком уж просто. Романтический? Но он недостаточно изыскан. Поэтический? Он чрезмерно цветист» [Лафонтен 1964, с. 11].

Кроме того, Лафонтен добавляет несколько сцен в саму историю о Психее, которые отражают идеи, современные автору: он вводит сюжет, в котором Психея объясняет неискушенным дочерям пастуха природу влюбленности, мотивируя это тем, что знание проблемы скорее уберезет их от ошибок, чем благочестивое неведение, а также другой – историю о царе, который выбирал из двух девушек себе жену, отвергнув девушку неземной красоты, сравниваемую с прекрасной скульптурой, он берет в жены ту, из которой жизнь бьет ключом и именно эта «живая» красота его покоряет.

В «Душеньке» же И. Ф. Богданович отказывается от рамочного сюжета, отдавая себе отчет в «преемственности» своего произведения:

Издревле Апулей, потом де ла Фонтен
На вечну память их имен,
Вспели Душеньку и в прозе, и стихами
Другим языком с нами.

В сей повести они
Острейших разумов приятности явили;
Пером их, кажется, что грации водили,
Иль сами грации писали то одни.
Но если подражать их слогу невозможно,

Потшусь за ними вслед, хотя в чертах простых,
Тому подобну тень представить осторожно
И в повесть иногда вместить забавный стих... [Богданович 1957, с. 47].

Он приближает реалии и реальность мира Психеи к русской сказочной действительности: Психея (или в более ранних переводах Псиша –на французский манер) становится Душенькой, дракон превращается в Змея Горыныча Чудо-юдо, появляется Кощей и Царь-девица. Также, если «Любовь...» была написана прозой со стихотворными вставками, то «Душенька» – «древняя повесть в вольных стихах», как указывает сам автор [Богданович 1957, с. 46]. Мотивирован этот жанровый переход также и стилем эпохи, и экспериментаторским поиском Богдановича «легкой поэзии», которой так не хватало в век «громких од» и «тяжелых поэм», которые «всех оглушали и удивляли, но никого не услаждали», по словам В. Г. Белинского [Белинский 1979, с. 417]. Также и в развязке происходят изменения. И. Ф. Богданович стремится сохранить невинность Души, поэтому у него Душенька не несет кару сестрам-завистницам, обрекшим ее на страдания, ни сама (как у Апулея), ни по повелению Купидона (как в «Любви...»), вместо этого сам Амур-Любовь обрекает их на смерть, используя пороки злодеек против них.

Приведем еще один пример. В. К. Третьяковский перекладывает роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» на русский язык гекзаметром, придавая эпическому сюжету соответствующую форму эпической поэмы, подобно «Одиссее» и «Илиаде» Гомера. «Телемахида» становится первым законченным произведением написанным русским гекзаметром в отличие от оригинала, который был «воспет прозою, за неспособность французского языка к ироническому эллино-латинскому стиху...» [Третьяковский 1849, т. 2, с. LXII]. За пределами этого В. К. Третьяковский меняет традицию наименования в произведении с римской на греческую, более привычную русскому читателю.

Каждое из этих произведений-адаптаций при учете заимствованного сюжета – произведение русской литературы, все они вышли из-под пера поэтов и писателей, обладающих своим индивидуальным стилем. Внутренняя форма каждого из этих произведений адекватна оригиналу и преломляется через призму языковой культуры и языковых средств. На примерах четко виден и характер работы переводчика над языком переводимых и перелагаемых произведений.

Однако при непосредственном переводе часто не находит отражения не только национальное начало языка переводящего, но утрачивается и национальное языка оригинала. Эти проблемы есть во всех языках, но для большей ясности в качестве примера в данном исследовании обратимся к переводу цикла рассказов «Темные аллеи» И. А. Бунина на французский язык. Этот перевод был издан в 1987 г. Перевели его Жан-Люк Гёстер и Франсуа Лоран, предисловие написал славист Жак Като. Рассказы были написаны И. А. Буниным во Франции во время Второй мировой войны (еще два рассказа были добавлены в 1953 г.). В переводе рассказа «Темные аллеи» для передачи исторических реалий переводчики используют пояснительные сноски:

...стройный старик военный ... в николаевской серой шинели с бобровым стоячим воротником <...> подбородок у него был пробрит и вся наружность имела то сходство с Александром II, которое столь распространено было среди военных в пору его царствования [Бунин 1988, с. 251].

В переводе в дополнение к «à la Nicolas Ier» идет сноска, объясняющая, что император Николай I часто изображается на портретах в большой серой шинели, также говорится, что Александр II на портретах изображен со светлыми усами и бакенбардами [Bouvine 2000, с. 15].

В предисловии Ж. Като, делая обзор биографии И. А. Бунина, отмечает его нелюбовь к большевикам, а также указывает, что во время написания рассказов автор жил во Франции. Славист фокусируется в биографии И. А. Бунина на буквальном анализе произведений: говорит, что Бунин – не романтик, в его рассказах любовь – дикая, жестокая, в ней главное не чувство, а животная страсть, порой доходящая до насилия. При этом Ж. Като не говорит о том, что И. А. Бунин в этих рассказах изливает печаль не по утраченной силе и юности, а по судьбе России.

Однако надо иметь в виду, что автор «Темных аллеи» не случайно выбирает названные портретные детали (переводчики об этом умалчивают), ассоциации тут касаются не только портретного сходства, но и непосредственно напоминают о пути России к катастрофе, последующей за событиями Первой мировой войны. Николай I вступил во власть во время восстания декабристов, Александр II – убит участниками «Народной воли», к которой принадлежал Александр

Ульянов, и именно он, брат В. И. Ленина, готовил покушение на Александра III. Покушение предотвратили, Александра Ульянова казнили в Шлиссельбургской крепости. В русском культурном контексте в осознании этих факторов заключается понимание сути элегического плана произведения. Внешне лирический рассказ содержит круг тех ассоциаций, которые важны были для И. А. Бунина, сокрушающегося о судьбе России. В переводе также утрачивается часть реалий, которые специфически воспроизводят образ интерьера: «частная горница, где можно было отдохнуть или переночевать, пообедать или спросить самовар» [Бунин 1988, с. 251] лишается вполне конкретного предмета – самовара: «...servait d'auberge où l'on pouvait se reposer ou demander à boire du thé» [Bouine 2000, с. 15].

И если, к примеру, в случае с поговоркой «Ехать в Тулу со своим самоваром» озвученной одним из героев художественного произведения не всегда необходимо сохранять реалии и можно обойтись немаркированным «Porter de l'eau à la rivière» (а в английском, немотивированная транспортировка «угля в Ньюкасл» может и навредить при переводе), то в вышеописанном случае отсутствие предмета интерьера изменяет объективную реальность художественного мира произведения. Но с точки зрения стиля – самая досадная потеря – это словосочетание, вынесенное в название. Героиня рассказа Надежда никак не может вспомнить стихотворение, которое слышала 30 лет назад, и ошибается, говоря о темных аллеях, от которых остался лишь смутный образ. На самом деле строки из стихотворения Огарёва звучат так: «Кругом шиповник алый цвет, стояли темных лип аллеи...» [Бунин 1988, с. 255].

Перевод такой:

Et dans les allées sombres, rouge parmi les tilleuls, l'aubépine fleurissait
[Bouine 2000, с. 20].

И в темных аллеях, красный среди лип цвет шиповник.¹

Словосочетание *темные аллеи* в переводе строчки стихотворения сохранено, но вместе с этим утрачен смысловой нюанс этой «ошибки», а с ним ряд порождаемых ею идей.

Это всего лишь один пример, но пример показательный. Для решения проблемы донесения таких комплексных подпланов внут-

---

¹Перевод наш. – Г. М.

ренной формы произведения у переводчиков и литературоведов есть свой инструментарий – это прежде всего комментарии. Но, как видно в данном случае, не только переводчики, но и литературовед-славист в силу неизвестных факторов не разъясняют моментов, необходимых для полного понимания рассказа.

В связи с этим вспоминается А.Г.Витренко, который писал в 2008 г.: «Десятилетиями из-за неразработанности теоретических основ перевода, они [переводчики] были приучены к восприятию текста на уровне предложения и действовали фактически в системе координат грамматики предложения, а не собственно перевода. Результаты таких исследований могут способствовать воспроизводству и укоренению недостатков переводческой деятельности» [Витренко].

Эта идея важна в контексте понимания проблемы «масштаба» переводческого восприятия, от которой порой страдают переводы. Тогда как А. Г. Витренко фокусируется на грамматическом аспекте, он неоднократно акцентировал внимание на необходимости наиболее полной передачи объективной реальности переводимого текста.

Заключение

К сожалению, разрыв между литературоведением и переводоведением сохраняется и на данный момент. Филологов в университетах не обучают художественному переводу, а переводчиков – литературоведческому анализу. В современном учебном процессе направления «Перевод и переводоведение» ничтожно мало времени уделяется словесности (без профилирования курса), анализу текста, а также необходимому в данной специальности обучению методике сравнительно-исторического подхода, разработанного Ф. И. Буслаевым. Идея внутренней формы в рамках языкознания (и теории перевода) не поднимается выше уровня предложения, часто оставаясь только в контексте внутренней формы слова (еще и понимаемой в узом значении этимологии слова). Вышеуказанные примеры демонстрируют как существование внутренней формы и на более глобальных уровнях, так и необходимость умения переводчиков ее видеть и осознанно воссоздавать в переводе. При этом на данном этапе не подразумевается насыщение теории перевода терминологией других наук (подобный подход не всегда приводил к продуктивной динамике

в этой науке), речь идет об обучении использованию инструментария конкретного направления литературоведения для анализа переводимого произведения и более полного понимания его семантической глубины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апулей.* Апология или речь в защиту самого себя от обвинения в магии. Метаморфозы в XI книгах. Флориды. М.: Наука, 1993. 440 с.
- Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1979. 654 с.
- Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957. 254 с.
- Бунин И. А.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1988. 639 с.
- Витренко А. Г.* Кризис переводоведения // Личный сайт А. Г. Витренко. URL: agvitrenko.3dn.ru/publ/1-1-0-4
- Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1967. 502 с.
- Дроздовская Е. Потебня* // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 9. М.: ОГИЗ РСФСР: Советская Энциклопедия, 1935. 832 с.
- Лафонтен Жан де.* Любовь Психеи и Купидона. М.–Л.: Наука, 1964. 140 с.
- Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. 558 с.
- Минералов Ю. И.* Теория художественной словесности: (Поэтика и индивидуальность): учеб. для студентов вузов по специальности «Филология». М.: Владос, 1999. 357 с.
- Минералов Ю. И., Васильев С. А.* Национальное как фактор художественности в русской литературе. М.: Изд-во Литературного ин-та, 2010. 181 с.
- Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1973. 509 с.
- Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. 607 с.
- Тредиаковский В. К.* Лирика, «Тилемахида» и другие сочинения. Астрахань: Астраханский университет, 2007. 624 с.
- Тредиаковский В. К.* Соч. Тредиаковского: Т. 1–3. Т. 2. СПб.: А. Смирдин. 1849. LXXX, 492 с.
- Bouinine Ivan.* Les allées sombres. Traduit du russe par Jean-Luc Gœster et François Laurent. Lausanne: L'Age d'Homme, 2000. 296 p.
- François de Salignac de La Mothe-Fénelon.* Les Aventures de Télémaque. P.: J. Mallet et Cie, 1840. 592 p.
- La Fontaine, Jean de.* Fables. P.: Librairie Générale Française, 2002. 544 с.

УДК 12(751)

А. А. Альварес Солер

кандидат филологических наук, заведующая кафедрой испанского языка переводческого факультета МГЛУ;

e-mail: anna.alvaressoler@gmail.com

РОЛЬ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА В ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО И МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аудиовизуальный перевод как область научно-практического знания находится в стадии становления. Выработка методов для комплексного анализа аудиовизуального перевода является важнейшей задачей, рассчитанной на длительную перспективу.

В целях самоутверждения этой области научного и образовательного знания существенным является установление определенных методов, тактик и стратегий, применимых к переводу аудиовизуальной продукции.

Изложенные в статье результаты изучения особенностей аудиовизуального перевода являются доказательством эффективности и перспективности дальнейших исследований в рамках анализа и внедрения механизмов, тактик и стратегий, лежащих в основе перевода транскреативных сообщений.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод; динамическая и формальная эквивалентность; предпереводческий анализ.

A. A. Alvares Soler

PhD (Philology), Head of the Spanish Language Department, Faculty of Translation and Interpretation, MSLU; e-mail: anna.alvaressoler@gmail.com

THE ROLE OF AUDIOVISUAL TRANSLATION IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Audiovisual translation as an area of scientific and practical knowledge is in the making. The development of methods for the integrated analysis of audiovisual translation is the most important task, designed for a long-term perspective.

In order to assert this area of scientific and educational knowledge, it is essential to establish certain methods, tactics and strategies applicable to the translation of audiovisual products.

The results of studying the features of audiovisual translation presented in this article are evidence of the effectiveness and prospects of further research in the

analysis and implementation of the mechanisms, tactics and strategies underlying the translation of audiovisual products.

Key words: audiovisual translation; dynamic and formal equivalence; pre-translation analysis.

Введение

Настоящая статья посвящена исследованию лингвистических и экстралингвистических особенностей аудиовизуального перевода (АВП).

В академических и профессиональных кругах, непосредственно связанных с переводом, всегда преобладала точка зрения, что переводческая практика осуществляется с незапамятных времен и представляет собой определенное ремесло, т. е. не столько знание, сколько умение [Hurtado 1990].

Понятие «аудиовизуальный перевод» было введено в обиход в романоязычных странах: «traduction audiovisuelle», «traduzione audiovisiva», «tradução audiovisual», «traducció audiovisual», а со временем получил языковую оболочку и в английском языке – «screen translation», «film translation», «media translation» и даже «multimedia translation». Главная особенность данного термина заключается в том, что он объединяет все виды перевода текстов, смысл которых образуется и передается с помощью зрительного и звукового канала одновременно. С этих же позиций можно рассмотреть и некоторые виды перевода, не относящиеся к аудиовизуальному в узком смысле этого слова, тем не менее обладающие многими характерными признаками этого жанра, например перевод комиксов.

Знаково-речевое общение насчитывает почти столько же лет, сколько само человечество, так как даже самый элементарный обмен информацией с незапамятных времен осуществлялся при помощи проксеимических, кинесических и паралингвистических знаков, неизбежно влиявших на коммуникативный акт и, как следствие, на процесс перевода. Поскольку невербальным знакам, дополняющим языковой знак, в филологии и лингвистике всегда уделялось особое внимание, за последние сорок лет были заложены основы изучения взаимодействия и семиотической связи между любым неязыковым и соответствующим языковым знаком, а в переводоведении – основы изучения той роли, которую дополнительное значение, или *extra meaning*, по выражению Р. Фаулера, играет в процессе перевода, в чем

особенно велика заслуга таких исследователей, как У. Онг и Ф. Пойатос [Fowler 1986; Ong 1988; Poyatos 1997].

Основная часть

Особую специфику аудиовизуального перевода как переводческого жанра формирует и определяет именно взаимодействие между вербальным и невербальным языком, между значениями, переданными по звуковому и зрительному каналам, а также в широком смысле этих терминов между языковыми и визуальными знаками аудиовизуального текста.

Понятию «аудиовизуальный перевод» можно дать два определения:

а) аудиовизуальный перевод – перевод мультимодальных (мультимедийных) текстов, в которых немаловажную роль играют интонация, мимика, жесты, телодвижения и т. д., с целью последующей передачи переводного текста с идентичным исходному воздействию на получателя;

б) аудиовизуальный перевод – это перевод текстов, смысл которых образуется и передается с помощью зрительного и звукового канала одновременно.

Основная задача при аудиовизуальном переводе состоит в том, чтобы добиться синергетического эффекта, иными словами выработать комплексный, собственно стратегический подход к принятию переводческих решений, предложить вариант перевода аудиовизуальной продукции, при котором в результате соединения, интеграции, слияния отдельных тактик и стратегий в единую систему за счет так называемого системного эффекта влияния переводного текста на получателя будет идентичным влиянию исходного текста.

Как и любой другой вид переводческой деятельности, аудиовизуальный перевод является целенаправленной деятельностью, отвечающей определенным оценочным критериям. Одним из требований, предъявляемых к АВП, является требование эквивалентности текстов аудиовизуальных продуктов – исходного и конечного.

Формальная эквивалентность обеспечивает максимально полное соответствие содержания и формы исходного и переведенного текстов.

Динамическая эквивалентность определяется как «качество перевода, при котором смысловое содержание оригинала передается на языке-рецепторе таким образом, что реакция (response) рецептора

перевода в основном подобна реакции исходных рецепторов» [Nida 2003, с. 202].

При АВП динамическая эквивалентность стремится добиться максимально точного соответствия эмоциональных и поведенческих реакций на дискурс в исходном и переведенном текстах.

Таким образом, создавая новое аудиовизуальное произведение переводчик стремится к тому, чтобы оно:

- было эквивалентно исходному по эмоциональному воздействию;
- сохраняло структуру смысловых связей всех уровней и не утрачивало аутентичности, т. е. не разрушало веры зрителя в происходящее;
- было изложено на актуальном для определенной зрительской аудитории языке.

Особый интерес представляет перевод мультипликационных фильмов, при котором следует учитывать:

- что мультфильмы преследуют воспитательные цели;
- что дети – это особая целевая аудитория, абсолютно по-другому познающая окружающий мир;
- особенности языка и языкотворчества как детей, так и самих героев различных мультфильмов, предыстории персонажей и их «личные досье»; не снимаются ограничения, накладываемые визуальным рядом; любая попытка осуществить перевод под дубляж детских произведений без должного внимания к детскому языку, богатому своими аллюзиями, шутками и игрой слов, приводит, как показывает опыт, к оглушительному провалу;
- что существуют лакуны национально-культурного характера, т. е. вербальный или невербальный аспект «чужой» культуры, вызывающий реакцию недооценки, неприятия, несогласия или непонимания.

Ниже мы приводим некоторые особо яркие примеры основной переводческой трансформации при АВП – приема целостного преобразования, т. е. преобразования отдельного слова, а порой и целого предложения. Причем преобразование происходит не по элементам, а целостно. Одна из причин использования подобной тактики со стороны переводчика – необходимость преодоления когнитивного диссонанса. Примерами послужили реплики героев известного испанского мультипликационного фильма 2012 г. «Una estrella» («Звезда») режиссера Энрике Гато.

Исходный текст	Дословный перевод	Официальный перевод
Jeff es famoso, protagonizó 17 anuncios de la Lotería de Navidad	Джефф очень известен: он стал главным героем 17 рекламных роликов Рождественской лотереи.	Джефф был назван в честь Томаса Джефферсона, который был основоположником археологии.
No me hables de ese tipejo. Para él la arqueología es un circo mediático, y ya.	Не говори мне про этого типа. Для него археология – не более чем ток-шоу.	Кретин. Он превратил археологию в балаган хуже «Поля чудес».
El tiempo cambia la percepción de las cosas. Albert Einstein.	Время влияет на восприятие вещей. Альберт Эйнштейн.	Как сказал Том Джефферсон, через тысячу лет это тоже будет ценная археологическая находка.
Ya sabes cómo funciona: un pasito palante, un pasito atrás... Es de Ricky Martin.	Ты же знаешь, как обычно бывает: один шаг вперед, один шаг – назад. Это Рики Мартин.	Если с неба стеной вода, помни: это не навсегда. Это Жанна Фриске.
¡Llévate a tu perro callejero!	Убери своего уличного пса!	Забери свою шавку.
No. Tienes las manos de mantequilla.	Нет. Твои руки ни к чему не пригодны.	Еще чего, растяпа!
¡Bien hecho, Emmi!	Правильно сделано, Эмми!	Так держать, Эмми!
¡Ven a ayudarle!	Помоги ей!	Прикрой ее!

Как показывает практика, перед тем как приступить к переводу аудиовизуального продукта, следует провести предпереводческий анализ, который должен послужить целям систематизированного изучения вербального компонента, который может быть понят и передан только при адекватной интерпретации внеязыковых составляющих, с фиксацией картины «когнитивных ресурсов» переводчика.

Методика предпереводческого анализа включает процедуру изучения вербальной и невербальной составляющих полисемантических целостных контекстов, предназначенную для разработки микростратегии и макростратегии, определяющих координаты перевода.

Предпереводческий анализ, направленный на предоставление переводчику информации о специфике аудиовизуального текста для разработки последующей стратегии перевода, под которой понимается программа действий переводчика для достижения синергетического эффекта. Предпереводческий анализ определит дальнейшие действия переводчика с целью выработки им переводческих стратегий.

Заключение

Исследование процессов аудиовизуального перевода базируется на идее, представляющей аудиовизуальный перевод как самостоятельную дисциплину, при этом традиционных знаний об общей сущности перевода, о жанровых особенностях текстов и экстралингвистических составляющих работы переводчика недостаточно, поэтому требуются знания о специфике аудиовизуального дискурса, его конститутивных признаках и типовых свойствах.

Аудиовизуальная культура, без сомнения, находится сейчас в самом расцвете. Это требует более активного изучения всего аудиовизуального, в том числе и АВП. С теоретической точки зрения, исследователи явлений аудиовизуального перевода накапливают интересные и нужные данные для общего и всеобъемлющего взгляда на перевод (проблемы, тенденции, средства) и более чем своевременно указывают на ограниченные возможности применения традиционных подходов. На наш взгляд, предстоящие исследования в области АВП должны обеспечить связность и более эффективный диалог между теорией АВП и общей теорией перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
- Болдырев Н. Н.* Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира: сборник научных трудов. М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. С. 20–28.
- Волкова Т. А.* От модели перевода к стратегии перевода. М.: ФЛИНТА : Наука, 2016. 304 с.
- Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение: учеб. пособие. М. : ЭТС. 2001. 424 с.

- Новые аудиовизуальные технологии: учеб. пособие / отв. ред. К. Э. Разлогов. М. : Едиториал УРСС, 2005. 488 с.
- Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М. : ЛИБРОКОМ, 2017. 264 с.
- Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. 464 с.
- Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 216 с.
- Hurtado Amparo. La notion de fidélité en traduction. P. : Didier Érudition, 1990. 238 с.
- Eugene A. Nida Charles R. Taber. The Theory and Practice of Translation. Boston : Brill Leiden, 2003. 218 с.
- Fowler Roger. Linguistic Criticism. Oxford: Oxford University Press, 1986. С. 272.
- Ong Walter J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. Nueva York : Methuen, 1988. 158 с.
- Poyatos Fernando. Non-verbal communication and translation. Ámsterdam-Filadelfia : John Benjamins, 1997. 361 с.

УДК 325.1

М. С. Салкина

преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка ФФЯ МГЛУ;
e-mail: salkina.m@mail.ru

ЗАМЕЩАЮЩАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ ФРАНЦИИ

В статье анализируется проблема замещающей миграции, отраженной в отчете Отдела Народонаселения ООН и ставшей социетальным вызовом для государств Европы, переживающих демографический кризис и практикующих модель строго гражданской ассимиляции. Интенсивные миграционные потоки неизбежно ставят вопрос о возможности перехода количественных изменений в качественные, т. е. о трансформации культурного и, как следствие, политического ландшафта Европы.

Указывая на тенденцию к культурализации национальной идентичности, ставшую реакцией на появление новых рисков, автор обращается к ситуации во Франции, уникальность которой обусловлена тремя причинами: во-первых, присутствием на территории страны крупнейшей в Западной Европе мусульманской общины; во-вторых, наличием лаицизма, т. е. наиболее строгой формы светского общественно-политического устройства, значительно осложняющей культурную ассимиляцию иммигрантов; в-третьих, выраженной идеологической поляризацией, характерной как для политических, так и для академических кругов.

Важным аспектом настоящего исследования является анализ динамики изменений в структуре населения Франции, что потребовало изучения как данных, предоставленных статистическими учреждениями, так и работ французских демографов. Этот анализ также иллюстрируется рядом примеров городов и коммун, обнаруживающих признаки демографического и культурного замещения.

Рассматриваемая ситуация оказывает прямое влияние на французский политический дискурс: национальная идентичность и идея ее культурных оснований, ранее считавшиеся индикатором выражено правых убеждений, прочно вошли в политическую риторику всего идеологического спектра. Несмотря на то, что в случае французских левых оперирование понятием национальной идентичности продиктовано стремлением лишить программы оппонентов каких-либо преимуществ в вопросах иммиграции, это следует интерпретировать как важный сдвиг, свидетельствующий о том, что значимость национальной идентичности больше не ставится под сомнение.

Ключевые слова: демография; Европейский союз; замещающая миграция; ислам; культурное замещение; миграционная проблема; национальная идентичность; Франция.

M. S. Salkina

Lecturer, Department of French Phonetics and Grammar, Faculty of the French Language, MSU; e-mail: salkina.m@mail.ru

REPLACEMENT MIGRATION AS A FACTOR IN CULTURALISATION OF NATIONAL IDENTITY: THE CASE OF FRANCE

The article deals with the problem of replacement migration stated by the UN Population Division and considered a major societal challenge for European states undergoing a demographic crisis and applying a strictly civic assimilation perspective to immigrants. Intense migration flows inevitably raise concerns that quantitative changes may lead to a change in quality, that means, to a transformation of the cultural and consequently political landscape of Europe.

Highlighting a tendency to culturalisation of national identity as a reaction to the new risks the author analyses the case of France which is unique for the three following reasons: first, the country has the largest Muslim community in Western Europe, second, French politics rest upon laicism, the strictest form of secularism complicating the cultural assimilation of immigrants and third, in France political and academic spheres are marked by a deep ideological polarisation.

Another important feature of the present article is an analysis of the dynamics of change in the French population structure, that required a careful study of the data provided by statistical services as well as the works of French demographers. The analysis is illustrated with concrete examples of towns and communes showing signs of demographic and cultural replacement.

The situation considered has a direct impact on French political discourse: national identity and the idea of its cultural foundations previously considered as an indicator of right-wing policies are now used across the whole political spectrum. Despite the fact that the left-oriented politicians have adopted the notion to deprive their opponents' programmes of any advantage in terms of immigration, that ought to be considered as a major shift showing that the importance of national identity is no longer questioned.

Key words: demography; European Union; replacement migration; Islam; cultural replacement; migration problem; national identity; France

Введение

Миграционная проблема остается краеугольным камнем европейской политики, и текущая ситуация позволяет предположить, что для государств-членов ЕС интенсивные миграционные потоки (исходящие преимущественно из исламских государств) могут стать ключевым социальным вызовом XXI в. Демографическая статистика наглядно показывает, что доля иностранцев в Европейском союзе будет

расти, поскольку недостаточный естественный прирост населения Европы компенсируется замещающей миграцией.

Изменение численного соотношения европейского населения и инокультурных мигрантов (а также их ближайших потомков) закономерно ставит вопрос о переходе количественных изменений в качественные, т. е. о культурной и впоследствии политической трансформации европейского пространства.

Проблематика культурного измерения национальной идентичности в условиях глобализации

Неспособность правящих элит выработать эффективную политику адаптации мигрантов, исповедующих ислам, породила комплекс проблем, приведших к развитию двух взаимодополняющих тенденций: 1) актуализации понятия национальной идентичности; 2) культурализации политических процессов, в рамках которой культура рассматривается как «каузальное объяснение» политики и, как следствие, самой национальной идентичности как политически значимого когнитивного конструкта.

В интересах точности следует отметить, что культурный поворот в социально-гуманитарных науках восходит к 1970 г., однако политические исследования (как и политическая практика) оказались наименее восприимчивы к этому явлению. Как указывает В. Бергем, политическая наука обращалась к культурным факторам лишь в том случае, если исследуемые явления были необъяснимы посредством факторов институционального и структурного порядка [Bergem 2005, с. 24].

У. Лагранж также отмечает, что проблемы, связанные с миграциями, долгое время анализировались с точки зрения социологии, экономики, но не культуры [Lagrange 2010]. Этот подход до недавнего времени господствовал и в политической практике, однако на современном этапе в ситуации наметились изменения, обусловленные прежде всего укреплением позиций ультраправых партий впервые со времен Второй мировой войны. В результате замещающая миграция постепенно стала рассматриваться не столько как биологическая компенсация низкого естественного прироста, позволяющая поддерживать экономическую систему, сколько как процесс культурного замещения, угрожающий в том числе и политическому ландшафту национальных государств Европы.

Здесь целесообразно отметить, что вопреки глобализации, ранее считавшейся фактором неизбежной эрозии национального, «нации на сегодняшний день остаются основополагающими единицами для существования, континуальности, развития и эволюции макросоциетальных процессов»¹ [Anouar 1981, с. 51]. Эта ситуация абсолютно закономерна, поскольку именно национализм с его идеей совпадения культурных и политических границ лежал в основе строительства Европы эпохи модерна, а убедительной альтернативы национальному проекту по-прежнему не существует.

Геополитик и депутат Европарламента Э. Шопрад, в 2015 г. покинувший Национальный фронт, отмечает, что ставка на идентичность в XXI в. является жизненно важной, поскольку идентичность (наряду с мощью государства) является «двигателем истории» [Chauprade 2013].

Замещающая миграция и адаптация инокультурных мигрантов: специфика Франции

Чтобы продемонстрировать масштабы существующих рисков, следует напомнить, что еще в 2000 г. Отдел народонаселения ООН опубликовал отчет о замещающей иммиграции, основные выводы которого сводятся к следующему [Replacement Migration]: в ближайшие 50 лет, т. е. в период до 2050 г., население почти всех развитых стран уменьшится и станет старше вследствие низкой рождаемости и увеличения продолжительности жизни. Таким образом, при отсутствии замещающей миграции сокращение населения неизбежно, и, несмотря на вероятность повышения рождаемости, лишь немногие специалисты полагают, что оно будет достаточным, чтобы в обозримом будущем достичь уровня замещения. Число иммигрантов, необходимых для того, чтобы избежать общего сокращения населения, значительно превышают прежние оценки ООН. К 2050 г. иммигранты, приехавшие после 1995 г., и их потомки могут составить до 40 % населения (например, в случае Германии) [Replacement Migration].

Как пишет Ч. Кили, если показатель фертильности оказывается ниже количественных показателей замещения (а именно на это указывает доклад ООН), численность представителей изначального населения неуклонно уменьшается, и со временем они исчезают, что устанавливает прямую зависимость между сохранением языка и культуры,

¹Зд. и далее перевод наш. – М. С.

с одной стороны, и политикой адаптации инокультурных мигрантов – с другой [Uhlenberg 2009, с. 399].

Этот вывод отсылает к введенному Копенгагенской школой понятию социетальной безопасности государства, т. е. его способности сохранять свой сущностный характер в меняющихся условиях, а также при возможных или реальных угрозах. Очевидно, что обеспечение таковой требует принятия мер, направленных на стимулирование естественного прироста в принимающем обществе и на ассимиляцию представителей других культур. И именно здесь возникает пространство для дискуссий, поскольку в настоящее время ни в одном из государств ЕС не наблюдается ассимиляционистского подхода.

Франция, наряду с ФРГ, выступающая главной политико-экономической опорой Европейского союза, не является исключением в данном вопросе, и проблема культурного замещения нашла отклик в политических и интеллектуальных кругах, что доказывает следующая хронология:

– в 2011 г. была опубликована книга Р. Камю, политического активиста, прошедшего путь от членства в Социалистической партии до убеждений выражено правого толка, «Le Grand Remplacement» («Великое замещение»);

– в 2013 г. важным событием для французской интеллектуальной среды стало самоубийство историка и журналиста Д. Веннера, приверженца ультраправых взглядов, совершенное в соборе Парижской Богородицы; в предсмертной записке среди побудительных причин значились размывание национальной идентичности и культурное замещение [Dominique Venner. In memoriam];

– в 2014 г. была издана книга журналиста Э. Земмура «Le suicide français» («Самоубийство Франции»), а в 2016 г. увидела свет работа философа М. Онфре «Penser l'islam» («Осмыслить ислам»).

Лейтмотивом перечисленных изданий являются несогласие с преобладанием политического содержания национальной идентичности над культурным и подход к демографической проблеме с точки зрения социетальной безопасности.

Если обратиться к демографической ситуации во Франции, согласно упомянутому докладу Отдела народонаселения ООН, число иммигрантов, необходимых для того, чтобы предотвратить сокращение активного населения, в 2–4 раза превышает число, требующееся для остановки общего сокращения [Replacement Migration].

При этом в ЕС Франция воспринимается как страна с высоким (для Европы) показателем рождаемости: 12,3 на 1 тыс. жителей по данным на 2013 г. [La baisse de natalité liée aux attentats? 2015]. Отметим, что этот показатель несколько ниже результата 2000 г., когда рождаемость составляла 13,3 на 1 тыс. жителей. Октябрь и ноябрь 2015 г. были отмечены значительным снижением рождаемости: примерно на 10% [La baisse de natalité liée aux attentats? 2015].

На первый взгляд, ситуация никак не может считаться примечательной на фоне других государств-членов ЕС, и по этой причине особый интерес к Франции нуждается в дополнительном разъяснении.

Во-первых, во всем, что связано с политически значимыми явлениями, для Франции характерна идеологическая поляризация, которую отмечал еще философ и социолог Р. Арон [Aron 1997, с. 18]. Данная особенность прослеживается и в области демографии, в которой друг другу противостоят «левоориентированные» (и в силу политической конъюнктуры более востребованные) П. Вей, Э. Ле Бра и Ж. Нуарьель, с одной стороны, и «правоориентированные» Ф. Бурсье де Карбон, М. Трибала и Ж.-Ф. Дюмон – с другой [La guerre des démographes 1998].

Во-вторых, культурный (в том числе конфессиональный) аспект миграционной проблемы оказывается попадает под действие закона от 1905 г. о разделении церкви и государства. Как следствие, религия и культурные традиции остаются сферой частного и могут свободно прививаться иммигрантам второго и третьего поколений, т.е. с политической точки зрения будущим избирателям. Это означает, что властями предпринимаются попытки лишь «гражданской ассимиляции» [Vertaux 2016] (т.е. исключительно политико-правовой) к лицам неевропейского происхождения, а конфессиональная проблема оказывается фактически неразрешимой. При этом следует отметить, что формирование французской нации в современном смысле данного термина протекало в русле ассимиляционизма: население страны было лингвистически и культурно разнородным (еще в 1883 г. примерно четверть населения не владела французским языком) [Weber 1976], а потому устранение многообразия с целью административной и культурной унификации было одной из первостепенных задач республиканского режима. Однако важно подчеркнуть, что речь шла о приобщении европейского, христианского, населения к гражданским понятиям и ценностям новой политической реальности, проблема ислама в тот период не стояла перед властями.

В-третьих, главным источником иммиграции во Францию являются страны Магриба [Dumont 2008], и на территории Франции проживает самая крупная в ЕС (после Болгарии) мусульманская община [Tribalat 2013, с. 191]. Наибольшая концентрация мусульман наблюдается в регионах Иль-де-Франс, Прованс – Альпы – Лазурный Берег и Рона-Альпы [там же, с. 202]. Однако официальные статистические данные, которые позволили бы с точностью определить численность мусульман в стране, отсутствуют, поскольку закон от 1872 г. устанавливает запрет на вопросы религиозной тематики в рамках государственной переписи населения. Данный запрет получил новое оформление в законе от 1978 г., согласно которому запрещаются сбор и обработка личных данных, прямо или косвенно указывающих на расовую или этническую принадлежность, а также на политические, философские и религиозные убеждения. Тем не менее предполагается, что в настоящее время во Франции проживают около 5 млн мусульман, чей электоральный вес стал очевиден в 2012 г. после избрания Ф. Олланда. За него, как отмечает демограф Ж.-Ф. Дюмон, отдало свои голоса подавляющее большинство мусульман [Les défis imposés par le boom de la natalité des musulmans 2014].

Динамика и масштабы изменений в структуре населения Франции

Чтобы оценить динамику изменений в структуре населения, следует обратиться к данным Insee. В 2014 г. отмечалось, что у 29% новорожденных, появившихся на свет в континентальной Франции, по крайней мере один родитель был рожден за границей, причем в 25,3% за пределами ЕС [Nés vivants selon le pays de naissance des parents 2014]. У 40% детей, рожденных в период с 2006 по 2008 г., по крайней мере один родитель или одна из бабушек / один из дедушек является иммигрантом, из которых у 10% оба родителя иммигранты, причем в 27% случаев неевропейского происхождения (16% приходятся на страны Магриба) [Breuil-Genier, Borrel, Lhommeau 2011].

В 2015 г. у 7,3 млн человек (11% населения), рожденных во Франции, по крайней мере один из родителей являлся иммигрантом, и 55% от этого числа составляли лица неевропейского происхождения (из них 42% из Африки, прежде всего из Алжира, Марокко и Туниса) [Etre né en France d'un parent immigré 2017].

В том же году историк П. Бланшар отмечал, что у 12–14 млн французов (18–22% всего населения) по крайней мере один предок

из поколения бабушек и дедушек был рожден за пределами Европы [La baisse de natalité liée aux attentats? 2015].

Важно подчеркнуть, что мусульманское население страны в целом гораздо моложе: в данной категории доля лиц, чей возраст превышает 50 лет, примерно в два раза ниже, чем у остальной части населения Франции [Tribalat 2013]. По оценкам порядка половины мусульман, проживающих на территории страны, моложе 24 лет [Muslim population in France]. Кроме того, наибольшую роль ислам играет в жизни именно молодых поколений мусульман. По замечанию М. Онфре, «во Франции при содействии демографии духовность в ее активной форме стала в меньшей степени иудеохристианской и в большей – мусульманской» [Onfray 2016, с. 124]. Это иллюстрируется примерами таких коммун, как Трап, Шатонёф-сюр-Шер или Клиши.

Трап является иллюстрацией перехода демографического замещения в культурное: в настоящее время 70% населения коммуны составляют мусульмане [A Trappes l'islamisme a vaincu la République 2017].

Шатонёф-сюр-Сен стала известна благодаря необычному явлению: появлению мусульманской общины в сельской местности [Salafistes de Berry 2015]. Общиной руководит марокканский имам Мохаммед Закария Шифа, представляющий салафизм и выступающий за создание мусульманских деревень. Кроме того, сообщество настаивало на передаче ему участка на кладбище коммуны, поскольку большинство местных мусульман – «коренные французы или французы по праву рождения» [Salafistes de Berry 2015].

В коммуне Клиши на данный момент продолжается почти годичный конфликт между мэрией и местным Союзом мусульманских ассоциаций, протестующим против закрытия мечети в центре города и организующим отправление культа прямо на улице [Prières de rue à Clichy 2017].

Примечательна также ситуация в департаменте Сен-Сен-Дени, где проживает столько же мусульман, сколько во всём регионе Прованс – Альпы – Лазурный Берег и где треть жителей в возрасте от 18 до 50 лет исповедует ислам [Tribalat 2013, с. 202]. Кроме того, на 117 католических культовых сооружений в департаменте приходится 145 мусульманских, что философ А. Финкелькраут охарактеризовал как захват [Finkielkraut 2017].

Данная ситуация закономерно породила обратную реакцию: так, период с 2014 по ноябрь 2017 г. был отмечен полемикой вокруг

рождественских яслей, устанавливаемых в административных учреждениях, в том числе в мэриях. К. Бертран, депутат от правоцентристской партии «Союз за народное движение», подчеркнул, что Франция является светским государством, зиждущимся на христианской традиции, добавил: «Мы не должны извиняться за то, кем являемся» [Crèches de Noël... 2015].

Культурное измерение национальной идентичности во французском политическом дискурсе

Традиционно во французских политических кругах понятие национальной идентичности и ее культурных оснований рассматривались как показатель выраженных правых убеждений. Однако в последние годы правления Ф. Олланда эти понятия вошли и в риторику французских левых, которые, очевидно, руководствовались в большей степени прагматическими соображениями, нежели идейными: в глазах населения подходы к решению миграционной проблемы (прежде всего проблемы взаимодействия с различными направлениями ислама) стали одним из важнейших критериев оценки политических программ, а потому партии левого спектра не могли допустить, чтобы неразрывно связанное с этой задачей понятие национальной идентичности оставалось исключительно в идейном арсенале оппонентов. Тем не менее это можно рассматривать как важный сдвиг, означающий, что культурную проблематику национальной самоидентификации более не могут игнорировать даже те политики, которые отстаивали инклюзивную модель самоидентификации, типичную для партий левой ориентации.

Так, занимая пост премьер-министра, М. Вальс, представлявший на тот момент правящую Социалистическую партию, рассматривал борьбу вокруг идентичности как один из своих приоритетов и ядром идентичности называл сочетание республиканских ценностей и иудеохристианского наследия. В 2016 г., выступая на 110-й годовщине закона об отделении церкви от государства, М. Вальс подчеркнул, что Франция является «древней христианской нацией» [Valls reprend le... 2016], пусть и поспешно уточнив, что «сила французского общества заключается в принятии иудейской общины и признании ислама второй религией страны» [там же].

Примечательно, что нынешний президент Э. Макрон, имеющий устойчивую репутацию сторонника неолиберальной глобализации (которую еще П. Бурдьё критиковал за разрушение любых

идентичностей, препятствующих рыночной экономике), в принципе избегает термина «национальная идентичность», пытаясь заменить его такими понятиями, как принадлежность или национальный нарратив. Здесь прослеживается попытка завершить проблемную дискуссию, расколовшую общество. Но отметим, что, настаивая на «непрерывно конструируемой принадлежности к нации», президент Франции вновь говорит о критериях национальной самоидентификации, которая представляет собой когнитивный конструкт. Фактически, Э. Макрон озвучивает положения конструктивистского подхода к национальной идентичности. И, что характерно, после того, как его высказывания о «несуществующей» французской культуре [Emmanuel Macron... 2017] и о колонизации как о «преступлении против человечности» [Macron qualifie la... 2017] были подвергнуты жесткой критике, он упомянул среди важнейших для национального нарратива фигур историка Э. Лависа [Identité: le double... 2017], активного сторонника колонизации, чьи учебники были направлены на патриотическое воспитание школьников.

Заключение

Рассмотренный комплекс проблем позволяет утверждать, что замещающая миграция осуществляет в некотором роде конструктивную функцию, способствуя не только актуализации национальной идентичности, но и ее социетальному переосмыслению с опорой на культурные основания, что позволяет выйти за рамки политико-правового поля, оказавшегося недостаточным для консолидации общества. По этой причине уместным становится замечание Э. Дюркгейма о том, что не может быть общества, которое бы не ощущало потребности поддерживать и регулярно подкреплять коллективные чувства и идеи, обеспечивающие его единство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Anouar A.* Civilisations and Social Theory. Vol. 1 of Social Dialectics. The Macmillan Press Ltd, 1981. 214 p.
- Aron R.* Introduction à la philosophie politique. Démocratie et révolution / Ed. de Fallois, 1997. 253 p.
- A Trappes l'islamisme a vaincu la République. Valeurs Actuelles. URL: www.valeursactuelles.com/societe/trappes-lislamisme-vaincu-la-republique-60974

- Bergem W.* Identitätsformationen in Deutschland. Vs. Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. 390 S.
- Bertaux S.* Towards the unmaking of the French mainstream: the empirical turn in immigrant assimilation and the making of Frenchness // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 42, 2016.
- Breuil-Genier P., Borrel C., Lhommeau B.* Les immigrés, les descendants d'immigrés et leurs enfants. URL: www.insee.fr/fr/ffc/docs_ffc/ref/FPORSOC11d_VE22Immig.pdf
- Chauprade A.* Chronique du choc des civilisations. Chroniques Dargaud Editions, 2013. 271 p.
- Crèches de Noël dans les mairies : la droite fait la polémique. URL: www.lemonde.fr/politique/article/2015/11/26/creches-de-noel-dans-les-mairies-la-droite-fait-monter-la-polemique_4818020_823448.html
- Dominique Venner.* In memoriam. URL : www.dominiquevenner.fr/2016/05/dominique-venner-in-memori-2/
- Dumont G.-F.* Les défis imposés par le boom de la natalité des musulmans. Atlantico. URL: www.atlantico.fr/decryptage/defis-imposes-boom-natalite-musulmans-gerard-francois-dumont-2014775.html
- Dumont G.-F.* Population et territoires de France en 2030. Le scénario d'un futur choisi. L'harmattan, 2008.
- Emmanuel Macron et le reniement de la culture française. Le Figaro. URL: www.lefigaro.fr/vox/politique/2017/02/06/31001-20170206ARTFIG00209-emmanuel-macron-et-le-reniement-de-la-culture-francaise.php
- Finkielkraut A.* Il y a 145 lieux de culte musulmans en Seine-Saint-Denis pour 117 lieux de culte catholiques // *Valeurs Actuelles*. URL: www.valeursactuelles.com/societe/video-finkielkraut-il-y-145-lieux-de-culte-musulmans-en-seine-saint-denis-pour-117-lieux-de-culte-catholiques-90768
- Identité: le double discours d'Emmanuel Macron. Le Figaro. URL: www.lefigaro.fr/vox/politique/2017/03/09/31001-20170309ARTFIG00250-identite-de-la-france-le-double-discours-d-emmanuel-macron.php
- Insee, Etre né en France d'un parent immigré. URL: www.insee.fr/fr/statistiques/2575541
- Insee, « Nés vivants selon le pays de naissance des parents (Union européenne à 27 ou non) URL : www.insee.fr/fr/ppp/bases-de-donnees/irweb/irsocsd20141/dd/excel/irsocsd20141_t37quater.xls
- Lagrange H.* Le déni des cultures. Seuil, 2010. 350 p.
- La guerre des démographes. Ursula Gauthier. URL: www.ursulagauthier.fr/la-guerre-des-demographes/
- La baisse de natalité liée aux attentats ? Europe 1. URL : www.europe1.fr/societe/attentats-baisse-de-la-natalite-en-france-2640399

- L'Etat a produit un apartheid inconscient. URL : www.letelegramme.fr/bretagne/pascal-blanchard-l-etat-a-produit-un-apartheid-inconscient-14-03-2015-10557044.php
- Macron qualifie la colonisation de crime contre l'humanité. Le Monde. URL: www.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2017/02/15/macron-qualifie-la-colonisation-de-crime-contre-l-humanite-tolle-a-droite-et-au-front-national_5080331_4854003.html
- Muslim population in France. BBC. URL : www.bbc.com/news/the-reporters-30835554
- Onfray M.* Penser l'Islam. Editions Grasset&Fasquelle, 2016. 168 p.
- Prières de rue à Clichy. Le Monde. URL : www.lemonde.fr/religions/article/2017/11/16/prieres-de-rue-a-clichy-comprendre-le-conflit-entre-la-mairie-et-les-associations-musulmanes_5215991_1653130.html
- Replacement Migration: Is It a Solution to Declining and Ageing Populations? Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL : www.un.org/esa/population/publications/migration/migration.htm
- Salafistes de Berry.* Le Nouvel Observateur. URL: tempsreel.nouvelobs.com/l-obs-du-soir/20150622.OBS1310/salafistes-du-berry.html
- Tribalat M.* Assimilation. Fin du modèle français / Ed. du Toucan, 2013. 546 p.
- Uhlenberg P.* International Handbook of Population Aging. Springer, 2009. 758 p.
- Valls reprend le refrain de l'identité nationale. L'Humanité 2016. URL : www.humanite.fr/valls-reprend-le-refrain-de-lidentite-nationale-596420
- Weber E.* Peasants into Frenchmen. The modernization of rural France 1870–1914. Stanford University Press, 1976. 615 p.

УДК 001.5

А. В. Маслова

кандидат философских наук, доцент кафедры философских наук МГЛУ;
e-mail: an_maslova@inbox.ru

РОЛЬ НАУКИ В САМОПОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

В статье рассматривается соотношение самопознания и современного состояния науки. Наука понимается как способ открытия знания о природе с помощью рациональных методов. Говорится о кризисе научной рациональности и предлагается концепт гибкой рациональности, что открывает путь к преодолению этого кризиса. Мышление человека не ограничено рациональными инструментами анализа объекта исследования, оно выходит далеко за его пределы. Анализируется связь способа существования с самопознанием человека. В связи с утратой исторического сознания современным человеком, который погружен в массовую культуру и бесконечные потоки информации, эта проблема является актуальной для гуманитарного познания. Исследуется процесс развития научного познания, который происходит в неразрывной связи со сменой способов существования и мышления. Реалии современного цивилизационного этапа развития указывают на ряд существенных изменений не только в осмыслении природы, но и мышления, самопознания человека в целом. Делается попытка прояснения воздействия способа существования на сознание и способ научного познания.

Корреляция самосознания и научного познания сегодня становится особенно очевидной в связи с развитием новых технологий. Гуманитарные исследования направлены на выяснение процессов, которые ведут к расчеловечиванию.

В связи с потребностью в сохранении истинно человеческого образа действия создается такая наука, как гуманология. Это синтез антропологических исследований и философии техники, где находит отражение современная гуманитарная мысль. Письмо, ориентация в пространстве, межличностные коммуникации производят механизированные, сложные машины. Человек передал свои навыки, которые обретал на протяжении тысячелетий, в «руки» вычислительным технологиям. При этом происходит процесс утраты этих навыков, человек становится действительно беззащитным в современном мире, где правят технологии.

Автор не отстаивает антициентистскую позицию, не отрицает ценности научного исследования и внедрения новых технологий, а указывает на существенные недостатки цифровой цивилизации.

Современное состояние научного познания таково, что оно происходит на стыке разных дисциплин, подчеркивается междисциплинарный и трансдисциплинарный характер научного исследования. Это говорит о требованиях современного

общества в переосмыслении способа мышления и способа существования. В Новое время человек только подступал к тем технологиям, которые сейчас для нас являются вполне привычными. Однако помимо негативного аспекта новых технологий, имеется положительный, связанный с искусственным интеллектом.

В статье говорится об интересном гипотетическом феномене третьего полушария, которое способно взять на себя функции решения рутинных задач, тем самым освободив человеческий мозг для более высоких задач. Таким образом человеческий интеллект сбросит с себя часть работы, которая не давала раскрыть его потенциал в полной мере. Эта гипотеза оправдывает исследования по созданию искусственного интеллекта и указывает на гуманистическую ценность этого проекта.

Итак, в статье связываются такие концепты современной философии, как наука, способ существования, самосознание и технология, что позволяет прояснить задачи для современного гуманитарного знания.

Ключевые слова: познание; самопознание; наука; внерациональное; технореальность; прогнозирование.

A. V. Maslova

PhD, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines, MSLU; e-mail: an_maslova@inbox.ru

THE ROLE OF SCIENCE IN HUMAN SELF-KNOWLEDGE IN THE MODERN ERA

The paper mainly is devoted the relation between self-cognition and the present state of science. Science is understood as a tool to discover the knowledge about nature through rational methods. The main stress is laid on the crisis of rationality; the paper offers a new concept of flexible rationality regarded as a solution to this crisis. The human thought is not restricted to rational means only going beyond the rational analysis. Since the contemporary man lost his historical consciousness, being drown in the mass culture and infinite flows of information, the problem becomes crucial. The paper also analyzes the process of scientific knowledge which is intimately linked with the human ways of existence and thought. The contemporary civilization linked to a number of important changes not only in our understanding of nature but also to the human self-cognition as a whole. The correlation between self-cognition and scientific knowledge becomes more evident in the context of the new technologies; humanities focus on the processes leading to “dishumanization.” The need to save the true essence of man bring

Введение

Изменение самопознания происходит в связи с развитием технологий, меняющих реальность, в которой пребывает современный человек. Его сознание оказывается погруженным в техномир, создание которого является следствием научных открытий, что выводит нас на

ценностные основания и принципы, которые определяют дальнейшее развитие науки и техники. Таким образом, необходимо прояснить взаимосвязь процесса научного познания, развития фундаментальной науки и того контекста, в которой она осуществляется.

Ratio vs. humanity

Становление европейской науки происходит под воздействием внутренних интеллектуальных преобразований каждой эпохи. Выделяют три различных способа существования и соответственно три этапа развития европейской рациональности. Это эпоха Античности, Средних веков и Нового времени. Для последнего характерно волевое преобразование мира, предстоящего как объект. Хладнокровие и сухость науки хорошо отражает эту скрытую установку эпохи Нового времени. Идти напролом ради цели, пренебрегая часто этическими, моральными принципами как раз характеризует способ существования эпохи. Именно с этого исторического момента наука приобретает свои четкие предметные границы; трансформируется из «рассмотрения действительного» как особой формы созерцания многообразного и сложноорганизованного мира в «сеть, которую мы забрасываем, чтобы уловить “мир”, чтобы рационализировать, объяснить его и господствовать над ним» [Popper 1976, с. 341], т.е. познать его. Мир природы превращается в арену действия скрытых законов, которые проявляются под действием света разума. Природа теперь не храм, не целостный космос, а мастерская воли человека. Меняется представление о природе, ее силах и месте человека в ней. Это принципиально важно для прояснения специфики самосознания, которое зависит от фундаментальных установок по отношению к природе и самому себе в контексте эпохи Нового времени, тенденция которой поддерживается в последние несколько веков.

Осмыслением науки и научного познания занимается философия науки, которая выявляет его методологию, отмечая ключевые аспекты для прояснения специфики рационального мышления, однако нужно выйти за пределы философии науки к непосредственному опыту ученого, живому и конкретному. В данном контексте интерес представляет такое понимание научного исследования, которое присуще самим ученым, исходя из своего профессионального опыта, но при этом, способный выйти за пределы этого опыта. Обратимся к пониманию науки, как она видится одному из видных ученых физиков сегодня.

Так, известный современный ученый-физик А. Дзикаки пишет: «Наука заставляет наш интеллект работать так, чтобы делать Открытие. Наука не может изобрести новый закон природы. Наука может открыть новый закон природы» [Дзикаки 2001, с. 23]. Однако это вовсе не должно означать, что законы уже существуют в готовом знаковом виде и как бы предзаданы познающему субъекту, но указывает лишь на то, что до появления науки не были объяснены многие феномены. С ее появлением они обрели смысл и стали понятны благодаря таким важным функциям научного познания, как описание, объяснение и предсказание. Отсюда можно сделать вывод, что перед ученым стоит задача расшифровать природу и облечь в понятийную форму результаты этой расшифровки. Природа, словно книга, написанная на языке математики и не только. Обнаружение генетического кода, где геном представляет собой буквально предложения, написанные на особом языке со своей «грамматикой» вносит существенный вклад в расширение книги Природы. Методы расшифровки этой книги постоянно развиваются, однако человек остается в своем теле, практически не подверженном изменениям уже несколько десятков тысяч лет. Несмотря на колоссальный прорыв в науке и технологии, человек тем не менее утратил множество своих навыков, он стал менее выносливым, менее чутким к природе и степень его реакций значительно снизилась. Это очевидно, ведь нет больше необходимости подвергаться опасности для добывания пищи и обеспечения безопасности в целях дальнейшего выживания. На современном этапе своего развития западная цивилизация позволила человеку отгородиться от дикой природы, дав возможность создать новую реальность, полностью основанную на техническом оснащении. Однако для нас интерес представляет механизм, при котором остаются неизменными процессы в сознании, которые ведут к научному открытию. Сознание в данном контексте мы рассматриваем в качестве основания для разных видов мыслительной, глубинной мозговой деятельности.

Итак, по одну сторону находится книга Природы, написанная на тех языках, которые нам доступны, по другую сторону – человек со всем богатством своей природы сознания, перед которым стоит задача расшифровки текста книги Природы. Такая «расшифровка» связана с рациональным научным методом, с применением известных языков наук, а также с проявлением внерациональных когнитивных способностей, таких как интуиция, предсказание, чувство.

Взаимосвязанность рациональных и иррациональных способов познания позволяет прийти к открытию в науке, которое способствует прогрессу, а в своем пределе – приближает к истинному знанию. Считалось, что только рациональные методы имеют место в научном поиске, тем не менее современное научное познание выходит за пределы чисто рационального поиска фундаментальных основ бытия и нуждается в новом философском обосновании. Обращаясь к эпистемологическим основаниям научного познания, неизбежен выход на субъективный уровень, во второй мир (по Попперу). Это область системы ценностей, мировоззрения, стереотипов, авторитетов, а также мыслей, психологических аффектов и интуиции, где происходит процесс угадывания, фантазирования, свободного рождения идей.

В своем исследовании мы будем опираться на понятие гибкой рациональности, которое характеризуется как ментальная способность к свободному и осознанному (внутренне контролируемому сознанием) проявлению творческих интенций в процессе научной деятельности. Это важная характеристика позволит внести еще одно уточнение в процесс научного познания – это ценностные ориентиры и предпосылки научного исследования. Таким образом, единство онтологии, гносеологии и аксиологии как взаимодополнительных сфер философского знания может быть основной содержательного развития философии XXI в., в частности, философии науки. Этот синтез является ответом на те трагические факты истории, которые указали ученым на ответственность перед миром за свои разработки. Конечно, творческая направленность фундаментальной науки не может быть скована рамками этических императивов, но техническое ее приложение обязано следовать этим императивам, дабы не нарушать баланс между экологической и культурной сферами жизни общества. Проблемой также является экономическая и политическая ангажированность научных исследований, которые не всегда могут идти на благо, в связи с чем усиливается роль социального-гуманитарного фактора в оценке того или иного научного исследования. Взаимодействие человека с миром должно проходить фильтрацию ценностей, однако как определить, на чем основаны эти ценности, для этого обратимся к способам мышления и структуре сознания, которое претерпевает ряд изменений, которые оно само не в силах остановить.

Необходимо прояснить механизм изменения сознания в процессе преобразования реальности в технореальность. Именно поэтому

важно определить, что подразумевается под процессом научного познания, которое трансформировалось в гибрид фундаментальной науки и технологии. Здесь нужно подчеркнуть, что если изменяется сознание в целом, следовательно, изменяется сознание ученого, работающего в этой измененной реальности, скорее, изменяющейся под действием внедрения в нее новых технологий.

В чем состоит это изменение? Здесь есть несколько граней, которые необходимо рассмотреть как взаимосвязанные части целого исторического процесса. На уровне антропологического осмысления бытия, человек сегодня находится в ином мире и в ином осознании себя в нем. Вот как пишет об этом, например, А. В. Лызлов: «Человек уже не чувствует себя участником истории как непрерывно движущейся из прошлого в будущее. Скорее он чувствует себя сегодня участником процессов (множественное число здесь принципиально важно), имеющих место в мире как а-центрированной системе. Мир становится системой, организованной по типу ризомы, если употребить здесь концепт Ж. Делёза и Ф. Гваттари, – системой, в которой изменения ее состояния не имеют единого центра, но возникают лишь временные центрации как эффект протекающих в системе процессов» [Лызлов 2015, с. 82]. Мир развивается по так называемой «логике сенсаций», где информация должна обязательно задеть эмоционально, потрясти, но не передать некий скрытый смысл. Важно не истинность или ложность поставленного знания, а скорость его поставки потребителю. Человек становится «одномерным», легко внушаемым и пассивным. Формируется новый тип человека, homo aeconomicus трансформируется в одноразового человека, который является объектом манипуляции со стороны властных структур, внедряющих новые технологии. Таким образом обостряются отношения индивида и власти, индивида и социума, происходит взаимодействие с обострением, всё это характеризует общество риска, где малейшее изменение может привести к разрушению хрупкого информационного общества. Цифровая реальность ставит определенные условия для сознания человека, в которых исторический процесс превращается в гугл разнообразных событий, которые можно комбинировать в политических, экономических целях. Наука, в свою очередь, становится социальным орудием, выполняющее конкретные заказы. Ее ангажированность является ключевым аргументом критиков науки как таковой. Конечно, это предвзятое отношение к процессу научного познания, так как ученый как личность пребывает

в историческом контексте и его сознание не находится в «башне из слоновой кости», которое бы не затрагивали реалии современного общества, где ему необходимо выживать.

Стоит отметить, что описанное а-центрированное понимание истории и неопределенное положение человека в мире опрокидывается на процесс наблюдения в научном познании, порывающее с классическим пониманием детерминизма. Странное, непредсказуемое движение частиц и осмысление человеком собственного существования в историческом процессе могут быть связаны в этой корреляции. Открытия в нейронауке также говорят о недетерминированности нейронных процессов, свидетельствующих об открытости человеческого тела как сложноорганизованной системы [Глик 2013, с. 18].

Тенденция к объединению глобальных и локальных процессов, микро- и макромира является важной характеристикой современной науки. Известно, что существует четыре уровня реальности: микрокосм, мезокосм, макрокосм и мегакосм; а также четыре вида взаимодействия: гравитационное, слабое, электромагнитное и сильное. Все эти уровни имеют свои особенности и характеристики, однако идет непрерывный поиск объединяющих принципов, по которым построен мир. Одним из следствий такого поиска стала квантовая теория сознания, которая представляет собой объединение мезокосма (мира, в котором существует человек, можно сказать – это второй мир по Попперу) и микрокосма. Это объединение происходит с помощью физического знания, которое в своем пределе граничит со знанием философским. Необходимо пояснить, в чем состоит отличие науки от философии. Здесь сошлемся на идею А. Бергсона, которая гласит, что наука направлена на действие, на подчинение природы человеком под его воздействием, она подвергает анализу застывшую ткань бытия, а философ «стремится к симпатии», которая есть «взаимопроникновение, взаимопричастность разных частей универсума» [Блауберг 2016, с. 33]. Видеть в достижениях частных наук общую картину мира, а также выявлять основания своего исследования, которых придерживается ученый – это одна из основных задач философии.

На основании открытий естественных наук, особенно, физических, меняется онтология, а картина мира формируется на основании онтологии и эпистемологии. Сегодня научная картина мира представлена эволюционной теорией и квантовой физикой, характеризующей нелинейность, самоорганизацию и открытость процессов и систем, что подразумевает признание феномена непредсказуемости.

Одна из задач научной теории – это предсказание, что требует разъяснения таких понятий, как будущее, время, предвидение. В последнее время часто упоминается такое направление, как футурология, претендующая на предсказание будущих технологий и того, каким будет мир и роль человека в этом мире. Нужно сказать, что человек всегда пытался предсказать будущее, но сегодня предпочтительнее говорить об экстраполяции, если мы имеем в виду научное прогнозирование. Экстраполяция особенно важна и интересна в области информационных технологий, где одно изобретение, став массовым, меняет социокультурную сферу (например, как это случилось с изобретением радио). Здесь мы обнаруживаем каскад следствий, которые сегодня особенно ощутимы.

В связи с ростом компьютеризации, человек постепенно утрачивает те навыки, которые он применял раньше. Например, письмо: оно становится неким рудиментом, поскольку печатание на клавиатуре убыстряет и облегчает работу с тем или иным текстом. Однако нивелируется навык письма, испокон веков характеризующий образованность человека. На фоне этих процессов создается такая наука, как гуманология, которая изучает «постчеловеческие» или «постгуманитарные» феномены современности [Проективный философский словарь... 2003].

Кроме того, большой интерес в процессе осмысления оснований познания представляет то, как изменяется само сознание под влиянием нового знания и гипотез о самом сознании. Ключевым здесь является понятие информации. Информационное поле, через которое происходит получение знаний, имеет свои источники. Важно отметить, что не вся информация является знанием, однако человек получает ее через: экспрессию генов, ощущение, восприятие, интуицию, рефлексию. Таким образом он находится в эпицентре информационных потоков, которые он получает от разных источников. Более того, как отмечает Д. Глик: «Вселенная, таким образом, рассматривается как компьютер – космическая машина для обработки информации» [Глик 2013, с.18]. В этом ключе можно предположить, что и человек является своеобразным компьютером, обрабатывающим колоссальные потоки информации. Однако не стоит поддаваться редукционистским настроениям, которые не решают проблему сознания, а значит и проблему искусственного интеллекта.

Последние прогнозы относительно искусственного интеллекта разделяются на оптимистический и пессимистический.

Оптимистический прогноз состоит в том, что будущее человеческого мозга представляется в расширенном его варианте, а именно, как обладающим «третьим полушарием» [Ваганов 2017]. Оптимизм заключается в том, что благодаря искусственным аналогам человеческого интеллекта можно освободить живой человеческий мозг для раскрытия богатого потенциала диалога между полушариями, тем самым увеличив креативность человеческого интеллекта. Такая трактовка «искусственного» вовсе не редуцирует истинно человеческие живые свойства сознания. Напротив, технологии искусственного интеллекта (ИИ) помогут развивать и применять в более широком контексте человеческой жизни, расширяя горизонт сознания, открывая новые возможности для реализации потенциала человеческого интеллекта. Здесь искусственное приходит на помощь естественному, не нарушая сложный баланс между искусственным и естественным, в то время как границы между ними становятся в последнее время всё более прозрачными. Аристотель определил естественные процессы, как присущие природе, а искусственные как противоположные природным, как те, которые возникли в процессе человеческой деятельности. Однако является ли человек искусственным, если ему имплантировали механическое сердце вместо больного? Отчасти его тело теперь работает за счет внешнего ресурса, не присущему телу по природе, но человек сам от этого искусственным не становится, он является лишь зависимым от имплантированного ему механизма. Этот пример вполне безобиден, а что происходит, когда возникают искусственные миры, созданные исключительно разумом человека?

Феномен виртуальной реальности представляет такую форму неразличимости, где человек своей волей погружает себя в область несуществующего, но волнующего его не меньше окружающей действительности. Размывается граница между действительно существующим и виртуально волнующим. Последнее творится человеком с помощью цифровых технологий, в которых он теряет границу между реальностью и виртуальностью, что усиливает степень влияния цифровых технологий на сознание и самосознание. Теперь можно сделать предположение, что в искусственной среде, которую представляет собой виртуальная реальность, человек действительно постепенно становится искусственным, хоть тело его работает полностью на своих природных ресурсах. Его сознание перестает работать в условиях естественной среды, тем самым по законам коэволюции

происходит адаптация к искусственной среде, что дает повод предположить роботизацию человеческого сознания, оно перестает быть гибким и лишается возможности решать комплексные жизненные задачи, ограничивая свой психологический инструментарий математическим алгоритмом компьютера. Таким образом, в основе определения естественного и искусственного по отношению к человеку лежит понятие сознания.

Заключение

Подводя итог, отметим, что научное познание на современном этапе своего развития находится в контексте трандисциплинарного дискурса и решение таких проблем, как: что такое сознание, что лежит в основании мира, нуждается ли наука в ценностях и т. д. – выходит за пределы конкретного научного исследования (например поиск нейтрино, гравитационной волны, реликтового излучения, экзопланеты, бозона Хигса и т. д.). Это очевидно, однако трансцендентный характер размышлений над этими проблемами детерминирован не только картиной мира, но и всей системой взаимодействия с миром. Таким образом, анализ изменений, происходящих в сознании человека и, в частности, ученого как находящегося в эпицентре информационных потоков, является актуальным и перспективным для развития гуманитарного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блауберг И. И.* «Философская интуиция» Анри Бергсона – размышления о сущности философского творчества // Философский журнал. Т. 9. 2016. № 2. С. 24–36.
- Будущее философии: профессиональный и институциональный аспекты: сб. ст. / под. ред. И. В. Кузина. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. 293 с.
- Ваганов А.* Когда у человека появится еще одно полушарие мозга. 2017. URL: www.ng.ru/science/2017-11-22/9_7120_future.html?print=Y
- Влияние Интернета на сознание и структуру знания / отв. ред. В. М. Розин. М. : ИФ РАН, 2004. 239 с.
- Гиренок Ф.* Удовольствие мыслить иначе. М. : Академический проект, 2008, 235 с.
- Глик Д.* Информация. Теория. Поток. М. : АСТ : Corpus, 2013. 576 с.

Дзикаки А. Творчество в науке. М. : УРСС, 2001. 240 с.

Лызлов А. В. Состояние постмодерна или к позитивному осмыслению нашего времени // Вызовы глобального мира. Вестник ИМПТ. 2015. № 2 (6). С. 80–87.

Масалова С. И. // Гибкая рациональность уплотнения научного знания: когнитивный аспект // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 2 (10). С. 32–45.

Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под. ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. СПб. : Алетейя, 2003. 512 с.

Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М. : Навигатор, 2015. 564 с.

Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной: сб. статей / под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М. : РОСПЭН, 2010. 663 с.

Popper K. Unended quest: An intellectual autobiography. L. : Fontana : Collins, 1976. 270 p.

УДК 130.1

М. Годава, А. В. Маслова

М. Годава, доктор богословских наук; директор Института духовной жизни при Университете Иоанна Павла II в Кракове; e-mail: marcin2409@interia.pl

А. В. Маслова, кандидат философских наук; доцент кафедры философских наук МГЛУ; e-mail: an_maslova@inbox.ru

МИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА (обзор «круглого стола»)

В статье проводится сравнение восточных и западных мистических практик. Анализируется опыт Августина Аврелия, его метанойя, когда будучи нехристианином, он осознает полноту Бога в себе самом. Он не может поделиться своим прозрением, охватившим всё его существо, со своим близким другом Алипием. Он может только в рациональном акте интерпретации выразить ту интуицию, которая открылась ему. Такая практика самого себя направлена на этическую составляющую жизни человека. Таким образом мистическое созерцание делает человека лучше. Для христианина это ни что иное, как приобщение к благодати Бога.

Также анализируется шаманизм как древнейший способ общения с богами. Это метод исцеления посредством обновления души. Сюжет обновления, воссоздания метафизического начала мира проходит сквозной нитью через все религии.

Феномен молитвы представлен с точки зрения нейрофизиологического исследования Эндрю Ньюберга. В своих исследованиях он показывает, что в момент молитвы человеческий мозг усиливает работу той своей части, которая ответственна за речь. Отсюда можно сделать интересный вывод, что для верующего это означает ни что иное, как общение с самим Богом. Так, в исламе намаз является обязательной процедурой; более того, неотъемлемой частью жизни мусульманина. Конечно, молитва должна в первую очередь приводить к состоянию метанойи, перемене ума и улучшению собственной души, обновляя ее и приобщая к божественному свету.

В контексте восточных традиций духовного опыта рассматриваются индийские практики йоги. Они открывают перед человеком горизонты потенциала собственного тела и ума. Работа над сознанием ведет к состоянию самадхи, которое является целью и направляющей нитью всего медитативного действия. Практическая составляющая медитации является особенностью восточного мировоззрения.

В связи с этим в статье рассматривается учение цигун, которое возникло в Китае. Это учение представляет собой синтез дыхательных упражнений и китайской философии. Путь лежит через телесную практику к духовному очищению, достижению дзен и просветлению. Таким образом, мистическая практика может быть вполне применима в качестве оздоровления тела.

Помимо дальневосточных и ближневосточных традиций духовного опыта рассматривается русская духовная мысль. Русская мистическая традиция восходит к образу Софии, который был разработан в софиологии Владимира Сергеевича

Соловьева. Причем ему были не чужды мистические состояния и экстатическое вдохновение. Религиозность в нем сочеталась с истинным мистицизмом, восходящим к Плотину, Валентину и Экхарту. В. С. Соловьева по праву можно назвать русским мистиком в философии, с живым опытом общения с Софией. Для русского философа София была не только онтологически первична по отношению к материи, но и этически нагружена как образ спасения мира. Учение о Софии Премудрости Божией и вечной женственности нашла отклик во всей русской религиозной философии как доминирующее мистическое учение.

Россия в статье представляется неким мостиком к рассмотрению северной мистической традиции. Скандинавская мифология – неотъемлемая часть духовной жизни северных народов. Боги и силы, связанные с природными стихиями и явлениями, определяют жизнь и судьбу человека. Отсюда происходит гадательная практика – руны.

Итак, рассматривается мистический опыт как связывающий воедино восточную и западную традицию духовного преображения.

Ключевые слова: созерцание; мистика; религия; метаноия; архетип; София Премудрость Божия; миф.

Maslova A. V.

PhD, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines, MSLU; e-mail: an_maslova@inbox.ru

Marcin Godawa

Doctor of Theology (Dr.habil.), Adjunct,
John Paul II Pope University in Krakow,
Director, Spiritual Life, Poland; e-mail: marcin2409@interia.pl

MYSTICAL TRADITIONS IN THE SPIRITUAL CULTURE OF THE WEST AND THE EAST

The article compares the Eastern and Western mystic experience. The author analyses St. Augustine's experience, his metanoia and his awareness of God in himself before St. Augustine became Christian, yet he cannot share this overwhelming personal experience with his friend Alypius of Thagaste. He can only describe such an intuition in a rational act. This practice of yourself is directed at the ethic aspect of human life. So mystic contemplation makes a human life better. For the Christian it means belonging to God's grace.

Shamanism as an ancient method of communication with gods is also analyzed. It is a method of healing through the renewing of soul. The plot of the renewing and recreation of the metaphysical beginning of the world is known to all religions.

The phenomenon of prayer is analyzed from point of view of Andrew Newberg's neurotheological conception. In his studies Newberg points out that the moment of the prayer actualizes and strengthens the part of brain responsible for speech. Thus, for a believer, this is the communication with God himself. No doubts that prayer should first of all lead to metanoia, i.e. to the change of mind and improvement of soul making her part of God's presence.

The author considers Indian yoga practices in the context of the Western traditions. These practices open a horizon of capabilities of his or her body and mind. The work on consciousness leads to the state of samadhi which is a goal of meditative practice. This practical aspect of meditation is a particularity of Eastern worldview.

The paper also treats the conception of Qigong originated in China. This doctrine is a synthesis of breathing exercises and Chinese philosophy. The way implies body practices leading to spiritual purification (Zen, Enlightenment). Thus mystic practice can be viewed as a way to healthy body.

In addition to the Far Eastern and Near Eastern traditions of spiritual experience, the article analyzes Russian spiritual thought. The Russian mystical traditions goes back to the figure of Sofia developed in the 'sofiology' of Vladimir Soloviev. For the Russian philosopher Sofia is not only ontologically primal but it also has a strong ethical value as the image of salvation. The doctrine of Sofia, as well as of God's wisdom and eternal femininity, was very popular in Russian religious thought.

Russia is a kind of link to North mystical tradition. Scandinavian mythology is an inseparable part of the life of Northern peoples. Gods and the Nature's forces determine the faith of human beings who often turned to the magic of runes as the main source of knowledge.

Key words: contemplation; mystic; religion; metanoia; archetype; Sofia; mythos.

Введение

Интерес к тайнам человеческой души возник давно, с периода формирования образно-символического мышления, в котором человечество пребывало долгое время. За это время накопилось множество религиозных образов, символов, но при этом, сохранилось представление о жизни как о дуализме сакрального и профанного (мирского). Эту двойственность взгляда на мир участники круглого стола постарались раскрыть с разных сторон. Были подняты такие проблемы, как: в чем специфика христианского созерцания; в чем состоит мистический опыт шамана; какова специфика религиозной молитвы, в том числе в исламе; в чем состоит мистический аспект в йоге; мистический аспект учения о Софии В. С. Соловьева; цигун как мистическая практика в даосизме; сакральные образы в мифологии Северной Европы. Эти темы, на первый взгляд, разнородные и самостоятельные. Они имеют один общий корень, относятся к духовному, внутреннему мироощущению человека [Жигуева 2016]. Каждая культура, эпоха имеет особый ритм и тональность в ощущении мира, что проявляется в духовных практиках, которые лежат в основе религиозной культуры. Каждый доклад был посвящен духовным традициям определенной культуры, где был отражен мистический аспект человеческой души и ее проявлений.

Многообразие мистического опыта. Поиск единства

18 декабря 2017 г. кафедра философских наук МГЛУ провела заседание круглого стола «Мистические традиции в духовной культуре Запада и Востока», в котором приняли участие преподаватели и студенты факультета гуманитарных наук. С основным докладом выступил Марчин Годова, доктор богословских наук, доцент Университета Иоанна Павла II (г. Краков). Название доклада «Черты христианского созерцания по Августину Блаженному». В нем был проанализирован мистический опыт Августина Аврелия Блаженного и момент его метаноии («перемена ума»), кардинальное изменение отношения к жизни, смена ориентиров и переоценка ценностей. Всё это ознаменовало переход сознания Августина к полному принятию христианского Бога [Эриксен 2003]. Важно подчеркнуть внерациональные основания жизненного пути для определения христианского созерцания, которое является интимным душевным опытом, неповторимым, и поэтому сложно поддающимся анализу. Однако, по мнению докладчика, в данном мистическом восприятии как христианском созерцании присутствует рациональный элемент, который как раз и позволил Августину интерпретировать свой мистический опыт, как открытие христианского Бога. «Возьми и читай, возьми и читай!» – этот призыв будущий Отец Церкви прямо отнес к книге жития св. Антония. Это намерение не вызвало в нем ни доли сомнения в необходимости обращения именно к этому тексту. Слово вошло в жизнь Августина и стало его путеводителем по его духовной, просветленной жизни [Августин 1992].

Таким образом, духовный кризис Августина Аврелия несет в себе эпистемологический (познавательный) смысл, когда воля человека отходит на второй план, когда она следует благодати, в которой сосредоточена сила просветления. Конечно, это личный опыт, неповторимый и индивидуальный, поэтому Алипий (друг Августина) не может сочувствовать, тем более как-то содействовать плачущему Августину в его переживании. Интересна форма, в которой Августину пришла благодать – это голос ребенка как символический знак, который несет одновременно ясный и чистый посыл души. Таинственный характер детского голоса как бы извне обращает внимание на помощь благодати, при этом Августин приобретает душевные силы. Он толкует этот голос, как голос благодати. Не иначе! В этот момент происходит акт интуиции – его личное воздействие, взаимодействие ума и воли, которая зависит от него самого [Рабинович 1991]. Под интуитивным

здесь понимается особый способ отношения ума и воли к голосу как духовному явлению. Это одновременно внерациональный и рациональный элементы интуиции. Внерациональный элемент здесь состоит в том, что Августин не дедуцирует, а рациональный в том, что разум правильно его направляет к озарению, опираясь на предыдущее знание, а именно, на житие Антония.

Такое качественное действие души Августина Блаженного соответствует нуждам человека в связи с приобщением к благодати. Фактор благодати является ведущим, она дает силу следовать Божьей воле. Исповедь свидетельствует еще о потребности оформления в разуме, рациональном объяснении интуитивного опыта общения с благодатью [Godava 2015].

Интуитивное схватывание целостного образа, который являет собой образ веры был мгновенно понят умом Августина, который соотнес свою жизнь, свой опыт с тем знанием, которое было получено из общения и чтения Писания. Известно, что христианская терминология произошла от неоплатонизма, а Августин Аврелий был неоплатоником. Соответственно он проводил аналогии с христианским учением, что позволило ему применить свою эрудицию, полученную в процессе изучения античной философии.

М. Годава отметил, что в христианской молитве происходит акт контемплиации (род медитации), внутреннего созерцания, которое должно привести не только к очищению души и метаноии, но и к мистическому созерцанию Бога. Покой и уверенность в познания истины – Бога – это важная черта контемплиации, мистического созерцания. В этот момент происходит своеобразный парадокс, в который попадает человеческая душа, она становится одновременно и созерцающей, и созерцаемой, ибо Бог есть в душе человека. Таким образом, задача Августина состояла в том, чтобы извлечь знание о собственной душе благодаря созерцанию Божественного слова. Слово – это и есть логос, который направляет душу к пониманию. Здесь мы обнаруживаем выход за пределы конкретного опыта Августина Блаженного, где важна эпистемологическая роль интуиции, как связующего звена между чистым дорефлексивным мистическим опытом и его рациональной интерпретацией. Мистический опыт, иллюстрацией которого послужил духовный переворот Августина Блаженного, представляет собой синтез иррационального и рационального начал в человеке.

Продолжая тему религиозного мистицизма, Антонина Штолина подготовила презентацию «Шаманизм в XXI в. Пережиток прошлого или народное верование?», в которой описывалась специфика шаманизма на территории Алтая. Было показано, что шаманизм является ранней формой религии, основанной на общении человека с духами в состоянии транса. Это политеистическое религиозное верование. В нем разные явления природы принято рассматривать как божества, а все окружающие предметы как наделенными душой [Элиаде 2010]. Важным в докладе было прояснение того, что шаманизм – это магическое учение о способах осознанного и целенаправленного взаимодействия с духами. В своих практиках шаманы демонстрируют способность путешествовать в другие миры и общаться с ними, получая силу от сверхъестественных источников. Одновременно это совокупность экстатических и терапевтических методик, цель которых – вступить в контакт с невидимым миром духов и заручиться их поддержкой для управления делами людей. Явление шаманизма многогранно само по себе, так как открывает целый пласт первобытных, архетипических представлений человека о мире, строении реального и мифического Космоса, их неразрывной связи и переплетения. Согласно проведенным исследованиям шаманские практики были известны еще во время неолита и бронзового века. На Алтае до сих пор можно встретить шаманов, которые выполняют те же функции, что и сто лет назад. Они являются целителями и предсказателями. Шаманизм не является чем-то отчужденным от развития культуры и включается в нее как исторический, самый долгий этап становления религиозного сознания.

Полина Парашенкова и Виктория Петченко отметили специфику религиозной молитвы на примере ислама. Их сообщение несколько отличалось от остальных докладов тем, что в нем рассматривался феномен молитвы не только с точки зрения ее роли в религиозной жизни, но и как физиологический процесс, поддающийся научному исследованию. Молитва имеет под собой два основания – это непосредственный опыт разговора с Богом и волевая направленность ума к собственной душе. Доктор медицинских наук Эндрю Ньюберг изучал степень влияния молитвы на головной мозг человека. В результате научного эксперимента, проведенного им, было показано, что момент глубокого погружения истинно верующего человека в молитву усиливает работу той зоны головного мозга, которая ответственна за речь [Ньюберг, Уолдман 2012]. Для верующего это является

свидетельством тесной связи молитвы как религиозно-мистического акта сознания и разговора с Богом. Таким образом, то, что называется в исламе намазом, также обладает этими же качествами, но при этом становится обязательным духовным действием, которое характеризует мусульманскую культуру. Еще одной из важных функций молитвы является духовное очищение, метанойя, переход в иное, более совершенное состояние собственной души.

Переход к восточному проявлению мистических практик знаменовал доклад Александры Сикоренко и Марии Сапцовой «Йога как мистическая практика и образ жизни». Духовные традиции Древней Индии представляют несправедливый интерес особенно относительно собственного духовного опыта, а также диалога культур. Доклад был дополнен красноречивыми образами, которые представили поразительные феномены, происходящие с людьми, находящимися в состоянии глубокой медитации йоги. Состояние самадхи – это состояние целостности, завершение медитации. Иными словами, самадхи – это цель, которая ведет ученика во время медитации и является завершением духовного опыта. Самадхи – это такое состояние просветления, достигаемое медитацией, которое выражается в спокойствии сознания. Снимаются противоречия между внутренним и внешним мирами (субъектом и объектом), происходит слияние индивидуального сознания как микрокосма с космическим Абсолютом как макрокосмом [Дхаммапада 1960]. Самадхи – последняя ступень Восьмеричного пути (Благородный восьмеричный путь), подводящая человека вплотную к нирване. Следует сказать, что докладчиками была затронута тема сиддхи о паранормальных силах, или «совершенных способностях». Интересным было также указание на определенные загадки человеческого тела, его возможности, превосходящие мыслимые в нашем обычном понимании границы.

В контексте восточного духовного опыта Юлия Голышкина обратила внимание на иную духовную традицию, а именно, на практику цигун в Китае. Она представила презентацию, где показала небольшой ролик с учителем цигун, который раскрыл базовые принципы данной телесно-духовной практики. Восточное учение можно применять не только для обретения мистического опыта, но и для оздоровления организма, что прагматичные китайцы прекрасно применяют и по сей день [Торчинов 1993].

В рамках проявленного интереса к восточным традициям духовной жизни Елизавета Лацкова рассказала о замечательном философе В.С.Соловьеве и о его оригинальном учении о Софии. В своем сообщении «Учение о Софии В.С.Соловьева» Елизавета затронула магистральную линию духовного движения эпохи в контексте русской философии.

Образ Софии берет свое смысловое начало в тексте Библии как некое нематериальное основание мира, она предшествует Небесам. Позже этот образ обрел популярность в гностической мысли, а именно, в учении Валентина, который в известном смысле повлиял на философские взгляды В.С.Соловьева. Взгляды гностиков находились на границе античного мировосприятия и средневекового мышления. Само слово гнозис означает «знание», т.е. установка на познаваемость мира в противовес агностицизму, отрицавшему полноту познания мира. Однако учение о Софии имеет под собой не только эпистемологический базис, но в большей степени этический коррект. Именно этическая и мистическая стороны Софии раскрываются в учении В.С.Соловьева в полной мере [Соловьев 1990].

Особый интерес представляют спиритические опыты русского философа, в которых ему хотелось найти взаимосвязь земного и потустороннего мира. Он довольно рано начал изучение и глубокое погружение в образ Софии. Там, где мы в философских текстах видим метафизические и логические категории, В.С.Соловьев их переживал sensitively (эмоционально), т.е. с невероятной образной насыщенностью.

Учение о Софии в творчестве русского философа выступает не только теоретически, но и в живом опыте встреч с вечной женственностью, красотой мира, мудростью и любовью. Для В.С.Соловьева и материальная, и надматериальная силы связаны с Софией, как с той энергией, которая творит этот мир. Отношение В.С.Соловьева к материальному миру был весьма своеобразным. Он пытался преобразовать православие, Русскую церковь, российскую историю с помощью Софии. В христианстве наиболее яркое воплощение этот образ получил именно в православии, в католицизме он был практически забыт. Мы можем найти огромное количество храмов на территории Российской империи, построенных во имя этой святой, а также множество древних икон. В связи с чем В.С.Соловьев подразумевал, что России предначертана особая судьба. Она ведома Софией, Премудростью Божией, и нужно действовать согласно ее воле, чтобы духовно изменить людей.

Завершающий доклад был посвящен скандинавской мифологии и ее влиянию на культуру. А. Р. Хасьянова, Н. М. Покровская представили красочную презентацию, которая изображала смысловые коннотации скандинавских народов, которые созвучны нашей древнеславянской культуре.

Заключение

Обсуждение было продуктивным, дискуссия носила междисциплинарный характер, которая выходила за границы культурологии и богословия. Данный опыт круглого стола показывает необходимость продуктивного диалога между разными традициями религиозного опыта [Восток – Запад 1985]. Философия становится важным звеном в развитии культуры взаимопонимания. Только благодаря поиску единства можно достичь снятия этических и эпистемологических противоречий, которые проявляются в многообразии мистических практик в разных культурах. Как мы обнаружили в ходе дискуссии, религиозные практики проявляют генуинную в той или иной культуре тональность, заставляя всё больше погружаться в эти ритмы в поисках единой мелодии человеческой души.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Августин Аврелий.* Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий. М. : Республика, 1992. 335 с.
- Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М. : Наука, 1985. 272 с.
- Гегель Г. Г. Ф.* Философия религии: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1975. 532 с.
- Годова М., Маслова А. В.* Диалог как ценность культуры // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 1 (768). С. 190–199. URL: www.vestnik-mslu.ru/Vest-2017/1_768_2017_net.pdf
- Житыева Н. С.* Типология универсальных и индивидуальных особенностей мистических традиций мира // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 60–70.
- Дхаммапада. Памятники литературы народов Востока / пер. с пали В. Н. Топорова. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 160 с.
- Ньюберг Э., Уолдман М. Р.* Как Бог влияет на наш мозг: Революционные открытия в нейробиологии. М. : Эксмо, 2012. 576 с.
- Рабинович В. Л.* Человек в исповедальном жанре // О человеческом в человеке. М. : Политиздат, 1991. С. 298–327.
- Соловьев В. С.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М. : Книга, 1990. 574 с.
- Торчинов Е. А.* Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб. : Андреев и сыновья, 1993. 310 с.

Эриксен Т. Б. Августин. Беспокойное сердце. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 384 с.

Элиаде М. Аспекты мифа. М. : Академический проект, 2010. 251 с.

Godava M. Conditioning of Intellect in Christian Contemplation in the Light of Definitions and St. Augustine's Experience // *Bogoslovni vestnik*. 2015. № 75. P. 525–540.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки	VESTNIK of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences
Выпуск 5 (795)	Issue 5 (795)

Ответственные за выпуск 5 (795):
д-р филол. наук, доц. Н. Б. Кудрявцева
(ответственный редактор);
канд. филол. наук, доц. Л. М. Жданова
(ответственный секретарь)

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. Г. Проскуракова

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 30.05.2018 г.
Усл. печ. л. 18. Формат 60x90/16
Заказ № 86

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология
09.00.00 – Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: libranet.linguanet.ru/prk/vestnik.asp?vest_lang=rus&vest_type=gum
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ
Ссылка на издание обязательна